

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ

№2 (57) / 2012

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

А.М. Горлатов (*главный редактор*),
З.А. Харитончик (*зам. главного редактора*),
П.В. Васюченко, Т.С. Глушак, Т.И. Голикова, Е.В. Зарецкая,
Г.Ф. Лепесская, Т.П. Карпилович, С.Е. Кунцевич, В.В. Макаров,
А.Н. Степанова, О.А. Судленкова

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Астапкина Е.С.</i> Прилагательные тактильного восприятия: система производных значений (на материале английского, белорусского, немецкого и русского языков)	6
<i>Бахшиева Фидан Сурат гызы</i> Языковая игра в контексте истории культуры	15
<i>Гаврилова О.Ю.</i> Способы представления семантики лексических единиц в современной лексикографии	19
<i>Гладко М.А.</i> Риторический взгляд на аргументацию в научно-юридической коммуникации	24
<i>Конашенко Е.И.</i> Синтаксические стилистические приемы и способы их передачи в синхронном переводе	32
<i>Силков С.В.</i> Терминологический словарь и информационные ресурсы по архивистике, терминоведению и поиску информации	39
<i>Шаповаленко Д.Н.</i> Лексико-семантические средства национально-культурной адаптации художественного текста (на примере перевода на немецкий язык повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат»)	44
<i>Шевцова А.К.</i> Особенности самопрезентации участников англо- и белорусскоязычных радиодискуссий	53

Романское и германское языкознание

<i>Борчук О.В.</i> Об уточнении понятия <i>гиперроль адресат</i> в семантической структуре немецкого предложения	60
<i>Гребень Т.Н.</i> Присоединительные конструкции в функции сообщения дополнительной информации в медийном дискурсе	67
<i>Казанкова Е.А.</i> “Чужая” речь в нарративе: соотношение стандартных форм (на материале современной немецкой прозы)	73
<i>Колбаско Е.П.</i> Глаголы со значением увеличения в англоязычном медийном дискурсе ...	81
<i>Мышалова И.П.</i> Диапазон градуальной лексики в современном английском языке	87
<i>Рубанюк Н.В.</i> Обиходные глаголы, выражающие дополнительные модальные значения, как средство реализации межличностной метафункции	96
<i>Символокова Т.В.</i> О полевой структуре семантического содержания символа	103
<i>Сокольчик Н.В.</i> К вопросу о границах класса междометий во французском языке	111
<i>Толстых Ю.А.</i> Классификация видов рекуррентной номинации	119

Исследования славянских языков

<i>Изместьева И.А.</i> К вопросу о судьбе <е> в русском языке	126
<i>Кузин А.Н.</i> Метафорика лжи в русском молодежном сленге	132

Прикладная лингвистика

<i>Кравченко С.Ю.</i> Особенности японского языка как объекта моделирования с целью автоматического анализа текста	140
--	-----

Литературоведение

<i>Радзіеўская В.А.</i> Гібрыдная ідэнтычнасць у рамане Л.М. Сілка «Абрад»	148
--	-----

<i>Наши авторы</i>	155
--------------------------	-----

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Astapkina E.S.</i> Adjectives of Tactual Perception: the System of Figurative Meanings (on the Material of the English, Belarusian, German and Russian Languages)	6
<i>Bakhshiyeva F.S.</i> Language Game in Context of Culture's History	15
<i>Gavrilova O.Y.</i> Ways of Representation of Meanings in Modern Lexicography	19
<i>Gladko M.A.</i> A Rhetoric View on Argumentation in Scientific Legal Communication.....	24
<i>Kanashenka K.I.</i> Syntactic Stylistic Devices and Ways of Their Expression in Russian-English Simultaneous Interpreting	32
<i>Silkov S.V.</i> Terminological Dictionary and Information Resources on Archivistics, Terminological Science And Information Retrieval.....	39
<i>Shapovalenko D.N.</i> Lexical Semantic Problems of National and Cultural Adaptation of Narrative Text	44
<i>Shevtsova A.K.</i> Some Self-Presentation Peculiarities of Participants in British and Belarusian Radio Discussions	53

Romance and Germanic Linguistics

<i>Borchuk O.V.</i> To the Specification of the Concept <i>the Hyperrole Addressee</i> in the Semantic Structure of a German Sentence	60
<i>Hreben T.N.</i> Conjunctive Constructions in the Function of Giving Additional Information in Media Discourse	67
<i>Kazankowa E.A.</i> "Foreign" Speech in Narrative: Correlation of the Standart Forms (based On The Material From The Modern German Prose).....	73
<i>Kolbasko E.P.</i> Phrasal Verbs with the Meaning of Augmentation in English Media Discourse .	81
<i>Myshalova I.P.</i> The Range of Gradational Lexical Units within Contemporary English Language System.....	87
<i>Rubaniuk N.V.</i> Notional Verbs, with a Modal Component in their Meaning as a Means of Realizing the Interpersonal Metafunction	96
<i>Simvolokova T.V.</i> On the Field Structure of the Semantic Content of a Symbol.....	103
<i>Sokolchik N.V.</i> On the Question of Border Line of French Interjections	111
<i>Tolstykh Y.A.</i> The Classification of the Kinds of Recurrent Nomination.....	119

Slavonic Languages

<i>Izmestjeva I.A.</i> To the History of <e> in the Russian Language.....	126
<i>Kuzin, A.N.</i> The Conceptual Metaphors of Lying in Modern Russian Youth Slang	132

Applied Linguistics

<i>Krauchanka S.Y.</i> The Specifics of the Japanese Language as a Modeling Subject for Automatic Text Analysis.....	140
---	-----

Studies in Literature

<i>Radziyeuskaya V.A.</i> Hybrid Identity in L. M. Silko's Novel "Ceremony"	148
<i>Our authors</i>	155

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Е.С. Астапкина

**ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ТАКТИЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ:
СИСТЕМА ПРОИЗВОДНЫХ ЗНАЧЕНИЙ**

(на материале английского, белорусского, немецкого и русского языков)

В статье приведены наиболее продуктивные модели семантической деривации в лексико-семантической группе прилагательных с исходной тактильной семантикой. Показано, что основными сферами переноса значения для тактильных прилагательных являются: 1) признаки, воспринимаемые другими органами чувств; 2) интенсивность признаков, явлений; 3) оценка; 4) характер и эмоциональные состояния человека; 5) погода и климат; 6) физиологические ощущения; 7) степень готовности предмета к употреблению, стадия обработки. Развитие переносных значений происходит на основе общего для прямых и производных значений ассоциативного компонента, а разная продуктивность моделей деривации объясняется особенностями семантики тактильных признаков.

Семантическая структура слова является подвижным образованием. Увеличение лексико-семантических вариантов лексемы связано с потребностью в номинации новых признаков и свойств на основе знаний об уже известных. При этом для многозначных слов, входящих в определенный семантический класс, тематическую группу, модели семантической деривации могут совпадать, т.е. в ряде случаев полисемия может описываться с помощью неких более или менее общих правил. Ю.Д. Апресян определяет многозначность в данном слове регулярной, «как только аналогичная связь обнаруживается в другом» слове [1, с. 189]. Е.В. Падучева отмечает, что многозначность слова, как правило, регулярна, и «если направление производности определено, регулярная многозначность может быть представлена в виде модели семантической деривации, которая переводит одно значение в другое» [2, с. 25].

Объектом нашего исследования являются прилагательные (а также адъективированные причастия) *тактильного восприятия*¹ английского, белорусского, немецкого и русского языков, отобранные путем сплошной выборки из толковых словарей [3; 4; 5; 6], взятые в первом (по словарю) значении. Лексико-семантическая группа (ЛСГ) прилагательных тактильного восприятия в рассматриваемых языках представлена следующими тематическими подгруппами: прилагательные, описывающие признаки внешнего строения предмета (признак качества поверхности, признак ‘мокрый – сухой’) и внутреннего строения предмета (признаки ‘твердый – гибкий – мягкий’). Нашей целью является выявление моделей семантической деривации тактильных прилагательных, т.е. осуществляется анализ семантической

¹ В данной работе *тактильная (кожная) рецепция* рассматривается как самостоятельный вид восприятия, который входит в осязание наряду с температурными ощущениями.

структуры прилагательных с исходной семантикой тактильности с целью проверки гипотезы о том, что лексемы, объединенные тематически, развивают производные значения по регулярным механизмам.

При формировании производных значений семантическое варьирование базируется на определенных представлениях, которые можно применить как в ситуации тактильного восприятия, так и при характеристике отвлеченных ситуаций, признаков. Например, для прилагательных, обозначающих признак 'твердый – гибкий – мягкий', общим является представление о трудности или легкости воздействия, манипуляции, влияния на материальный предмет (в прямом значении) и, например, на общественный порядок, дисциплину, поведение или характер человека (в производном значении). Признак 'сухой' при описании ситуации отвлеченного характера указывает на нехватку или отсутствие, но уже не влаги, жидкости, а какого-либо другого необходимого компонента. Признак качества поверхности – 'гладкий – шершавый' – содержит в своей исходной семантике указание на способ передвижения по поверхности с определенной фактурой: по гладкой поверхности рука скользит, а на шероховатой – встречает препятствия в виде неровностей, зазубрин. Эта ситуация беспрепятственного или трудного, осложненного чем-либо движения лежит в основе метафорических переносов.

Два сенсорных признака могут объединяться на основе их тактильно воспринимаемого сходства. Так, лексемы, обозначающие в прямом значении определенный тактильный признак, в производном значении участвуют в номинации другого тактильного признака. Прилагательные, которые развивают подобные производные «тактильные» значения, могут быть выражены лексемами, принадлежащими одной и той же или разным тематическим подгруппам, однако в пределах одной ЛСГ, т.е. в пределах одной модальности – осязания. Основными направлениями такого внутримодального переноса являются следующие: а) 'твердый' → 'негибкий'¹ (белорус. *задубелы шынель*); 'липкий' → 'покрытый слизью' (белорус. *слізкая скура*, рус. *липкая бумага*); 'гладкий' → 'скользкий' (нем. *eine glatte Straße* 'скользкая улица', *eine spiegelglatte Oberfläche* досл. 'гладкая как зеркало (скользящая) поверхность'); 'мягкий' → 'вязкий, тягучий' (нем. *ein zäher Hefeteig* 'тягучее тесто', *zähe Konsistenz* 'вязкая консистенция'); 'скользкий' → 'вязкий, тягучий' (нем. *der Kuchen ist innen glitschig* 'пирог внутри клёклый (непропеченный)'); б) 'твердый' ↔ 'качество поверхности'² (белорус. *чэрствая глеба, замёрзлыя вокны*; рус. *жесткая щетка, твердый настил*); 'мокрый' → 'качество поверхности' (белорус. *спацелья шыбы*; рус. *мокрый асфальт, потное окно*); 'твердый' ↔ 'сухой' (белорус. *сухі батон*; рус. *сухой хлеб*; нем. *trockenes Brot* 'черствый (сухой и твердый)

¹ Символ «→» обозначает направление переноса, т.е. прилагательные, обозначающие признак 'твердый', развивают производное значение для номинации признака 'негибкий'.

² Символ «↔» указывает на то, что перенос осуществляется в двух направлениях, например, признак 'твердый' используется для передачи признака 'сухой', и наоборот.

хлеб’). Данный тип семантического развития наиболее часто представлен в смысловых структурах прилагательных русского и белорусского языков и отмечен в отдельных лексемах английского и немецкого языков.

Особенностью семантической структуры рассматриваемых лексем является возможность совмещения признаков разных модальностей, что позволяет использовать тактильные прилагательные для описания признаков, воспринимаемых другими органами чувств. Такой метафорический перенос носит название *синестетического*.

Высокой степенью регулярности и значительным числом вариантов отличается перенос тактильно воспринимаемого признака на свойства и качества предметов, воспринимаемые зрительно. Так, тактильные прилагательные используются для характеристики света (англ. *hard brilliance* ‘яркий свет’, *the soft glow of candlelight* ‘мягкий свет свечи’; белорус. *мяккае святло, сухі бляск*; нем. *weiches Licht* ‘мягкий свет’; рус. *мягкий свет*), цвета (англ. *a soft pink* ‘мягкий (нежный) розовый’, *saturated reds* ‘яркие (насыщенные) красные цвета’; белорус. *мяккія ружовыя цені*; нем. *weiche Brauntöne* ‘мягкие тона коричневого’, *harte Farben* ‘яркие (контрастные) цвета’; рус. *мягкие тона красок, гладкие (однотонные) ткани*). Кроме этого, анализируемые лексемы употребляются при описании формы предмета, его очертаний, контуров (англ. *soft curves* ‘мягкие изгибы’, *a cube is a solid figure* ‘куб – трехмерная фигура’; белорус. *пухлы (аб’ёмны) сямейны альбом*; нем. *harte Linien, Umrisse* ‘резкие линии, очертания’, *weiche Linien* ‘мягкие линии’; рус. *мягкие линии рисунка, пухлый журнал*). Тактильные прилагательные используются для характеристики внешности человека, а именно черт лица (белорус. *мяккія, цвёрдыя рысы твару*; нем. *ein hartes, weiches Gesicht* ‘твердые, мягкие черты лица’; рус. *мягкие, сухие, жесткие черты лица, твердый профиль*), фигуры, телосложения, внешнего облика (белорус. *сухі стары, гладкія дзеці, пышная дама*; нем. *ein dürrer Körper, Hals* ‘сухое (худое) тело, шея’, *der Junge ist sehr dürr* ‘парень очень сухой (худой)’, *weiche, weibliche Körperformen* ‘мягкая, женская форма тела’; рус. *сухой старикашка, пышное тело*).

В каждой тематической подгруппе отмечен переход из тактильной сферы в звуковую: англ. *a soft voice* ‘мягкий голос’, *a scratchy old recording* ‘скрипучая старая запись’, *smooth jazz* досл. ‘гладкий джаз’; белорус. *агрубелы, мяккі голас, сухі лязг*; нем. *ein weichen Tenor* ‘мягкий тенор’, *eine kratzige Stimme* ‘хриплый голос’, *ein trockenes Lachen, Husten* ‘сухой смех, кашель’; рус. *мягкий, огрубелый голос, сухой треск, упругий звук рояля*). Тактильные адъективы используются для характеристики вкусовых качеств (англ. *a glass of dry white wine* ‘стакан сухого (несладкого) белого вина’, *a smooth wine* ‘нетерпкое (мягкое) вино’, *this coffee has a smooth, rich taste* ‘у этого кофе нетерпкий, богатый вкус’; нем. *der Cognac ist wunderbar weich* ‘коньяк удивительно мягкий’, *trockene Weine* ‘сухие (несладкие) вина’).

Для прилагательных, обозначающих признак ‘твердый – мягкий’, наиболее продуктивным является перенос на зрительно воспринимаемые признаки, признак ‘сухой – мокрый’ чаще употребляется для характеристики звуковых

и вкусовых качеств, в каждой тематической группе достаточно высок удельный вес лексем, которые имеют в своей структуре «звуковое» значение. Переход на признаки, воспринимаемые обонянием, не происходит.

В отдельную группу значений можно выделить употребления тактильных прилагательных для характеристики походки, движений человека, которые воспринимаются зрительно. Это особенно ярко проявляется в подгруппах прилагательных, обозначающих признаки ‘твердый – мягкий’, ‘гибкий’, ‘скользкий’: англ. *springy step* ‘пружинистый шаг’, *smooth motion* ‘плавное движение’; белорус. *мяккія, эластычныя рухі*; нем. *mit elastischem Schritt* ‘эластичным шагом’, *weiche, harte Züge* ‘мягкие, резкие движения’; рус. *эластичные движения, скользящие шаги, твердая походка*.

Анализируемые лексемы распределены по тематическим подгруппам, где менее четко, чем в ЛСГ температурных прилагательных, но все же обозначена шкала проявления признака. Например, Е.С. Борейко располагает на шкале прилагательные со значением ‘твердый – мягкий’ следующим образом: мягкий – податливый – гибкий – эластичный – упругий – плотный – жесткий – твердый [7, с. 96]. При семантической деривации тактильные прилагательные способны выражать как качественную, так и количественную характеристику описываемых явлений, ситуаций. Производные значения описывают различную степень проявления этого же тактильного признака (англ. *a soft pencil* ‘мягкий карандаш (мягче, чем обычно)’, *soft cheese* ‘мягкий сыр’; рус. *мокрый бисквит, сухие* (пересохшие) *губы*). Анализируемые лексические единицы имеют в своей семантической структуре производное значение ‘мощный, резкий, сильный/слабый, умеренный’ и дают количественную характеристику природным явлениям (ветер, пора года, климат): англ. *a hard winter* ‘суровая (холодная) зима’, *a hard frost* ‘сильный мороз’, *a soft breeze* ‘мягкий (легкий) ветерок’, *rough seas* ‘бурные моря’; белорус. *мяккая зіма, пругкі вецер*; нем. *ein steifer Wind* ‘упругий (сильный) ветер’, *eine steife See* ‘бурное море’, *ein harter Winter* ‘суровая зима’; *упругий, жесткий ветер, мягкий климат*.

Рассматриваемые лексемы развивают значение ‘сильный/слабый’ и определяют такие существительные, как *бросок, удар, рукопожатие*, указывая на прилагаемую физическую силу (англ. *hard push* ‘сильный толчок’, *a firm handshake* ‘крепкое рукопожатие’; нем. *ein glasharter Schuss* ‘сильный бросок’, *ein fester, stahlharter Händedruck* ‘крепкое, твердое как сталь рукопожатие’, *ein harter Aufprall, Ruck* ‘сильный удар, рывок’).

В сочетании с существительными в отвлеченном значении деятельности, процесса лексемы актуализируют значение ‘интенсивный, напряженный, требующий сосредоточения всех сил’ (англ. *a sweaty job* ‘тяжелая работа (такая, которая заставляет потеть)’, *hard work* ‘трудная работа’; нем. *er hat den ganzen Tag fest[e] gearbeitet* ‘он упорно работал весь день’). Отметим употребление нем. *zäh* ‘жесткий’ в значении ‘медленный’ для указания на скорость протекания процессов: *die Arbeit kommt nur zäh voran* ‘работа продвигается очень медленно’.

В подгруппе лексем со значением ‘твердый – мягкий’ выделяются отдельные группы производных значений с компонентом интенсивности: прилагательные служат для обозначения сильного или слабого эффекта воздействия определенного вещества на организм человека (англ. *hard liquor* ‘крепкий ликер’, *hard drugs* ‘сильные наркотики’; нем. *weiche Drogen* ‘слабые наркотики’, *er sollte harte Drinks meiden* ‘ему не следует употреблять крепкие напитки’, *ein steifer Grog* ‘крепкий грог’). При употреблении с названиями алкогольных напитков прилагательное обозначает соответственно высокое или низкое содержание спирта, а при сочетании с названиями наркотиков акцент ставится на зависимость, привыкание, которые может повлечь за собой их прием.

Оказывать воздействие на человека могут не только материальные объекты, природные явления, наркотики или алкоголь, но и слова, поведение другого человека, его действия, поступки: лексем со значением ‘мягкий’ развивают значение ‘нестрогий, снисходительный’ (белорус. *мяккі дакор*, *мяккае абыходжанне*; рус. *мягкий упрек*, *мягкие выражения*).

Таким образом, в рамках данной модели семантической деривации тактильный признак используется для характеристики силы проявления природных и погодных явлений, физической силы контакта, степени воздействия алкоголя, наркотиков, медикаментов на организм человека, а также эмоций, вызываемых поведением, поступками человека, при этом признаки ‘твердый’, ‘сухой’, ‘шершавый’ употребляются для передачи высокой, а признак ‘мягкий’ – низкой степени воздействия, проявления признака.

С понятием шкалы сопряжено понятие нормы, с которой сопоставляются и, соответственно, оцениваются воспринимаемые признаки. Оценочное значение можно рассматривать как наиболее обобщенное и абстрактное значение прилагательного, имеющего к тому же и наибольшую субъективность, так как мнение всегда индивидуально. А.Н. Шрамм отмечает, что «оценочность широко распространена как среди исходных, так и особенно среди переносных значений прилагательных» [8, с. 25].

Предметы, качества, явления оцениваются с точки зрения вызываемых эмоций, ощущений, при этом соответствие норме оценивается положительно, а отклонение от нее, в свою очередь, может получать как положительную, так и отрицательную оценку. Прилагательные развивают значение ‘приятный на ощупь’ (англ. *a baby's soft skin* ‘мягкая кожа младенца’, *softest silk* ‘нежнейший шелк’; белорус. *гладкае шкло*, *гладкая панера*; нем. *ein weicher Pullover*, *Pelz* ‘мягкий свитер, мех’, *weich wie Seide*, *wie Samt* ‘мягкий как шелк, бархат’; рус. *мягкие волосы*, *мягкая шерсть*). Эталоном «мягкости» выступает такой материал, как шелк, бархат.

Производное оценочное значение может быть представлено следующими вариантами: а) ‘хороший, заслуживающий доверия’: англ. *a solid reputation* ‘надежная репутация’, *good solid advice* ‘хороший надежный совет’; б) ‘важный, интересный/несерьезный, глупый’: англ. *sticky website* ‘интересный вебсайт’, *hard news* ‘серьезные новости’, *a fluffy romantic fantasy*

‘глупая романтическая фантазия’, *mushy novels* ‘глупые романы’; в) ‘безошибочный’ (белорус. *цвёрдыя веды*; рус. *твердые знания, твердая память*; г) ‘неопровержимый, достоверный’ (англ. *hard, firm, solid facts* ‘неопровержимые факты’); д) ‘настоящий, явный’: нем. *eine glatte Lüge, Provokation* ‘чистая ложь, провокация’, *das ist ja glatter Wahnsinn* ‘это явное безумие’.

В описанных ситуациях тактильный признак, обозначенный прилагательными, соответствует «нормальной» степени его проявления (за исключением англ. *fluffy* ‘пушистый’, *mushy* ‘мягкий’ в значении ‘глупый, несерьезный’). Отклонение от нормы сообщает отрицательную оценку воспринимаемому свойству, качеству, а соответствующие прилагательные значением ‘безнравственный, неприличный’ выражают отрицательную этическую оценку: англ. *coarse jokes, manners* ‘грубые шутки, манеры’; белорус. *крамяное слоўца*; нем. *ein schlüpfriger Witz* ‘непристойная шутка’, *schmierige Witze* ‘грязные шутки’. При этом для русского и белорусского языков можно выделить модель, обратную приведенной: «‘тактильный признак’ → ‘положительная оценка: напыщенный, высокопарный’» (о речи, словах): рус. *пышная фраза, пышные слова*. Положительную эстетическую оценку можно отметить и в производных значениях ‘роскошный, великолепный’ рус. *пышный*, белорус. *пышны* (рус. *пышная свадьба, пышный дворец*, белорус. *пышны замак*).

Рассмотренная модель деривации «‘тактильный признак’ → ‘оценка’» более продуктивна в английском и немецком и менее характерна в русском и белорусском языках.

Метафорический перенос порождает сферу употреблений прилагательных, связанную с отношениями между людьми. В эту группу попадают имена, описывающие характер, поведение и проявление эмоций, при этом конкретные тактильные признаки используются для описания вполне определенных черт характера, манеры поведения. Признаки ‘твердый’, ‘шершавый’ употребляются для описания стойкого, мужественного, непоколебимого человека с суровым, резким характером (англ. *be firm with somebody* ‘вести себя жестко с кем-л.’; белорус. *цвёрдакаменны характар*; нем. *ein sprödes Wesen* ‘жесткий (неприступный) характер’; рус. *жесткий характер, твердый нрав*). Прилагательные со значением ‘сухой’, ‘шершавый’, в свою очередь, характеризуют неотзывчивого, бездушного человека, лишённого душевной мягкости, чуткости (англ. *you’re a hard man* ‘ты бессердечный человек’, белорус. *чэрствы чалавек, агрубелая натура*; рус. *суховатый характер, черствый бюрократ, загрубелая душа*). Характер слабого, безвольного человека можно описать с помощью признаков ‘мягкий’, ‘мокрый’ (англ. *don’t be so wet!* ‘не будь таким безвольным’, *pliable government* ‘уступчивое правительство’, *pliant judges* ‘сговорчивые судьи’; белорус. *мяккі характар*; нем. *ein schwanker Mensch* ‘неуверенный в себе человек’, *ein weicher Mensch* ‘мягкий человек’; рус. *мягкий характер*). Для характеристики хитрого, увертливого, неискреннего человека используются прилагательные, передающие признаки ‘мокрый’, ‘скользкий’, ‘гладкий’ (англ. *a slimy politician* ‘лицемерный политикан’; белорус. *слізкі чалавек*;

нем. *er ist so ein glatter Typ* ‘он льстивый тип’, *ein klebriger Schleimer* ‘подлиза’; рус. *такой скользкий, гладкий – из воды сухим выйдет*). Признак ‘гладкий’ также употребляется для описания уравновешенного, спокойного, покладистого человека (англ. *a smooth salesman* ‘дружелюбный продавец’; рус. *гладкий характер*).

Психическое и физическое состояние человека и его отношение к другим людям могут быть выражены посредством взгляда, голоса, улыбки, жеста и т.п. Актуализация этого значения прилагательных осуществляется при их сочетании с такими существительными, как *вид, лицо, улыбка, взгляд, тон, голос*. При опосредованном проявлении эмоций, в частности, через поступки и деятельность человека, прилагательные сочетаются с такими именами, как *прием, встреча, обращение, отношение* и т.п.

Модели семантической деривации, при которых осязательный признак используется для описания погодных условий, достаточно продуктивны в ЛСГ температурных прилагательных. Возможность опосредованного восприятия признака ‘сухой – мокрый’ (т.е. не при непосредственном контакте, а через воздух) объясняет продуктивность образования производных значений по моделям: «‘сухой – мокрый’ → ‘погода’», «‘сухой – мокрый’ → ‘климат’» и т.п.: англ. *wet weather* ‘мокрая погода’; белорус. *сухое наветра, сухая пагода*; нем. *nasses Wetter* ‘мокрая погода’; рус. *сухой ветер*. Для прилагательных, которые в своем прямом значении участвуют в номинации признака качества поверхности и признака ‘твердый – мягкий’, не так частотно употребление для характеристики погодных явлений: англ. *the air was fresh and crisp* ‘воздух был свежим и морозным’; белорус. *крамяное надвор’е*.

В описанных случаях обнаруживается синкретизм понятийных сфер ‘время’ и ‘погода’: при иллюстрации производных значений используются существительные, указывающие на временной отрезок, период (описание погоды) или расположение объекта (характеристика климата, местности/помещения). Это свидетельствует о взаимодействии когнитивных механизмов метафоры и метонимии, характерном для древней ступени сознания, т.е. признак воспринимается вместе со временем или местом его реализации [9, с. 24–25]. Среди регулярных моделей семантической деривации выделяются такие метонимические модели, как «‘признак’ – ‘время, когда реализуется этот признак’»; «‘признак’ – ‘место, где реализуется этот признак’» (англ. *a dank prison cell* ‘сырая тюремная камера’, *cool, dry place* ‘прохладное сухое место’; нем. *der raue Norden* ‘суровый север’, *eine raue Gegend* ‘суровая местность’).

Тактильные прилагательные используются для характеристики климата стран с определенным количеством осадков или влажностью воздуха (англ. *humid, wet climate* ‘влажный климат’; белорус. *вільготны, сухі клімат*; нем. *raues, trockenes, feuchtheißes Klima* ‘суровый, сухой, влажный климат’; рус. *сухой, сырой климат*). Наблюдается частотность данных моделей именно в подгруппе прилагательных, обозначающих признак ‘сухой – мокрый’.

Тактильные прилагательные в рассматриваемых языках развивают производные значения для передачи физиологического состояния. Прилагательные со значением 'сухой' в английском языке используются для описания ощущения жажды (англ. *I'm dry, I'm parched* 'я хочу пить'). Признак 'твердый' в рассматриваемых славянских языках передает состояние онемения (белорус. *задзервянелыя, застылыя ногі*; рус. *застывшие руки*). Потеря чувствительности может быть связана с действием температурных факторов или являться результатом усталости. Этот же тактильный признак ('твердый – мягкий') в английском и немецком языках описывает состояние сексуального возбуждения (англ. *a sultry singer* 'сексапильный (возбуждающий) певец'; нем. *steif* 'возбужденный'). Признак 'шершавый' участвует в номинации болевых ощущений, подобных тем, которые возникают при соприкосновении с колючей поверхностью (англ. *a prickly woollen sweater* 'колючий шерстяной свитер'; белорус. *шорсткая барада, шурпатая анучка*; нем. *einen rauhen Hals, eine raue Kehle haben* 'воспаленное [пересохшее] горло').

Среди производных значений тактильных прилагательных можно выделить значения, образованные по модели «'тактильный признак' → 'степень готовности к использованию'». При сочетании с существительными, обозначающими конкретный объект, прилагательные указывают на наличие или отсутствие процесса предварительной обработки, приготовления, степени готовности: англ. *a rough wooden table* досл. 'шершавый (не очень хорошо сделанный) деревянный стол'); белорус. *сырая бульба*; нем. *die Kartoffeln sind noch hart* 'картошка еще сырая', *raue Eier* 'сырые яйца'; рус. *сырое мясо, сырое литье*. При характеристике продуктов умственной и речевой деятельности прилагательные развивают значение 'незаконченный, незавершенный; приблизительный': англ. *a rough sketch* 'черновой план', *a rough draft* 'черновик'; белорус. *рыхлая кампазіцыя, нягладкія вершы*; нем. *raues Material* 'предварительные данные'; рус. *сырой доклад, шероховатое выступление*.

В процессе анализа были выявлены также отдельные модели, свойственные лексемам рассматриваемых языков, которые передают определенный тактильный признак. Так, например, можно выделить употребление лексем со значением 'твердый' в значениях 'устойчивый, надежный; неподлежащий изменениям' (рус. *твердые цены*), 'трудный для выполнения, понимания' (англ. *a solid task* 'трудная задача'). Признак 'скользкий' активно используется при описании ситуации опасности (англ. *sticky patch* 'скользкая дорожка, *a slippery customer* 'опасный клиент'), а признак 'сухой' – при характеристике чувства юмора человека (англ. *dry sense of humour* досл. 'сухое (хорошее) чувство юмора'; нем. *einen trockenen Humor haben* досл. 'иметь сухое (хорошее) чувство юмора').

Таким образом, прилагательные рассматриваемых языков развивают однотипные значения как в пределах тематической группы, так и в рамках ЛСГ, и используются для описания одного и того же явления, ситуации под определенным углом, выделяя разные его характеристики.

Регулярные модели развития производных значений в рассматриваемых языках представлены следующими: «‘тактильный признак’ → ‘тактильный признак’» (внутримодальные переносы); «‘тактильный признак’ → ‘признак, воспринимаемый другими органами чувств’» (синестезия); «‘тактильный признак’ → ‘интенсивность’»; «‘тактильный признак’ → ‘оценка’»; «‘тактильный признак’ → ‘характер, поведение, эмоции’»; «‘тактильный признак’ → ‘погода, климат’»; «‘тактильный признак’ → ‘физиологические ощущения’»; «‘тактильный признак’ → ‘степень готовности к использованию’». В пределах каждой модели выделяются направления переносов (например, употребление лексем для обозначения положительной или отрицательной оценки, описание разных физиологических ощущений и т.п.). Частотность определенной модели может быть различна в разных тематических группах, например, прилагательные со значением ‘твердый – мягкий’ чаще используются для передачи интенсивности проявления какого-либо признака или для описания характера человека, признак ‘сухой – мокрый’ участвует в номинации погодных явлений, а признак качества поверхности ассоциативно связан с ситуацией опасности.

Тактильные прилагательные используют свой семантический потенциал для номинации широкого круга признаков и свойств, а регулярность переносов свидетельствует о моделируемом характере семантических процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян, Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М. : Языки рус. культуры, 1995. – 213 с.
2. *Падучева, Е.В.* К структуре семантического поля «восприятие» : На материале глаголов восприятия в русском языке / Е.В. Падучева // *Вопр. языкознания.* – 2001. – № 4. – С. 23–44.
3. *Longman Dictionary of Contemporary English for Advanced Learners.* – 5th ed. – Harlow : Pearson Education Ltd., 2009. – 2081 p.
4. *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад рэд. К.К. Атраховіча.* – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 5.
5. *Duden Deutsches Universalwörterbuch / red. bearb. von R. Osterwinter.* – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 2007. – 2016 s.
6. *Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова.* – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.
7. *Борейко, Т.С.* Ситуация тактильного восприятия : способы представления в системе русского языка и в языковом сознании индивида : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т.С. Борейко. – Омск, 2006. – 224 л.
8. *Шрамм, А.Н.* Очерки по семантике качественных прилагательных : На материале современного русского языка / А.Н. Шрамм. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. – 134 с.

9. *Ивашина, Н.В.* Когнитивная метафора и метонимия как основа концептуализации славянских темпоральных представлений / Н.В. Ивашина // *Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik.* – 2011. – Jg LVI, Heft 1. – S. 16–36.

The article deals with the main patterns of semantic derivation of the adjectives with a primary meaning of tactual perception. The list of productive ways of semantic change is given. The data provided prove that the adjectives analyzed serve as a source for nomination of various abstract phenomena.

Поступила в редакцию 19.01.12

Бахшиева Фидан Сурат гызы

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

У Алексея Николаевича Толстого как-то спросили:
«Алексей Николаевич, что означает “Г” на Вашей двери?»
Писатель ответил: «Для кого граф, а для кого гражданин!»

Статья посвящена языковой игре в контексте истории культуры. Языковая игра подчиняется системным закономерностям и связана с асимметрией знака. В речи языковая игра выступает против строгости знака. В лингвистике обе тенденции рассматривают в связи с предметом. Фактически обе тенденции носят семиотический характер.

Термин *языковая игра* был введен в оборот Л. Витгенштейном. Ясно, что создание термина должно с необходимостью соответствовать строгой дефиниции. Более того, дефиниция термина так или иначе должна предполагать некий дискурс. Можно предположить, что дискурс в стратегически сжатом виде содержится в дефиниции. Фактически речь идет о знаке, за которым стоит некоторое пространство смысла. Следует дифференцировать значение знака и пространство смысла, стоящее за знаком.

Термин *языковая игра* представляет собой строгое обозначение, конститuentы которого не подвергаются десемантизации. Иными словами, подразумевается игра, которая на самом деле носит языковой характер. В этой связи можно вспомнить того же Витгенштейна, который в качестве эпиграфа к “*Logisch-Philosophische Abhandlung*” приводит слова Кюрнбергера: “und alles, was man weiss, nicht bloss rauschen und brausen gehört hat, lässt sich drei Worten sagen” [1, S. 3]. Что означает: «И все, что знаешь глубоко, не понаслышке, можно сказать тремя словами».

Языковая игра, если она признается как некоторая реальность, а не только как возможность эстетического обыгрывания, противопоставлена строгому языку науки в принципе. В этой связи уместно вспомнить древнее правило еврейских экзегетов, утверждавших, что Библию буквально понимать нельзя, толковать же грешно.

Асимметрия языкового кода есть состояние, вне которого код невозможен. Транспозиция знака, о которой говорил С. Карцевский, с неизбежностью приводит к множественности смыслов. Если так, то языковая игра – это естественное состояние знаковой системы. Следует сделать две оговорки. Первая затрагивает значение слова *игра*. Вторая – дихотомию языка и речи.

Под игрой, как правило, подразумевается позиция субъекта. Иными словами, *языковая игра* предполагает, что кто-то с языком играет. На самом деле языковая игра, как было отмечено, представляет собой состояние языка, обусловленное такой его закономерностью, как гетерогенность плана содержания и плана формы.

Вторая оговорка предполагает уточнение предмета разговора, когда мы говорим о языковой игре. Дело в том, что игра как процесс ассоциируется в нашем сознании не с языком, а с речью. Это действительно так. Однако важно, на наш взгляд, отдавать должное тому факту, что стратегия языковой игры содержится в знаковой системе и в тех отношениях, которые связывают знаки внутри семантической и стилистической, коннотативной, системы.

Узуальная стратегия языковой игры, видимо, четко может быть продемонстрирована на *судьбе* терминологии. В судьбе терминов выпукло представлены, с одной стороны, особенности корреляции языковых и речевых факторов, с другой стороны, естественность и закономерность асимметрии кода. Так, любой термин создается специально для однозначного соответствия строгому научному понятию. Строгость понятия предполагает строгость дефиниции и, соответственно, строгость обозначения. Строгость последнего как раз и предполагает точное соответствие понятию. Иными словами, многозначность термину противопоказана. Однако, как это ни странно с позиции терминологии, термины в процессе употребления приобретают многозначность. На самом деле, конечно, ничего странного здесь нет. Более того, все подчиняется закономерностям функционирования языка. Термин как искусственное слово или оказывается неупотребительным, или приобретает употребительность. Будучи употребительным, он охватывается глобальностью асимметрии кода. И дело не только в том, что термины той или иной науки становятся многозначными в общелитературном языке. Например: «ЗОНДИРОВАТЬ 1. Исследовать зондом. *Зондировать рану. Зондировать грунт, дно. 2. перен.* Предварительно осторожно выяснять что-н. у кого-н. (книжн.)» [2, с. 236]. Суть проблемы в том, что термины приобретают многозначность в пространстве языка науки, вот в чем состоит парадокс. Язык науки, характерной особенностью которого считается точность и однозначность, не способен обеспечить *консервативность* термина, не способствует сохранению им однозначности. Именно поэтому появляются словари разных школ. Например, в лингвистике созданы словари Пражской школы, французской, американской и т.д. Более того, даже в рамках одной и той же школы возможна многозначность.

Таким образом, консервативность термина противопоставлена языковой игре. Иными словами, специализация языка представляет собой процесс, с одной стороны, параллельный, с другой стороны, противопоставленный асимметрии кода, следовательно, стратегии языковой игры.

Говорить исключительно о термине в данном случае не совсем корректно. Речь должна идти именно о специализации языка, что также совершенно естественно и закономерно. Поскольку язык служит коммуникации членов коллектива, дифференциация коллектива по социальным и трудовым осям ориентирует дифференциацию языка. Язык специализируется в соответствии со специализацией трудовой деятельности. Сформированность специального языка предполагает его консерватизм, так как формируется традиция, носящая устойчивый характер. Консерватизм языка соответствует консерватизму традиции. Следовательно, речь должна идти не о строгости термина, а о строгости специализированного языка. В конечном итоге именно он противостоит языковой игре или категорически не предполагает ее.

Таким образом, независимо от того, кто из лингвистов ввел в оборот термин *языковая игра*, он отражает объективное положение вещей и связан с закономерностями эволюции семиотической системы языка.

В практически осознанном виде языковая игра, на наш взгляд, существовала ровно столько, сколько существовал и сам язык в виде определенных текстов. Сам факт возможности различного прочтения одних и тех же текстов означал не что иное, как возможности языковой игры. В лингвистике существует понятие *каламбур*. В.Д. Стариченок определяет каламбур следующим образом: «КАЛАМБУР (франц. *calembour* ‘игра слов’) – игра слов, юмористическое или сатирическое средство, основанное на преднамеренном и неожиданном соединении в одном контексте различных значений одного слова, омонимов или сходных в звучании слов (паронимов). Каламбуры используются с целью создания художественного образа, иронической ситуации, комического эффекта. Особенность каламбура – лаконизм и неожиданный поворот мысли. Слово, которое обыгрывается в каламбуре, особо подчеркивается. Например: *Взять жену без состояния – я в состоянии, но входить в долги для ее тряпок – я не в состоянии (А. Пушкин)*» [3, с. 233].

Языковая игра должна рассматриваться как закономерное явление в истории культуры и, в частности, в истории филологии. Само развитие филологической мысли следует, видимо, теснейшим образом увязывать с представлениями о языковой игре. Например, отсутствие огласовки в древнейших сакральных текстах на семитских языках позволило и, более того, предопределило факт разночтений в более позднее время. Особую значимость правильное прочтение текста без огласовки приобрело на этапе кодификации священного текста. В принципе возможность различного прочтения одного и того же текста есть возможность языковой игры. С одной стороны, как будто задан контекст и тем самым предел осмысления и переосмысления. Но, с другой стороны, возможность разночтения стимулирована осознанием того, что священный текст никогда не может быть прочитан максимально правильно. Иными словами, любой экзегет, претендующий на знание, отдает себе отчет в том, что его знание относительно. Отсутствие огласовки есть убедительное свидетельство ресурсов семантики текста, когда комбинаторика знаков открывает неожиданные смыслы.

Идентичная ситуация характерна для истории филологии, если исходить из того, что филология представляет собой не *любовь к слову*, а необходимость осмысления сказанного в пространстве культуры.

Важно понять, что фундаментальный текст, объединяющий народ на историко-культурном уровне, не дан в качестве *ясного* и *прозрачного* текста. Именно это обстоятельство делает труд филолога особенно значимым на всем протяжении истории народа. В этом смысле история народа фактически сводима к истории духовности. Когда распадается духовность, духовное начало, объединяющее народ, распадается и этническая общность. Таким образом, народ является единым до тех пор, пока он центрируется вокруг фундаментального текста.

Понятие *фундаментальный текст* в принципе отрицает возможность языковой игры и разночтений. Консерватизм прочтения в данном случае служит единственным духовным основанием для объединения людей. В то же время следует признать историческую неизбежность этапа языковой игры, когда представления о фундаментальном тексте еще не сложились.

Таким образом, намечаются практики языковой игры, носящие филологически значимый характер и имеющие огромное культурное значение. Например, для азербайджанцев как в плане рефлексии по поводу сказанного *Слова*, так и в плане самоидентификации имеет большое значение выявление всех смыслов «Китаби Деде-Коркуд». Причем такая работа осмысленна в самых разных аспектах, ложится под различные методики, служит прояснению задач не только лингвистики, но и культурологии. В конечном счете она способна ответить на вопрос: насколько Деде-Коркуд *наша книга*? Или, например, насколько «Слово о полку Игореве» является *русской книгой*?

Таким образом, представления о языковой игре сегодня кажутся намного уже, чем ее возможности. Это дает основание предполагать, что метаязык данной сферы анализа, как и сам дискурс, не сложился к настоящему времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Витгенштейн, Л.* Философские работы / Л. Витгенштейн. – М. : Гнозис, 1994. – Ч. 1.
2. *Ожегов, С.И.* Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1990.
3. *Стариченок, В.Д.* Большой лингвистический словарь / В.Д. Стариченок. – Ростов н/Д : Феникс, 2008.

The article deals with the language game in the context of culture's history. The language game is claimed to comply with the system laws and is linked with the asymmetry of the sign. In speech language game opposes the strictness of sign. In linguistics both tendencies are considered in connection with the subject. In fact both tendencies have a semiotic character.

Поступила в редакцию 16.03.12

О.Ю. Гаврилова

СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СЕМАНТИКИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Статья посвящена выявлению динамики лексикографического представления лексических значений наименований одного класса современного английского языка и определению причин, ее обуславливающих. Установлено, что в переработанном издании толкового словаря английского языка Вебстера изменилось представление наборов семантических признаков частотных и периферийных единиц одного класса, экстенциональной части толкования, а также иллюстраций. Из выявленных изменений только изменение числа и характера иллюстраций оказывается связанным с динамикой лексического значения наименований, а не с особенностями лексикографической подачи материала.

Одной из основных сложностей, с которой сталкиваются составители толковых словарей, является определение лексического значения наименований. Проблемам определения лексического значения, установления обязательного набора семантических компонентов для наименований различных лексико-семантических групп (ЛСГ) разных языков и их релевантности посвящено немало работ А. Вежбицки, Е.С. Кубряковой, Е.В. Рахилиной, Р.В. Фрумкиной и многих других ученых. Лексикографы также не остаются в стороне от вопросов определения значений, утверждая, что их задача заключается в «определении значения, в котором слово используется, а не указании на свое мнение о том, каким значение должно быть» [1, с. vii]. Совместная работа лексикографов, семасиологов и лингвистов других направлений позволила составить большое количество авторитетных толковых словарей, в которых лексическое значение получило основательное толкование. Однако материал для дефиниционного анализа лексических значений, отобранный из лексикографических источников, в лексикологических исследованиях зачастую приводит к неодинаковым результатам (разные наборы компонентов, различная значимость отдельных компонентов для определенной ЛСГ и др.), и это дает основание полагать, что в области определения сущности лексического значения и его лексикографического описания остается немало нерешенных вопросов. Одним из подобных вопросов является вопрос об изменении, или динамике, лексического значения, которое должно находить отражение в новых изданиях толковых словарей.

Целью данной статьи является выявление динамики словарной репрезентации лексического значения и определение причин, ее вызывающих. Мы предполагаем, что, несмотря на динамичный характер семантики, далеко не все изменения в словарных толкованиях могут быть следствием изменения значений наименований. Изменения в словарных толкованиях могут быть также обусловлены особенностями лексикографической подачи материала, что нам кажется наиболее вероятным объяснением.

Основными способами словарного представления семантики наименований являются словесное толкование¹ и графическая иллюстрация, передающая визуально воспринимаемые признаки обозначаемых объектов. Анализ лексикографического материала, отобранного из второго и третьего изданий Большого толкового словаря английского языка Вебстера² показал, что в области словарной репрезентации семантики лексических единиц произошли изменения, затронувшие как словесные толкования, так и число и характер графических иллюстраций.

Лексическое значение рассматривается в терминах семантических признаков, или компонентов, уже давно, начиная с работ Дж. Катца (разбор классического примера *bachelor* ‘холостяк’ в [3, с. 155]), Ю.А. Найды (работа о компонентном анализе значения [4]) и заканчивая многими современными лексикологическими исследованиями, в которых установлены наборы семантических компонентов для отдельных ЛСГ разных языков, определена их значимость и частотность для лексического значения и др. (работы Дж. Пустейовского, Е.С. Кубряковой, З.А. Харитончик и многих других). Полученные учеными выводы о представлении значения как набора компонентов нашли отражение в лексикографии в виде семантограмм (семантических моделей), «кодифицирующих семантическую информацию» [5, с. 291–292]. То есть словарное толкование лексической единицы рассматривается как последовательность текстовых отрезков, репрезентирующих определенные ее семантические признаки.

Компонентный анализ словарных толкований наименований одной ЛСГ английского языка, отобранных из двух изданий словаря Вебстера, позволил установить отличные друг от друга наборы семантических признаков.

В частности, в переработанном третьем издании словаря изменение претерпела роль частотной и периферийной лексики английского языка в представлении классифицирующих и дифференциальных семантических признаков. Так, во втором издании частотные наименования сопровождаются детальными толкованиями, репрезентирующими не только общие для вида классифицирующие, но также различные дифференциальные семантические признаки, характеризующие разновидности либо подвиды обозначаемого объекта, например:

Elephant ‘слон’: *any of certain thickset, mostly huge, nearly hairless four-hoofed mammals of the family Elephantidae, esp. of the genera Elephas and Loxodonta, having the snout prolonged into a muscular proboscis, or trunk, and two incisors in the upper jaw developed, esp. in the male, into long curved tusks, which furnish ivory; in a wider sense, any similar animal of the order Proboscidea. Extinct elephants were very widely distributed, but the existing*

¹ В данной статье рассмотрим классические словесные аналитические, или описательные, толкования, которые содержат главное слово-идентификатор, указывающее, к какой категории относится обозначаемый объект, и один или несколько элементов, репрезентирующих его отличительные и типичные характеристики [2, с. 49].

² Второе издание словаря Вебстера вышло в 1932 г. на основе изданий 1890 и 1900 гг. Третье издание было выпущено в 1960 г. и с тех пор переиздается без изменений.

species, the largest of living mammals, inhabit only Africa and southern Asia. They have very few teeth. The molars are very large and have many transverse ridges; usually but two are in place at a time on each side of the jaw, and these as they wear out are succeeded by those behind. The feet are short and rounded and have five toes. The head is very large, chiefly because of the amount of diploic tissue. The brain is well developed, and elephants are very intelligent. They may live for than a century; the period of gestation is nearly two years. The Indian elephant (Elephas maximus, syn. Indicus), in which species are Ceylon and Sumatra forms are usually included, reaches a height of about nine feet and has moderately large ears. The white elephant is the albinistic variety of the species. The common African elephant (Loxodonta Africana) becomes somewhat taller and has enormous ears. The dwarf, or pygmy, elephant (L. pumilio), from the Congo region, reaches the height of only six feet [1].

Подобная детальность толкования является результатом поставленных составителями словаря целей: «для общих слов даны систематические определения, в которых определяется не только само общее слово, но также связанные с ним слова данного класса или иные наименования, зависящие от главного слова» [1, с. vi]. В третьем же издании словаря частотная лексика стала сопровождаться толкованиями преимущественно с классифицирующей информацией, а дополнительные дифференциальные характеристики указываются в толкованиях периферийных, нечастотных наименований:

Elephant ‘слон’: any of certain thickset mostly very large nearly hairless four-footed mammals of the family Elephantidae especially of the genera Elephas and Loxodonta having the snout prolonged into a muscular trunk, two incisors in the upper jaw developed especially in the male into long curved tusks which furnish ivory, the head large with much diploic tissue and a well-developed brain, and the feet short and rounded with five toes [6].

Данное изменение, на наш взгляд, не свидетельствует об изменении лексических значений частотных и периферийных наименований; оно произошло в результате более глубокого осмысления учеными сущности значения. В частности, установлено, что семантика ключевого слова-идентификатора (в словарном определении представленного частотным словом) входит в значение периферийных наименований. Благодаря этому составители словаря перестали дублировать информацию в толкованиях разных наименований одного гиперо-гипонимического ряда. Таким образом, можно заключить, что изменение наборов семантических компонентов частотной и периферийной лексики является обусловленными особенностями лексикографической подачи материала.

Изменения затронули экстенциональную часть словарного определения, представляющую собой, по словам Д. Герартса, более или менее полный список представителей категории, расположенный в конце словарного определения после слов *usually*, *typically* и *especially* [7, с. 90], например, *civet cat ‘африканская цивета’: any of various carnivorous mammals of the family Viverridae; especially: a brownish gray black-marked African animal (Civettictis*

civetta) two to three feet long that produces most of the civet of commerce [6]. Так, если ранее экстенциональная часть толкования представляла собой действительно список наименований представителей категории, то в современных изданиях данная часть словарного определения либо опущена, либо в нее входят лишь наименования типичных представителей категории, или прототипов. Ср., например, *deer* ‘олень’: *in a wide sense, any of the numerous ruminant mammals... Among the well known species are the red deer (Cervus elaphus), fallow deer (Dama dama), and the roe deer (Capreolus capreolus), of Europe; and the Virginia, or white-tailed deer (Odocoileus virginianus), mule deer (O. hemionus), and the black-tailed deer (O. columbianus), of North America* [1] и *deer* ‘олень’: *any of numerous ruminant mammals... – see CARIBOU, ELK, MOOSE, MUSK DEER, REINDEER* [6].

Подобное применение прототипического подхода в последнее двадцатилетие существования лексикографии, по-видимому, объясняется пониманием важности типичных примеров и центральных членов категории для нашего знания и понимания языка. Данное изменение можно также считать вызванным задачами составителей толкового словаря, а не изменением лексического значения наименований.

Помимо собственно языковой подачи материала лексикографы активно используют графические средства – иллюстрации. Считается, что иллюстрации являются характерными для энциклопедий, однако они в ограниченном количестве используются также и в лингвистических словарях [2, с. 50]. Составители первых в истории лингвистических словарей понимали важность иллюстраций как способа дополнительной семантической экспликации. Например, авторы второго издания словаря Вебстера пишут об иллюстрациях следующее: «Иллюстрации позволяют более ясно и более кратко по сравнению со словесным определением описать признаки обозначаемых понятий» [1, с. x]. Понимание преимуществ иллюстраций составителями словарей должно, по-видимому, вылиться в более широкое их использование в новых изданиях лексикографических источников. Однако анализ разных изданий Большого толкового словаря Вебстера позволил выявить противоположную тенденцию: тенденцию к сокращению числа иллюстраций. Причем сокращение затронуло иллюстрации двух типов словарных статей: частотной, ядерной лексики и узкоспециальных терминов. Если во втором случае опущение визуального модуса можно объяснить задачей составителей сделать третье издание словаря менее терминологическим, то в первом случае объяснение иное: пользователи больше не нуждаются в изображениях обозначаемых объектов ввиду повышения общего уровня своих знаний.

В переработанном издании словаря выявлена также и другая особенность: добавление иллюстраций иного характера к некоторым частотным конкретным именам существительным. Новый тип иллюстраций представляет собой изображение с детальным описанием компонентов или составных частей обозначаемых объектов (см. словарные статьи наименований *bird* ‘птица’, *cow* ‘корова’, *dog* ‘собака’ и др.). Это изменение можно объяснить

повышенными требованиями пользователей к словарям: им известно, как выглядит обозначаемый объект, и возникает необходимость знать, из каких составных частей (компонентов, деталей) он состоит. Поскольку иллюстрация является средством лексикографической передачи семантики наименования, то подобное изменение можно считать обусловленным изменением лексического значения наименований. В лексическое значение входят только те признаки, которые необходимы, для того, чтобы отличить данную языковую единицу от других, поэтому опущение или добавление иллюстраций можно интерпретировать как указание на динамику перцептивных (визуальных) семантических признаков.

Проведенное исследование позволило установить, что динамика лексикографической репрезентации лексических значений проявляется в изменении как собственно словарных толкований, так и количества и характера иллюстраций словарных статей. Изменения толкований затронули не только наборы семантических признаков наименований одной ЛСГ, но также экстенциональную часть определений, что, однако, свидетельствует об изменениях в лексикографической подаче материала, а не в лексических значениях соответствующих наименований. О динамике значений можно судить только по изменению числа и характера иллюстраций, поскольку данное изменение свидетельствует об опущении либо детализации перцептивных семантических признаков анализируемых лексических единиц.

Поскольку лексикография призвана описывать лексические значения, опираясь на реальное функционирование языка и его динамику, то наше исследование позволяет пролить свет на сущность лексического значения и выявить происходящие с ним изменения. Дальнейшие исследования в этом русле (например, направленные на выявление соотношения наборов семантических признаков частотной и периферийной лексики, на установление корреляции мотивированности наименований и их иллюстраций как двух способов репрезентации семантики на материале разных изданий одного толкового словаря, а также с привлечением иных лексикографических справочников) позволят более детально рассмотреть динамику лексического значения вне зависимости от лексикографических особенностей подачи материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Webster's New International Dictionary of the English Language / ed. W.T. Harris, F. Sturges Allen. – Springfield, MASS., U.S.A. : G. & C. Merriam Company, 1932. – 2620 p.
2. *Swanpoel, P.* Dictionary Typologies : A Pragmatic Approach / P. Swanpoel // A Practical Guide to Lexicography / ed. P. van Sterkenburg. – Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publ. Company, 2003. – P. 44–69.
3. *Katz, J.J.* The Philosophy of Language / J.J. Katz. – N.Y.; London : Harper and Row, Publ., 1966. – 326 p.

4. *Nida, E.A. Semantic Domains and Componential Analysis of Meaning / E.A. Nida, J.P. Louw, R.B. Smith // Current Issues in Linguistic Theory / ed. R.W. Cole. – Bloomington : Indiana Univ. Press, 1979. – P. 139–167.*
5. *Moerdijk, F. The Codification of Semantic Information / F. Moerdijk // A Practical Guide to Lexicography / ed. P. van Sterkenburg. – Amsterdam/ Philadelphia : John Benjamins Publ. Company, 2003. – P. 273–296.*
6. *Webster's Third New International Dictionary of the English Language (Unabridged) / ed. Ph.B. Gove [et al.]. – Cologne: Könnemann, 1993. – 2662 p.*
7. *Geeraerts, D. Meaning and Definition / D. Geeraerts // A Practical Guide to Lexicography / ed. P. van Sterkenburg. – Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publ. Company, 2003. – P. 81–93.*

The article deals with the problem of lexicographic representation of lexical meanings in modern lexicographic sources as compared to earlier editions of monolingual dictionaries. The comparative analysis of definitions from two editions of Webster's New International Dictionary revealed changes in the componential structure of definitions of frequent words, in the extensional parts of definitions, and in the number and character of graphical illustrations. Yet most changes turn out to be accounted for by the lexicographers' intentions, not by the dynamics of lexical meanings.

Поступила в редакцию 14.03.12

М.А. Гладко

РИТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА АРГУМЕНТАЦИЮ В НАУЧНО-ЮРИДИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена исследованию языкового воплощения аргументации в научной юридической коммуникации (на примере правовых статей Беларуси и США). *Аргументация* рассматривается через призму трех аспектов – апелляции к интеллекту/ разуму, к эмоциям и к ценностям. Исследование показывает, что эмоциональные и ценностные аргументативные апелляции имеют столь же важное значение для научной юридической аргументации, как и рациональные. Однако способы языковой репрезентации данных апелляций значительно различаются в научной юридической коммуникации Беларуси и США.

Традиционно в русскоязычной литературе *аргументация* в научном дискурсе рассматривается с позиции логики (логического рассуждения, логического обоснования позиции автора). Мы предлагаем несколько иной взгляд на научную аргументацию, в частности научно-правовую, – взгляд через призму трех аспектов убеждения: обращения к *интеллекту, эмоциям и ценностям*.

Научное обсуждение является наиболее близким к достижению идеальной модели критической дискуссии. Ни одна точка зрения не принимается без проверки, а аргументация проверяется на надежность. Так как наука –

продукт интеллектуальной деятельности, то на адресата научного текста оказывается прежде всего воздействие рациональное, обращенное к разуму. Преимущественное наличие логики связано со стремлением к идеальности и рациональности, максимальной разумности в научной правовой статье, так как обсуждаемый в ней вопрос жизненно важен для функционирования правовой системы.

В научном дискурсе логические формы аргументации приобретают новые прагматические свойства, обеспечивающие успешный коммуникативный процесс в науке. Происходит достраивание “логики обоснования” “психологией обоснования”, которая имеет два пути: от убеждения к обоснованию и путь, направленный на “ломку” устоявшихся стереотипов и убеждений научного сообщества. Научный дискурс в общем и научный юридический дискурс в частности “не является бледной и бесстрастной фотографией действительности” [1, с. 15]. Особую роль в научном юридическом дискурсе выполняют эмотивная функция, “связанная с установкой на отправителя, передающей его эмоциональное состояние, и коннативная, связанная с установкой на адресата с целью вызвать у него определенное эмоциональное состояние” [2, с. 198]. В научном дискурсе эмотивные лексические единицы служат главным образом не для стимулирования эмоций, а для убеждения читателя в справедливости авторской позиции по обсуждаемому вопросу.

Значимыми для научного юридического дискурса являются также апелляции к ценностям. Как справедливо замечает А.А. Ивин, ценности – неотъемлемый элемент всякой деятельности. Применительно к научному познанию понятие ценности является столь же важным, как и понятие истины [3, с. 274]. Ценности в научном юридическом дискурсе выражаются в нравственно-этических положениях, регламентирующих ход научных исследований, корректирующих научное поведение членов научного сообщества.

Рассмотрим особенности языковой реализации аргументации в научном юридическом дискурсе (НЮД) двух стран – Беларуси и США. Материалом исследования послужили научные статьи в правовых журналах “Судебный вестник”, “Вестник Конституционного суда”, “Criminal Law”, “Justice”.

Для того чтобы оказать интеллектуальное воздействие на читателя, авторы НЮД прибегают к таким интеллектуальным апелляциям, как: апелляция к *объективному положению дел*, к *логике*, к *очевидному*, к *пользе*, к *истинности*, к *знанию* и к *здоровому смыслу*.

Созданию впечатления объективности излагаемой точки зрения способствуют следующие приемы, реализующие апелляцию к *объективному положению дел* (зафиксирована в 34 и 32,3 % в НЮДБ и АНЮД).

1. Использование цифровой информации, представляющей время (дату) совершения определенного события, статистические данные. Отметим, что в американских правовых статьях число случаев использования количественной информации в три раза выше, чем в статьях белорусских авторов (34 % против 10 % в НЮДБ).

2. Общей чертой объективизации речевого сообщения в научном юридическом дискурсе белорусских и американских авторов является использование в качестве подлежащего существительных, называющих правовые, государственные институты: *Министерство внутренних дел огласило, the federal government* ‘федеральное правительство’, а также законодательные документы *ст. 23 УПК гарантирует, the Code forbids* ‘Кодекс запрещает’, *the Article prescribes* ‘статья предписывает’. Это способствует созданию впечатления констатации факта наличия определенного явления, существующего в соответствии с законом, что служит весомым аргументом в пользу выдвигаемого тезиса.

3. В американском НЮД авторы широко используют имена собственные, которые акцентируют роль определенного человека в описываемом событии: *The war over judges is getting hot ... on April 14, Democratic Senators Charles Schumer, Harry Reid, Dick Durbin... released a letter demanding that the president, Speakers Dennis Hastert and Bill Frist “denounced” a conference to prevent the judiciary from destroying government* [4, с. 5]. Знание конкретной информации (конкретных имен) усиливает создаваемое впечатление достоверности. Белорусские авторы не ссылаются на конкретные личности, использование имен собственных не свойственно научному дискурсу Беларуси.

Обращает на себя внимание тот факт, что в американских правовых статьях созданию впечатления объективности способствует ссылка на обобщенное множество, вербализуемая словами-кванторами *many (believe)* ‘многие (думают)’, *some (thought)* ‘некоторые (полагают)’. Это позволяет автору снять с себя ответственность за выражаемую мысль, подчеркнуть ее независимость от мнения самого автора: *It is estimated that 16% of the nation’s prison population have serious mental illnesses. Many believe that a more accurate estimate is nearly 35 %* [4, с. 7]. Для статей белорусских авторов использование кванторных слов не характерно.

Автор научного дискурса строит свое сообщение таким образом, чтобы читатель мог проникнуть в ход мыслей автора, установить их логическую связь. Для этого используются языковые средства реализации апелляции к логике (14,5 % в НЮДБ и 14,9 % в АНЮД): 1) коннекторы противительности: *однако, тем не менее, but* ‘но’, *however* ‘однако’; 2) лексемы, эксплицитно выражающие вывод: *из этого вытекает/следует, таким образом, thus* ‘таким образом’, *to sum up* ‘подводя итог’. Маркеры доказанности уступают в количественном отношении маркерам противопоставления (24 % против 76 % в НЮДБ и 21 % против 79 % в АНЮД), что связано с закономерностью человеческого общения – тенденцией фиксировать аномалии, а не нормы; 3) модальные операторы, способствующие выделению мысли: *замечу, отметить, notice* ‘замечать’, *point out* ‘отмечать’; 4) логичность рассуждений подчеркивается эксплицитным оформлением компонентов аргументативной конструкции: *во-первых, во-вторых, таким образом, first* ‘во-первых’, *second* ‘во-вторых’.

Несмотря на стремление к объективности и непредвзятости, автор научного дискурса подсказывает адресату определенные суждения, акцентирует ту информацию, которая окажется значимой для принятия нужного решения. Этому способствуют лексические средства, вербализующие апелляцию к очевидному (характерна для 17,8 % случаев в НЮДБ и 18 % в АНЮД): *очевидность, свидетельствовать, как показывает, apparent* ‘явный’, *clear* ‘ясный’, *evident* ‘очевидный’, *evidence* ‘свидетельство’: *Об этом убедительно свидетельствует анализ судебной практики* [5, с. 62].

В научном юридическом дискурсе аргументация необходимости проведения изменений в существующем законодательстве не обходится без лексики, реализующей апелляцию к пользе (зафиксирована в НЮДБ – 18 % против 12 % в АНЮД). В НЮДБ данная апелляция оформляется посредством существительных, прилагательных и наречий телеологической оценки с семой ‘эффективность’ (*эффективность, эффективный, целесообразность, целесообразный*), выдвигающей в фокус внимания идею эффективности.

В американском научном юридическом дискурсе апелляция к пользе вербализуется посредством существительных и прилагательных с семой ‘выгода’ (не представлены в НЮДБ), выдвигающих в фокус внимания идею ‘выгода, преимущество’ – *benefit* ‘выгода’, *beneficial* ‘выгодный’, *preferable* ‘предпочтительный’, *preference* ‘предпочтение’.

Для того чтобы показать, что определенные действия правовых институтов (не)верны и по этой причине автор правовой статьи предлагает внести изменения в существующее законодательство, в НЮД используется апелляция к истинности (характерна для 5 % в НЮДБ и 7 % в АНЮД). В НЮД Беларуси апелляция к истинности реализуется посредством интерпретационных существительных: *казуистика, пробел, парадокс*, направленных прежде всего на то, чтобы стимулировать аналитическую, интеллектуальную сферу адресата: *К сожалению, закон в данной части недостаточно конкретен, в связи с чем и существует возможность подобных возражений. Однако это не толкование уголовного закона, а его казуистика* [5, с. 63].

Для американского НЮД специфична ярко выраженная критика оппонентов автора или описываемого явления (не зафиксированная в НЮД Беларуси) в рамках апелляции к истинности. Чтобы повлиять на адресата в выборе определенной позиции, американские авторы научного дискурса используют эмоционально окрашенную лексику (не представлена в НЮДБ): *appalling* ‘отталкивающий’, *cruel* ‘жестокий’, *fatal* ‘смертельный, губительный’, *to threaten* ‘угрожать’, *to undermine* ‘подрывать’. Специфическим приемом реализации апелляции к истинности в АНЮД является употребление эмотивных ярлыков: *poison* ‘яд’, *evil* ‘зло’, *tyranny* ‘тирания’ (зафиксированы в 4,7 % апелляций к истинности: *Surrendering your rights to due process ... rather represent the evil. It is a poison that limits the possibility of courts* [4, с. 5].

Авторы правовых статей стремятся к тому, чтобы выражаемые ими идеи воспринимались читателем не просто как их собственное, субъективное мнение, а как истинное знание ситуации. Для этого в НЮД используется апелляция к знанию (зарегистрирована в 5 % в НЮДБ и в 8,5 % в АНЮД). Формированию впечатления, что обсуждаемое основано на знании, служат выражения, обладающие презумпцией фактивности: *следует признать, следует отметить, нужно принять во внимание, как видим, notsurprisingly* ‘не удивительно’, *regrettably* ‘к сожалению’, *unfortunately* ‘к сожалению’. Для научных правовых статей белорусских авторов более типичны выражения, содержащие немотивные глаголы, беспристрастно констатирующие наличие определенного явления. Для американских статей наиболее характерны маркеры знания, представленные эмотивной лексикой *surprisingly* ‘удивительно’, *regrettably* ‘к сожалению’, которые, помимо акцентирования знания сообщаемой информации, передают отношение автора к сообщаемым данным.

Апелляция к здравому смыслу (зафиксирована лишь в 2,3 % в НЮД Беларуси и в 2,7 % в американском НЮД) в НЮД выражается преимущественно посредством прямой номинации *руководствуясь здравым смыслом, здравый смысл, common sense* ‘здравый смысл’.

По результатам проведенного анализа можно сделать вывод, что набор интеллектуальных апелляций в рамках НЮД Беларуси и США является общим. Однако употребление в американских статьях эмотивных ярлыков и эмоционально окрашенной лексики обуславливает большую эмоциональную окрашенность рационального аргументирования по сравнению с аргументированием в белорусских статьях.

Рассмотрим вербализацию эмоциональной аргументации в НЮД. Наиболее частотными, а следовательно, обладающими наибольшим аргументативным потенциалом, являются апелляции к эмоциям, возникающим в связи с интеллектуальным процессом, т.е. к интеллектуальным эмоциям – *уверенности* и *сомнению*. Это обусловлено тем, что для научных работ характерна ориентация прежде всего на логическое восприятие, а не на эмоционально-чувственное. Используя различные языковые средства, адресант пытается актуализировать эмоцию уверенности адресата в том, что его позиция по рассматриваемому вопросу правильна, а вносимые предложения являются единственно верными. Формирование эмоции сомнения способствует созданию критического настроения по отношению к позиции оппонентов автора, неприятию критикуемой ситуации.

Наиболее частотной в научном юридическом дискурсе двух стран является апелляция к эмоции *уверенности*. Лексика-сигнал эмоции уверенности в научном дискурсе представлена усилительными наречиями: *именно, несомненно, безусловно, бесспорно; sure* ‘конечно’, *no doubt* ‘без сомнения’, *indeed* ‘действительно’, *of course* ‘конечно’, с помощью которых адресант целенаправленно настаивает на определенной номинации, создавая впечатление достоверности информации.

Эмоцию уверенности формируют также грамматические средства. Так, уверенность призваны вызывать глаголы будущего времени, посредством которых автор показывает последствия принятия или непринятия обсуждаемого закона или последствие определенного явления. Предложения, относящиеся к будущему времени, звучат категорично: *Выделение службы судебных исполнителей в самостоятельное подразделение... будет способствовать укреплению авторитета судебной и исполнительной власти...* [5, с. 62]. *More importantly, it will also once again confirm that effective leaders must truly understand the relationship between the law of war and a moral... force* [4, с. 5]. Использование будущего времени для создания эмоции уверенности несколько выше в американском научном дискурсе (29 % против 21 % в научном дискурсе Беларуси).

Распространенным маркером эмоции уверенности, которой автор пытается заразить читателя, в американском НЮД является вспомогательный глагол *do* 'все-таки'. Его функция заключается в усилении значимости описываемого действия: *What is important is that this rule does represent an exception and not the rule* [4, с. 6].

Апелляция к эмоции сомнения в НЮД Беларуси и США имеет в большинстве случаев прямые (непосредственные) маркеры. Это собственно-эмоциональная лексика: *сомнительно, сомнительный, doubtful* 'сомнительный', *doubt* 'сомнение'. В большинстве случаев апелляция к сомнению сочетается с апелляцией к здравому смыслу. Опираясь на опыт, знание адресата, автор научного дискурса стремится укрепить формируемое им сомнение. Такое употребление апелляции ориентировано на формирование у читателя эмоции сомнения, которое он воспримет как возникшее из собственного вывода.

В качестве маркеров эмоции сомнения используются также риторические вопросы, посредством которых автор стремится посеять сомнение у читателей: *Is it really so much worse when one's relative is missing, to recognize a body in the paper, than to recognize it during a guided tour of a host of stabs ?..* [4, с. 4].

Однако не только интеллектуальные эмоции способны воздействовать на читателя, влиять на принятие им позиции автора. Оценка действий оппонировающей стороны сопровождается апелляцией к отрицательным эмоциям (зафиксирована в 1 % в НЮДБ и в 5,7 % в АНЮД). При языковом оформлении данной эмоциональной апелляции в научном юридическом дискурсе Беларуси преобладают прилагательные интеллектуальной оценки, отрицательно характеризующие действия критикуемого объекта: *непродуктивный, надуманный, неразрешимый* (о ситуации).

Эмоциональным ключом для индуцирования отрицательных эмоций в АНЮД является эмоционально-оценочная лексика. Чтобы повлиять на адресата в выборе определенной позиции, американские авторы научного дискурса используют лексику эмоциональной и этической оценок: *threatening* 'угрожающий', *blatant* 'вопиющий', *admirable* 'замечательный', *deplorable* 'скверный, отвратительный', *intolerable* 'невыносимый', *honest* 'честный'.

При обсуждении насущной, актуальной проблемы аргументативным потенциалом обладает апелляция к эмоции *д о л г а*, специфическая только для АНЮД. Авторы статей акцентируют долг судей, адвокатов, прокуроров, заключающийся в справедливом отношении к обязанностям. Апелляция к эмоции долга имеет непосредственные лексические сигналы: модальные глаголы *should* 'следует', *must* 'должен'; абстрактное существительное *duty* 'долг'. Данные лексемы используются в связке с глаголами деятельности: *to work* 'работать', *to function* 'функционировать', *to be active* 'быть активным', *toprotect* 'защищать', акцентирующими в сознании адресата идею активности. Посредством них автор подчеркивает активную роль самих юристов в делах правосудия, указывает на действия, которые они должны предпринимать для того, чтобы не потерять доверие нации, справедливо осуществлять правосудие. Важное значение для моделирования реакции и поведения читателя имеют также прилагательные необходимости и правильности: *proper* 'правильный, должный', *necessary* 'необходимый', *right* 'правильный', которые сочетаются с вышеуказанными глаголами деятельности: *It is proper and necessary for a judge to be active in policy formation...* [4, с. 5]. Такие конструкции апеллируют к профессиональному "я", задают читателю определенную программу действия, которую он должен выполнить, так как к этому обязывает его профессиональный долг.

В американском НЮД зафиксирована апелляция к эмоции *в и н ы*, абсолютно не свойственная НЮД Беларуси. Ключевыми словами при апелляции к данной эмоции является сочетание инклюзивного местоимения *we* 'мы', объединяющего автора и читателя в одну коммуникативную группу и подчеркивающего их общую вину, и глаголов действия и способствования: *to do* 'делать', *to make* 'делать, совершать', *to contribute* 'способствовать', указывающих на действия адресата, приведшие к определенным отрицательным последствиям: *We have contributed to our own crisis* [4, с. 6].

Таким образом, общим для эмоционального аргументирования в НЮД двух культур является превалирующее обращение к интеллектуальным эмоциям, стимулирующим мыслительную деятельность читателя. Однако эмоциональное воздействие в американском научном юридическом дискурсе является более разнообразным по номенклатуре апелляций и языковых средств их реализации, что делает аргументирование в АНЮД более эмоциональным. Аргументирование в НЮДБ является наиболее беспристрастным и объективизированным.

Обратимся к вербализации аргументации посредством ценностей в научном юридическом дискурсе. Использование апелляций к ценностям зафиксировано в большем количестве американских научных статей (67 %) и лишь в 10% статей белорусских авторов.

Апелляции к ценностям в научном юридическом дискурсе Беларуси реализуются во вступлении, используются в качестве своеобразной основы для дальнейшего изложения автором своей позиции. Аксиологическая аргументация в НЮДБ строится на основе универсальных ценностей *з а к о н , п р а в а , с п р а в е д л и в о с т ь , ч е л о в е к*, актуализируемых

лексемами *справедливый, человек, права, закон (законный)*. При этом всегда осуществляется ссылка на Конституцию, которая гарантирует и предписывает государству соблюдение данных ценностей. В целом, апелляция к ценностям в научном юридическом дискурсе Беларуси в большинстве случаев реализуется посредством стандартизированных выражений: *высшей ценностью общества и государства являются, защита прав и свобод, права и свободы, государство гарантирует*.

В отличие от НЮД Беларуси, в НЮД США апелляции к ценностям распределяются по всему тексту статьи (зафиксированы во вступлении, в основной части и в заключении). Аргументативное воздействие при этом оказывается за счет многочисленных повторов ценностно-значимых лексем: *freedom* ‘свобода’, *free* ‘свободный’; *independence* ‘независимость’, *independant* ‘независимый’; *rights* ‘права’; *fair* ‘справедливый’, *justice* ‘справедливость’; *democracy* ‘демократия’, а также *impartiality* ‘беспристрастность’, *impartial* ‘беспристрастный’, *unbiased* ‘непредвзятый’.

Как показал анализ, наибольшим аргументативным потенциалом в американском научном дискурсе обладают универсальные ценности *закон, демократия, права, независимость, свобода*. Сочетания, актуализирующие данные ценности, выглядят так: комбинация глаголов, реализующих семантику ‘обеспечения’, ‘способствования’, ‘сохранения’ с ценностно-значимыми существительными: *to promote justice/democracy* ‘обеспечивать справедливость/демократию’, *to maintain freedom* ‘поддерживать свободу’, *to ensure justice* ‘гарантировать справедливость’, *to make sure* ‘убедиться’. Они акцентируют важность действий адресата, его активность в обеспечении свободы, справедливости и т. д. в обществе.

Специфической для АНЮД является апелляция к сугубо профессиональной ценности *непредвзятость*. Осуществление профессиональной деятельности юриста непосредственно связано со справедливостью, неподкупностью и непредвзятостью. Лексемы, реализующие ценность ‘непредвзятость’ – *impartiality* ‘беспристрастность’, *impartial* ‘беспристрастный’, *unbiased* ‘непредвзятый’ – выполняют предписывающую, регулятивную функцию: *We must be impartial, unbiased and in this case we will enjoy the public’s confidence* [4, с. 8].

Полученные результаты исследования показывают, что эмоциональные и ценностные аргументативные апелляции имеют столь же важное значение для научной юридической аргументации, как и рациональные. Однако способы языковой репрезентации данных апелляций значительно различаются в научной юридической коммуникации Беларуси и США.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наер, В.Л. Прагматика научных текстов (вербальный и невербальный аспекты) / В.Л. Наер. – М. : Наука, 1981. – 129 с.
2. Лозицкая, Е.И. Об экспрессивности в научном дискурсе / Е.И. Лозицкая // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2006. – № 1(21). – С. 197–203.

3. *Ивин, А.А.* Теория аргументации : учеб. пособие / А.А. Ивин.– М. : Гардарики, 2000. – 416 с.
4. *Burk, K.* A Judiciary That Is as Good as Its Promise / K. Burk // Court Review. – Summer 2004. – P. 4–8.
5. *Савич, О.* Является ли юридическая помощь бесплатной? / О. Савич // Судебный вестник. – 2005. – № 1. – С. 61–63.

The article deals with research of verbal implementation of rhetoric argumentation in scientific legal discourse. While persuading, despite the importance of rational arguments, a significant role is played by arguments appealing to emotions and values. The article analyses particularities of verbalization of rational, emotional and value appeals in legal communication in Belarus and the USA.

Поступила в редакцию 01.03.12

Е.И. Конашенко

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ

В статье рассмотрены основные стилистические приемы синтаксической организации русскоязычных текстов публичных выступлений социально-экономического характера, основанные на разного типа повторах. Выявлены способы передачи данных стилистических приемов в русско-английском синхронном переводе. Определена их роль в активизации прагматического потенциала ораторской речи на исходном и переводном языке. Описаны последствия применения трансформационных операций опущения и добавления проанализированных стилистических приемов, их участие в достижении прагматической адекватности текста перевода и оригинала.

В настоящее время в центре внимания многих исследователей находится синхронный перевод как один из видов межкультурной опосредованной коммуникации. Особый интерес ученых вызывают лексические и грамматические трудности синхронного перевода, в то время как их стилистическому компоненту не уделяется должного внимания. Вследствие того, что любое высказывание строится с целью получения определенного коммуникативного эффекта, переводчику необходимо не просто передать смысловую составляющую сообщения, но и воспроизвести прагматический потенциал оригинала настолько близко, насколько это возможно в каждом конкретном случае. Правильная передача стилистических языковых средств играет не последнюю роль в достижении прагматической адекватности переводного сообщения, а следовательно, влияет на эффективность межкультурной коммуникации [1, с. 94; 2, с. 131; 3, с. 32].

Исследование стилистических средств и способов их передачи получило широкое освещение в теории и практике письменного перевода (художественного и поэтического). В отношении синхронного перевода этот вопрос

рассмотрен фрагментарно. Более того, в процессе синхронного перевода часто недооценивается прагматический потенциал прежде всего синтаксических стилистических средств. В то же время, по мнению М.Н. Кожиной, многие средства синтаксиса отличаются сильной эмоциональностью и экспрессивностью и, вследствие этого, стилистической значимостью. Исследователь отмечает, что «именно синтаксис таит в себе огромные стилистические возможности, которые заключаются преимущественно в его способности передавать тончайшие оттенки мысли» [4, с. 261].

Целью данной работы является выявление основных стилистических приемов синтаксической организации русскоязычных текстов публичных выступлений и способов их передачи в английском языке. Материалом исследования послужили параллельные тексты докладов социально-экономической направленности на международных саммитах, форумах и конференциях, выполненные высококвалифицированными переводчиками-синхронистами.

Результаты анализа показали, что в исследованных параллельных текстах публичных выступлений среди стилистических моделей синтаксической организации, основанных на лексико-синтаксическом повторе, преобладает использование *анадиплосиса* (23 %), *лексической* и *синтаксической анафоры* (34 % и 17 % соответственно), *эпифоры* (14 %) и *параллелизма* (7 %), в то время как *кольцевой* (3 %) и *цепной* (2 %) повторы встречаются гораздо реже. Применение разного рода повторов объясняется тем фактом, что устная публичная речь, относящаяся к публицистическому стилю [5, с. 21], предполагает внимательный и вдумчивый подход к содержанию звучащего текста, который «может и должен будить мысль слушателя», заставить его осознать и адекватно воспринять высказанные докладчиком идеи [6, с. 144]. Оратор использует все средства, которые способны усиливать связь идей, увеличивать силу мыслей и образов. Вследствие того, что слушатель не может вернуться к той или иной части устного выступления, как это возможно в случае с письменным текстом, оратору приходится прибегать к различным способам активизации внимания аудитории и дополнительной расстановке смысловых акцентов, что и объясняет широкое использование в текстах публичных выступлений разного рода повторов. Рассмотрим наиболее употребительные из них.

Анадиплосис – это стилистический прием, который представляет собой «повторение лексической единицы или группы лексических единиц предыдущего речевого отрезка в начальной части последующего» [7, с. 19]. В 57 % случаев данный стилистический прием находит свое полное отражение в тексте перевода: *Это не мой выбор. Мой выбор в другом. – This is not my choice. My choice is different* [8]. Как видим, именно сохранение в переводном сообщении повтора лексической единицы *my choice* ‘мой выбор’ создает ярко выраженный контраст, эффект которого мог бы быть утерян при применении трансформационной операции опущения или компрессии высказывания, что могло иметь место в случае острого дефицита времени и быстрого темпа речи оратора, когда содержательный компонент высказывания мог классифицироваться синхронистом как избыточный.

В 43 % случаев при наличии анадиплосиса в тексте оригинала переводчик прибегает к компрессии исходного сообщения, при которой анадиплосис не реализуется в тексте перевода как стилистический прием: *...сделаны конкретные и вполне весомые шагу. И эти шагу будут продолжены.* – *... certain specific and very serious steps have been undertaken and will continue be undertaken* [9]. Использование такого рода трансформационных операций помогает переводчику сэкономить время на проговаривании текста перевода при ощутимом отставании от темпа речи оратора и оправдано в случае, когда компрессия незначительно влияет на полноту передачи смысловой и прагматической составляющей исходного сообщения.

Иногда синхронист целенаправленно прибегает к использованию анадиплосиса в тексте перевода, хотя этот прием не был применен автором исходного сообщения: *... нужно ... предложить мировому сообществу новые решения, которые затем должны быть сформулированы в виде международных конвенций.* – *... we should ... offer new solutions to the world community, solutions that should be formulated as international conventions* [10]. Подобного рода добавление позволяет переводчику не только сосредоточить внимание реципиента на реме первой части высказывания, но и логично, без смысловых потерь перевести данную рему в тему следующей части сообщения. Такое переводческое решение позволяет избежать нежелательного разночтения или разнотолкувания смысла, которое может возникнуть в ситуации, когда относительные местоимения *that* и *which* в придаточном предложении способны потенциально заменять или указывать сразу на несколько различных лексических единиц в главном предложении.

В ходе анализа было также установлено, что в исследованных текстах типично использование такого стилистического приема, как лексическая анафора, суть которого состоит в повторении определенных лексических единиц в начале некоторых отрезков речи (предложений, синтагм, речевых групп) [11, с. 260]. При этом следует отметить, что в 46 % случаев анафора передана в тексте перевода полностью: *Торговля является мощным стимулом для экономического роста, но торговля не в меньшей степени способна решить социальные задачи.* – *Trade is a powerful stimulus for economic growth but trade not to a less extent can resolve social tasks as well* [12]. Такие переводческие решения позволяют сохранить заданный эмоциональный тон высказывания и способствуют достижению запланированного коммуникативного эффекта.

В 17 % случаев лексическая анафора использована в текстах публичных вступлений в сочетании с анадиплосисом. Такая комбинация является не только действенным способом эмоционального воздействия на аудиторию, но и возможностью дополнительного выделения ключевых слов, несущих основную смысловую или эмоциональную нагрузку, что наглядно демонстрирует следующий пример: *...наша задача – использовать все возможности, чтобы сделать наш новый мир, ... ; мир, в котором успех определяется в большей степени талантом и трудом... ; мир, где миллиарды людей смогут общаться друг с другом напрямую; мир, где люди*

не боятся власти, где проще, эффективнее и лучше работать друг с другом. – ... *our task is to use all the possibilities in order to make our new world, ... ; a world where success will be determined much more by talent and work ... ; a world where billions of people will be directly communicating with each other; a world where people are not afraid of authorities and international relations ... ; a world where it is much better and much more efficient to work together* [10]. Как видим, анафорическое повторение лексической единицы *мир* 'world' структурирует сложное построение многокомпонентного высказывания, разбивает его на определенные смысловые вехи, тем самым облегчая восприятие сообщения на слух. Переводчик не только полностью сохраняет структуру анафоры в тексте оригинала, но и вводит в нее еще одно звено – дополнительный повтор лексической единицы *world* (выделено в примере), что позволяет выдержать характер построения всего переводного сообщения и придать законченность его структуре. Подобные дополнения служат для создания эффекта поэтапного нагнетания смысла, постепенного увеличения силы эмоций.

В 37 % случаев синхронист, наоборот, опускает один из элементов анафорической цепочки: ...*у нас действительно происходят важные изменения ... , мы действительно развиваемся, мы действительно идем вперед.* – ... *indeed major changes are taking place, we are indeed developing and we are moving ahead* [10]. Использование такого рода операции в большинстве случаев приводит к значительному уменьшению прагматического потенциала исходного сообщения, что не всегда приемлемо при переводе текстов публичных выступлений, так как именно прагматическая составляющая текста оригинала является действенным стимулом для ответной реакции реципиента. Повторение лексической единицы *действительно* 'indeed' является элементом ораторского приема убеждения. Опущение анафоры в тексте перевода снижает уровень выразительности, а в данном случае и убедительности речи докладчика.

Наряду с лексической, часто встречается и синтаксическая анафора, которая основана на повторении одной и той же грамматической конструкции или позиции в начале составных частей сложного высказывания или в начале смежных высказываний и способствует определенному композиционному построению речи [7, с. 20; 13, с. 277–279]. Лексическая и синтаксическая анафора могут накладываться друг на друга, тем самым удваивая свой выразительный потенциал. Передача синтаксических анафор не вызывает особых трудностей у большинства синхронистов. Однако интерес представляют случаи, когда переводчик прибегает к одновременному использованию синтаксической и лексической анафоры в тексте перевода, в то время как такой стилистический прием не был применен в тексте оригинала. Например: *Именно доверие и солидарность помогут нам преодолеть нынешние трудности, избежать многих потрясений, добиться процветания и благополучия в XXI веке.* – *Confidence and solidarity will help us overcome our today's difficulties, they will help us overcome many tumults and they will help us achieve prosperity and well-being*

in the XXI century [14]. При переводе высказываний с усилительной частицей именно обычно используется эмфатическая конструкция типа *It was ... that*, которая служит средством логического и эмоционального выделения определенной части сообщения. В рассматриваемом случае синхронист принимает нетипичное переводческое решение. Он использует комбинацию двух разновидностей анафор, что позволяет не только компенсировать прагматическую потерю при опущении эмфатической конструкции, но и выделить ключевую информацию, обладающую наибольшей степенью смысловой насыщенности, максимально раскрыть эмоционально-экспрессивный потенциал сообщения, кратко увеличив силу его воздействия.

Следует также обратить внимание на тип лексического повтора в конце определенных фрагментов высказывания, который образует э п и ф о р у . При синхронном переводе текстов публичных выступлений в 58 % случаев эпифора передается в переводном сообщении без искажений: *Если говорить о безопасности, Россия некоторое время назад высказала свои конкретные предложения о заключении нового договора о европейской безопасности. – Speaking of security, Russia some time ago expressed its specific proposals on concluding a new treaty on European security* [10]. Лексическая единица *security* ‘безопасность’ является той ключевой точкой, которая задает одну из основных подтем сообщения. Ее повтор помогает удержать внимание аудитории в рамках рассматриваемой проблемы и способствует постепенному логическому разворачиванию идеи автора.

Часто переводчик прибегает к добавлению эпифоры в текст переводного сообщения, содержащего анафорическое местоимение: *От дискуссий ... необходимо перейти к решению конкретных задач. Их много. – From general discussions we should proceed to the implementation of specific tasks. There are many such tasks* [10]. В данном примере анафорическое местоимение *их* отсылает слушателя к реме предыдущего высказывания, тем самым устанавливая тесную связь между высказываниями. Трансформационная операция добавления позволяет логически выделить в тексте перевода лексическую единицу *tasks* ‘задачи’, сконцентрировать внимание аудитории на рассматриваемой проблеме и придать весомость словам автора.

В 23 % случаев добавление эпифоры в текст перевода происходит вместе с добавлением параллелизма: *Право на чрезмерный риск должно быть у предпринимателей, у граждан, вне всякого сомнения, у ученых. – The right to excessive risk is something that entrepreneurs should have, citizens should have and no doubt scientists should have* [10]. Полный параллелизм – это такой стилистический прием, который основан на том, что «смежные или соотносительные части высказывания имеют одинаковое синтаксическое строение» [7, с. 415]. В данном случае однородные дополнения в тексте оригинала передаются переводчиком параллельными придаточными предложениями. Единство формы выражения сказуемого *should have* во всех придаточных предложениях создает своеобразную композицию высказывания, каждый компонент которой одинаково важен.

В текстах социально-экономической направленности параллелизм может приобретать весьма сложный характер, соединяясь и с другими фигурами речи, например с анафорой. В половине проанализированных случаев переводчику-синхронисту не удастся передать параллелизм исходного сообщения, так как информация в синхронном переводе поступает ограниченными порциями и не всегда представляется возможным спрогнозировать дальнейшее содержание высказывания, его структуру и появление того или иного стилистического явления. Более того, порционное поступление информации, ограниченный объем оперативной памяти, а также параллельность процесса слушания и говорения осложняют, а в некоторых случаях даже делают невозможным целостное восприятие высказывания, необходимое для анализа стилистического аспекта воспринимаемого сообщения. Однако опытные синхронисты достаточно успешно справляются с переводом такого рода параллельных конструкций, что иллюстрирует следующий пример: *Нельзя вести дела в России, не думая о Центральной Азии. Нельзя вести дела в Украине, не думая о России. – You cannot work in Russia without thinking of Central Asia. You can't work in the Ukraine without thinking of Russia* [8]. Полное сохранение параллелизма в тексте перевода помогает создать образ равновесного суждения, некоего смыслового тождества, составные части которого равнозначны, равноправны и, более того, связаны отношениями взаимозависимости. Именно эту идею взаимозависимых отношений между странами-соседями хотел донести до аудитории автор исходного сообщения, а использованная им параллельная конструкция не только дублирует основную идею высказывания, повышая его убеждающую силу, но и еще в большей мере интенсифицирует степень воздействия на реципиента, глубже запечатлевает мысль оратора в сознании слушателя.

Таким образом, можно сделать вывод, что стилистический аспект текстов публичных выступлений социально-экономического характера обладает определенным эмоционально-экспрессивным потенциалом в силу того, что публичная речь выполняет не только информативную функцию, но и функцию воздействия на реципиента. Проведенный анализ показал, что в исследованных текстах среди синтаксических стилистических приемов, основанных на разного рода повторах, превалирует анафора (51 %), анадиплосис (23 %), эпифора (14 %) и параллелизм (7 %). В среднем в 59 % случаев наблюдается полное сохранение данных стилистических приемов в тексте перевода, что помогает адекватно передать его экспрессивно-эмоциональную составляющую. В 41 % случаев применяется трансформационная операция опущения, которая снижает выразительность переводного сообщения и оправдана при значительном отставании от темпа речи оратора. Наблюдаются случаи, когда синхронист прибегает к использованию операции добавления, при этом в текст перевода зачастую вводятся сразу несколько синтаксических стилистических приемов, которые не были

использованы в тексте оригинала, что придает ему дополнительный колорит. Однако чрезмерное увлечение синтаксическими стилистическими приемами может негативно отразиться на адекватности исходного и переводного текста вследствие того, что как потеря, так и гиперболоизация прагматического компонента могут повлечь существенное искажение коммуникативной интенции автора и запланированного коммуникативного эффекта исходного сообщения, а это неминуемо повлияет на качество синхронного перевода и эффективность опосредованной коммуникации, одним из видов которой он является.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алимов, В.В.* Теория перевода / В.В. Алимов. – 5-е изд. – М. : URSS: Либроком, 2009. – 158 с.
2. *Рецкер, Я.И.* Теория перевода и переводческая практика / Я.И. Рецкер. – М. : Р.Валент, 2004. – 237 с.
3. *Швейцер, А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. – 2-е изд.– М. : URSS: Либриком, 2009. – 216 с.
4. *Кожина, М.Н.* Стилистика русского языка / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 462 с.
5. *Солганик, Г.Я.* Стилистика современного русского языка и культура речи / Г.Я. Солганик, Т.С. Дроняева. – 5-е изд., стер. – М. : Академия, 2008. – 251 с.
6. *Бельчиков, Ю.А.* Стилистика и культура речи / Ю.А. Бельчиков. – М. : Изд-во УРАО, 2000. – 158 с.
7. *Матвеева, Т.М.* Полный словарь лингвистических терминов / Т.М. Матвеева. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 562 с.
8. Выступление И.Ю. Юргенса на Петербургском международном экономическом форуме, 17.06.10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.forumspb.com/en/programme/SPIEF_2010/programm_3#translation90|1276780442. – Дата доступа: 20.02.12.
9. Выступление Д.А. Медведева на Петербургском международном экономическом форуме, 18.06.10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.eng.news.kremlin.ru/video/444?page=3>. – Дата доступа : 20.02.12.
10. Выступление Д.А. Медведева на Всемирном экономическом форуме в Давосе, 26.01.11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.youtube.com/watch?v=nFuHWprKF4E>. – Дата доступа : 20.02.12.
11. *Гальперин, И.Р.* Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. – 459 с.
12. Выступление Д.А. Медведева на деловом саммите АТЭС в Сингапуре, 14.11.09. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.youtube.com/watch?v=LlrvDKYUfo>. – Дата доступа : 20.02.12.

13. *Томашевский, Б.В.* Стилистика / Б.В. Томашевский. – 2-е изд. – Л. : Издание Ленингр. ун-та, 1983. – 288 с.
14. Выступление В.В. Путина на Всемирном экономическом форуме в Давосе, 28.01.09. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.youtube.com/watch?v=_2EG4KLLa8c&feature=related. – Дата доступа : 20.02.12.

The article considers the main syntactic stylistic devices based on repetition and used in public speeches of socio-economic character. It presents the ways of expressing these devices in Russian-English simultaneous interpreting and shows their role in revealing the pragmatic potential of both the target and source texts.

Поступила в редакцию 01.03.12

С.В. Силков

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ПО АРХИВИСТИКЕ, ТЕРМИНОВЕДЕНИЮ И ПОИСКУ ИНФОРМАЦИИ

В статье рассматриваются подходы автора к формированию интеллектуальных терминологических информационных ресурсов (ИТИР): «InfoLio&Rec» – как информационно-поисковой и справочной системы на основе анализа нормативных и технических правовых актов ООН, ISO/IEC, Евросоюза, Беларуси, России и других стран, которые регулируют вопросы документоведения и управления документами, пространств Мира хранения (архивы, библиотеки, музеи), менеджмента знаний, информационного права, технологий и безопасности в государственном управлении (электронное правительство); ИТИР «Terminus» – для исследований в области терминологии терминоведения и поиска информации. Также раскрываются основные принципы и структура создаваемого автором статьи словаря «Архивистика и документные коммуникации в Беларуси, России и Украине. Терминология».

Терминология каждой науки, сферы деятельности отображает богатство профессиональных знаний [1, с. 31]. Лексикология, исследующая семантику слова, соотношение его звуковой оболочки (плана выражения) и значения (плана содержания), семантические процессы в слове и их результаты, способствует развитию лексикографии как теории, методологии и практики составления словарей и, наоборот, лексикография способствует лексикологическим исследованиям. Поэтому исследования природы термина и терминологии, соотношения знаковой и понятийной сторон, семантических процессов в терминах, проблем терминообразования развивают терминографию как теорию, методологию и практику составления терминологических словарей, что, в свою очередь, способствует развитию внесловарного

терминоведения. При этом важной задачей было и остается «системное изучение различных профессиональных лексиконов» [2, с. 7]. Все это выражено в терминоведении архивистики и документных коммуникаций.

Внедрение информационных технологий (ИТ) во все сферы жизни обществ активизирует работу международных организаций по принятию стандартов (законов) по регламентации управления документами и унификации терминологии. Обогащение национальных терминосистем иностранной лексикой серьезно испытывает действующий терминофонд на системность: из-за примирения с алогизмом заимствованных иноязычных терминов можно попросту оказаться в Вавилоне [3, р. 158], но не меньшую опасность представляет и пренебрежение терминологией.

Сложившаяся экстралингвистическая ситуация диктует необходимость создания интеллектуальных терминологических информационных ресурсов (ИТИР), которые бы: 1) стали легитимным средством фиксации терминологии, накопления научных знаний и общения профессионалов; 2) предоставляли полную информацию для выбора и правильного использования нужного термина: сведения о терминах и допустимости их использования, правовом статусе терминов и документах, его устанавливающих, и др.; 3) смогли стать научной основой стандартизации терминосистем.

И Т И Р *InfoLio&Rec*¹ сформирован как информационно-поисковая и справочная система подрубрикой «Государство и право. Юридические науки» (из 8900 терминов с соответствующими определениями) на основе анализа состояния науки и ИТ, нормативных правовых актов (НПА) и технических НПА (законов, директив, стандартов, руководящих документов и т.д.) международных организаций, Республики Беларусь и других стран, на основе источников по документоведению, архивоведению и управлению документами, менеджменту знаний, информационному праву, технологиям и безопасности в госуправлении.

Основная цель *InfoLio&Rec* – *постоянная системная поддержка процессов нормализации профессиональной терминологии* для повышения эффективности и устойчивости социальных коммуникаций и управления, т.е. научно-методическая помощь в установлении непротиворечивой и однозначно понимаемой терминологии по направлениям формирования ИТИР. Целью его является также возможность найти значение определенного термина, нормативную и справочную информацию, необходимую пользователю, связанную с объектами и процессами, стоящими за терминологией.

Достижение основной цели разработки *InfoLio&Rec* предполагает: 1) выявление всего многообразия терминов указанных предметных областей; 2) отделение терминов определенной предметной области от терминов смежных областей знания; 3) выявление факторов воздействия и результатов

¹ Свидетельство о включении энциклопедического электронного web-словаря современной терминологии “Terminus” в Государственный регистр информационных ресурсов Республики Беларусь от 01.10.2010 г. №1161001057.

влияния на терминосистему; 4) определение состава необходимых и достаточных терминов для развития предметной области; 5) установление иерархий понятий; 6) четкую дефиницию терминов; 7) проверку обоснованности полисемии и синонимии терминов; 8) устранение нарушения правил общего и специального языка.

Каждый ИТИР фундирован терминологическими источниками – документами, содержащими факты терминопотребления (демонстрирующими состав и применение терминов в данной профессиональной речи) и отражающими понимание терминов в виде эксплицитной (явной) или имплицитной (тацитной) дефиниции. Технические НПА (кодексы, стандарты, руководящие документы, регламенты и т.д.) являются важнейшей формой накопления знаний: в них зафиксированы апробированные методологии (решения), они являются основным средством обеспечения совместимости информационных систем, особенно в Internet-сообществах. Поэтому основными источниками формирования InfoLio&Res в сфере информации и документации стали: международные стандарты ISO, ISO/IEC, различные законы, указы, директивы, постановления руководящих органов ООН, Евросоюза, Республики Беларусь, России и других стран, регулирующие вопросы управления документами в госорганах. Однако ни один из таких источников не может претендовать на полный и последовательный охват терминосистем по всем направлениям формирования ИТИР. К тому же, большинство средств фиксации терминосистем в указанных областях неполны и непоследовательны.

Специалисты, работающие в современном научном пространстве, должны иметь возможность выбора конкретной информационной системы для перехода от применения «простых» терминологических ресурсов (учебные пособия, фонетические и обучающие системы, словари и глоссарии, находящиеся в памяти компьютера и сетях) к более сложным системам поиска и обработки информации, машинного перевода и т.д. [4, с. 27–28].

Взаимодействие профессионального лексикона с общеязыковой системой отражается в процессах терминологизации, ретерминологизации, детерминологизации [2, с. 7]. Поэтому возникает необходимость внедрения ИТИР в учебные процессы. Сложность в запоминании формулировки в данном случае будет компенсироваться наличием четких образов (моделей) определений и обновлением их в памяти. Система обучения терминологии по направлениям формирования InfoLio&Res включает терминологию на различных языках, перечень сокращений и специальных обозначений. Предлагаемая технология обучения терминологии основана на выделении для каждого термина словаря группы терминов, которые составят тезаурус-микрословарь, поддерживающий иерархию терминов, связи между ними и (или) определенные операции – поиск более общих терминов, более узких, взаимосвязанных и т.д. В настоящее время повышается роль словарей специальной лексики «как средства регистрации и представления знаний. <...> Словари тезаурусного типа вполне могут стать ядром ком-

пьютерных систем искусственного интеллекта. <...> Словари могут быть использованы и как средство реконструкции и исследования процесса развития человеческих знаний» [5, с. 153–154].

Другой интеллектуальный терминологический информационный ресурс – *Terminus*¹ – содержит терминологию терминоведения и поиска информации. *Terminus* охватывает *InfoLio&Rec* с точки зрения ранее включенной в него терминологии, поэтому в *Terminus* особое внимание уделяется работе над терминологией базовых понятий: *termin* (*термин*), *terminology* (*терминология*), *terminosystem* (*терминосистема*), *terminoseries* (*терминоряды*), *terminosophos* (*терминософия*), *terminosphere* (*терминосфера*) и т.д.

База источников, диссертаций и словарей формировалась на основе ключевых слов, представленных следующими корневыми морфемами: *граммат**, *дефини**, *знак**, *индекс**, *ключ**, *когит**, *когнит**, *лекс**, *лингв**, *логик**, *логич**, *определен**, *поиск**, *прагма**, *семант**, *семио**, *синта**, *систем**, *слов**, *словар**, *словн**, *текст**, *термин**, *фраз**, *энциклопед**, *язык**.

Классификация источников по терминоведению: 1) монографии и статьи классической и современных лингвистических школ (В. фон Гумбольдта, австрийской, франко-квебекской, женеvской, датской, пражской, польской и др.), советской и национальной белорусской школ, стран СНГ (более 4600 ссылок); 2) диссертации советской и национальной белорусской школ, стран СНГ (более 8300 ссылок); 3) глоссарии, лексиконы, терминологические сборники, словари, справочники, энциклопедии (более 8200 ссылок).

Основными принципами создаваемого автором статьи словаря «Архивистика и документные коммуникации в Беларуси, России и Украине. Терминология» (далее – Словарь) являются следующие.

1. Исследуемая терминология имеет историческое прошлое. Поэтому сохраняется преемственность со *сложившимися традициями архивистики и управления документами* Беларуси, России и Украины, действующими регламентами, положениями, инструкциями, и др.; также и с лексико-семантической и словообразовательной системами соответствующих языков.

2. Отсутствует отрыв от фундаментальных достижений классического документоведения.

3. Словарь неэффективен в отрыве от национального права, стандартов по системам электронных архивов и документооборота, протоколам взаимодействия и др.

4. Словарь создается при помощи единых терминографических приемов описания материала.

5. Основная задача создаваемого толкового Словаря – устанавливать значения терминов посредством дефиниций как одного из видов толкования слов. Согласно концепции двусторонности термина последний имеет знаковую сторону (слово/устойчивое словосочетание) и закрепленное за ней понятие

¹ Свидетельство о включении энциклопедического электронного web-словаря современной терминологии “InfoLio&Rec” в Государственный регистр информационных ресурсов Республики Беларусь от 12.01.2009 г. №1100900613.

(несколько связанных одно с другим понятий при полисемии термина) – дефинируется не термин в целом, а его понятийная сторона. Заглавный термин и дефиниция составляют словарную статью.

6. Фактически терминологической нормой является наличие в определенное время в определенном подязыке науки (области деятельности) зафиксированного в легитимных и авторитетных текстах (терминологических источниках) систематизированного набора терминов и словообразовательных и словосочетательных моделей, по которым созданы, создаются и могут быть созданы (пересмотрены) знаковые стороны терминов. Разрабатываемый Словарь сможет стать нормативным, только если он будет устанавливать и показывать нормы в понимании, написании и произношении терминов архивистики.

7. Составление Словаря ведется на базе ИТИР InfoLio&Rec и Terminus.

8. Словарь представляет собой краткое введение в архивистику и в этом качестве имеет возможность использования в учебном процессе.

При участии архивистов Украины и России отрабатываются принципы Словаря, его систематика и систематизированный словник (совокупность заглавных терминов – терминов, понятийная сторона которых дефинируется в Словаре).

Словарь проектируется как краткий толковый нормативный терминологический словарь. Тип Словаря определяет и ограничивает включенный в него объективно ограниченный и потому краткий терминоряд терминами современной архивистики (архивологии), документологии и социальных коммуникаций.

Пространственно-временные границы Словаря и синхронический подход к работе над ним определяются *современной* терминологией архивистики стран, связанных единой историей.

В настоящее время Словарь подразделяется на следующие разделы:

– основные понятия (отрасли деятельности; научные дисциплины и связанные с ними термины; основания деления; методология архивоведения);

– типология документов (по типу информации и способу ее закрепления на носителях; по областям человеческой деятельности; по формальным признакам);

– организация документов (управление документацией, хранение документов; классификация документов; учет и учетные единицы; комплектование архива; экспертиза ценности документов);

– организация информации (классификация документной информации; описание архивных документов; информационные термины, процессы и средства; научно-информационная деятельность архива; археографическая деятельность);

– обеспечение сохранности документов (методология и средства их хранения и воспроизведения);

– электронные документы;

– документные коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Калишевич, З.Е.* Советская архивная терминология / З.Е. Калишевич [и др.] // Советские архивы. – 1969. – № 1. – С. 29–33.
2. *Хайчук, Р.* Основы создания терминологических словарей / Р. Хайчук, А. Зубов. – Белосток : Trans Humana. 2004. – 128 с.
3. *Duchein, M.* A propos de la terminologie archivistique / M. Duchein // La Gazette des Archives. – 1965. – № 50. – P. 157–160.
4. *Беляева, Л.Н.* Автоматизированное рабочее место филолога: принципы организации и компонентная структура / Л.Н. Беляева // Актуальные проблемы прикладной лингвистики : сб. науч. тр. : в 2 ч. / ред. А.В. Зубов – Минск : МГЛУ, 2008. – Ч. 2. – С. 21–28.
5. *Гринев-Гриневиц, С.В.* Введение в терминографию / С.В. Гринев-Гриневиц. – 3-е изд., доп. – М. : Либроком, 2009. – 224 с.

Intellectual terminological informative resources (ITIR) which are created by the author of this article are described. ITIR «InfoLio&Rec» is intended for research in the area of scientific discipline of documentation and records management; keeping Universum spaces (archives, libraries, museums); knowledge management; information law, e-government. ITIR «Terminus» is intended for research in the area of terminology sciences and information retrieval. Basic principles and structure of the dictionary (created by the author of this article) «Archivistics and document communications in Belarus, Russia and Ukraine. Terminology» are exposed.

Поступила в редакцию 06.02.12

Д.Н. Шаповаленко

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

(на примере перевода на немецкий язык
повести Л.Н.Толстого «Хаджи-Мурат»)

На примере повести Л.Н.Толстого «Хаджи-Мурат» рассматриваются актуальные вопросы национально-культурной адаптации художественного текста при переводе с русского на немецкий язык. Исходный текст при переводе вынужденно подвергается определенной адаптации для того, чтобы он стал понятен представителю иной культуры, т.е. читателю перевода. Как правило, речь при этом идет о переводе бытовых реалий, но значительную трудность для переводчика представляет попытка передать такие элементы текста, как экзотизмы и историзмы, архаичные формы обращения и особенности речи, иноязычные вкрапления. На конкретных примерах показаны пути решения этих проблем, применение определенных переводческих приемов. Они представляют тем более научный интерес, что предлагают примеры решения конкретных задач при переводе с русского языка на иностранный. Результаты могут быть использованы в теоретическом и практическом курсах перевода.

Проблемы национально-культурной адаптации текста при переводе давно вызывали и продолжают вызывать интерес исследователей-лингвистов и переводчиков. Этой тематике посвящено довольно большое количество исследований Л.С. Бархударова, В.С. Виноградова, С. Флорина и С. Влахова, А.В. Федорова и К.И. Чуковского, которые за их труды в данной области достойны «канонизации» в среде лингвистов и переводчиков.

Как уже не раз отмечалось в теоретических исследованиях, каждый язык отражает особенности национальной культуры, истории, менталитета того народа, который на нем говорит, а каждый литературный текст создается в рамках определенной этнокультуры. Элементы этой культуры, несомненно, могут быть мало знакомы и даже совершенно не понятны представителям других культур и носителям других языков. Поэтому при переводе исходный текст вынужденно подвергается определенной адаптации. Речь в основном идет об общей для всех видов перевода проблеме передачи *реалий*.

В разное время делались многочисленные попытки подобрать наиболее точный термин для обозначения данной категории лексических явлений – это безэквивалентная лексика; бытовые слова; экзотизмы, или экзотическая лексика; варваризмы; культуремы; ксенизмы; лакуны и др. Но тем не менее ни один из этих терминов не раскрывает полностью содержания и характеристики понятия *реалия*. Эта группа лексики оказывается весьма разнородной, а ее деление не всегда логичным и оправданным. Этот факт естественно проявляется и в наличии разнообразных приемов и подходов переводчиков при ее передаче.

Разнообразие терминов, используемых в лингвистике и переводоведении, наличие нескольких, хотя и достаточно похожих, классификаций – а наиболее полную и подробную представили непревзойденные в этом научном направлении Сергей Влахов и Сидер Флорин [1; 2] – свидетельствуют о том, что до настоящего времени проблемы перевода этой группы лексики, а тем самым и лексико-семантические проблемы национально-культурной адаптации художественного текста при переводе более чем актуальны. Поэтому любое исследование в данной области будет способствовать более глубокому пониманию и дальнейшему решению проблем теории и практики перевода в целом.

Вопросы передачи реалий и та роль, которую они играют для читателя, в теоретическом плане изучены достаточно полно и представлены в обширном библиографическом списке, составляющем несколько сотен научных монографий и статей [3; 4].

Проанализируем перевод на немецкий язык повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» [5], выполненный Й. Ханом.

Сопоставительные исследования переводов с русского языка на немецкий нечастые [6; 7]. Значительное влияние на выбор способа передачи реалий оказывает личность переводчика. Именно ценностная ориентация переводчика и его коммуникативная установка во многом предопределяют выбор переводческой стратегии в отношении передачи реалий.

Общий лексический объем текста повести составляет около 35 тысяч слов. Среди них – широкий спектр реалий, около 1300 единиц (3,7 % от общего количества); далеко не все из них исконно русские, а многие имеют

либо тюркоязычное происхождение, либо заимствованы из французского языка. Все реалии, встречающиеся в повести, можно разделить на пять основных тематических групп: 1) *имена собственные и топонимы*, 2) *экзотизмы*, или *предметы быта*, 3) *военные термины*, 4) *историзмы: чины и звания, учреждения*, 5) *архаичные формы и особенности речи, формы обращения*. Вторая и четвертая группы, по сути, этнографические реалии – наиболее многочисленны. Последняя группа выделяется, поскольку национально-культурные особенности могут быть обнаружены не только на уровне номинаций, но и на уровне речевой деятельности участников коммуникации.

Такого рода деление на отдельные группы вполне соответствует предложенной В.С. Виноградовым классификации лексики, содержащей фоновую информацию: бытовые, этнографические и мифологические реалии, реалии мира природы, государственно-административного устройства и общественной жизни (актуальные и исторические), ономастические реалии и ассоциативные реалии [8].

С. Влахов и С. Флорин, в свою очередь, предлагают более подробную классификацию:

I. Предметное деление на а) географические реалии: названия объектов физической географии, названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью, названия эндемиков; б) этнографические реалии: быт, труд, искусство и культура, этнические объекты, меры и деньги; в) общественно-политические реалии: административно-территориальное устройство, органы и носители власти, общественно-политическая жизнь, военные реалии.

II. Местное деление, в зависимости от национальной и языковой принадлежности в плоскости одного языка *на свои реалии* – национальные, локальные, микрореалии – и *на чужие реалии*: интернациональные, региональные; в плоскости пары языков: внутренние реалии и внешние реалии.

III. Временное деление (в синхроническом и диахроническом плане), по признаку ‘знакомости’, т.е. современные и исторические реалии.

IV. Переводческое деление на иноязычные вкрапления, экзотическую лексику, варваризмы, местные говоры и диалекты [1, с. 47–79].

И.С. Алексеева выделяет в рамках этого явления экзотизмы, имена собственные, междометия и звукоподражания, фразеологические единицы, отклонения от литературной нормы, фигуры стиля и ресурсы их передачи [9].

Рассмотрим отобранную нами *первую группу* – *имена собственные и топонимы*. Действие повести Л. Толстого происходит на Северном Кавказе во второй половине XIX века. Поэтому текст изобилует именами собственными и топонимами, звучание которых непривычно ни для русского, ни тем более для немецкого читателя. Часть этих лексем имеет ярко выраженное тюркоязычное происхождение. Абсолютное большинство передаются в тексте перевода согласно современным правилам переводческой транскрипции: *Манана* (в другом случае *Мананэ*) *Орбельяни* – *Manania Orbeliani*; *графиня Шуазель* – *die Gräfin Choiseul*; *Абунунцал-Хан* –

Abununzal Chan; Умма-Хан – Umma Chan; Булач-Хан – Bulatsch Chan; Лорис-Меликов – Loris Melikow; Хан-Магома – Chan Mahoma; Элдар – Eldar, Ханефи – Chanefi и др.

Лишь в отдельных случаях переводчик адаптирует окончание имени собственного *Манан-а/э* под более привычную для немецкого языка форму *Manan-ia*.

Что касается общеизвестных имен собственных и географических названий, то в основном используются зафиксированные в лексикографии соответствия, например: *Если не Наполеон, то Мурат. – Vielleicht kein Napoleon, aber doch immerhin ein Murat; Только ожидалась большая экспедиция в Большую Чечню. – Es wurde jedoch eine umfangreiche Expedition nach der großen Tschetschna geplant.* Современные словари предпочитают вариант *Tschetschenien*.

При переводе сочетания *аул Ведено* на немецкий язык переводчик отошел от транскрипционного метода и использовал две различные трансформации. В первом случае он применил при переводе опущение географического названия и использовал видовое понятие: *Весь народ большого аула Ведено стоял на улице и на крышах, встречая своего повелителя. – Die ganze Bevölkerung der großen Ortschaft stand auf der Straße und auf den Hausdächern, um den Gebieter würdig zu empfangen.* А в другом случае переводчик применил контекстуальный перевод: *Семья Хаджи-Мурата ... была привезена в аул Ведено... – Chadschi Murats Familie war ... nach Schamyls Residenz gebracht worden ...*

Транскрипция как способ передачи реалий сохраняет стилистическую активность слова и тем самым сохраняет национальный и исторический колорит текста. *Транскрипция* необходима для соблюдения лексической краткости обозначения, соответствующей его привычности в языке подлинника и специфичности называемой вещи или понятия, если нет точного соответствия в языке перевода.

Вторая группа интересующих нас явлений – *предметы быта*. Ввиду того, что бытовая культура кавказских народов существенно отличается от русской или немецкой, трудно найти при переводе полное соответствие некоторым понятиям. Самым распространенным способом передачи лексических единиц, обозначающих предметы быта, является *транскрибирование*, причем часто зафиксированное в словарях: *Хаджи-Мурат был одет в длинную белую черкеску на коричневом, с тонким серебряным галуном на воротнике, беишмете. – Chadschi Murat trug über einem braunen, am Kragen mit einer schmalen silbernen Borte verzierten Beschmet eine lange weiße Tscherkeska.* Переводчик не делает никаких примечаний относительно слов *черкеска* и *беишмет*, очевидно, полагая, что они известны немецкому читателю, тем более, что эти слова присутствуют в немецких словарях.

Некоторые слова-экзотизмы, такие как *тулуп, бурка, шаровары, папах* и *муэдзин, имам, джигит, шейх*, вошли в обиход и имеют прямые соответствия в немецком языке и не представляют трудностей при их переводе.

В редких случаях переводчик использовал при передаче на немецкий язык *описательный* перевод, например: *Жена Садо несла низкий круглый столик, на котором были чай, пильгиши, блины в масле, сыр, чурек – тонко раскатанный хлеб – и мед.* – *Sados Gattin brachte einen niedrigen, runden, kleinen Tisch, auf dem sich Tee, Honig, Käse, Maiskuchen, Süßbrot und Butterfladen befanden.* Чурек – распространенная у кавказских горцев пресная лепешка из кукурузной муки – было переведено – *Maiskuchen*. В то же время чеченское слово *пильгиши* ‘пельменя или клецки с начинкой’ было опущено и появился функциональный аналог *Süßbrot*. Также вместо тюркского *кумган* ‘узкогорлый сосуд, кувшин для воды с носиком, ручкой и крышкой из глины или из металла’ в переводе появляется *eine Metallkanne*.

Еще пример – из восточной кухни. Плов, известный в Средней Азии, получил известность в Западной Европе в XIX веке. В немецком языке он известен как *Pilaw*. Переводчик предпочел использовать принцип родовидовой замены и передал содержание реалии единицей с более широким значением и тем самым не стал загромождать текст заимствованиями: *За обедом Хаджу-Мурат ничего не ел, кроме плова ...* – *Beim Mittagessen nahm Chadschi Murat nur etwas von einer Reisspeise ...*

В тексте встречаются *устаревшие слова*, например, *бюро*, заимствованное из французского языка: *Между окнами стояли два бюро.* – *Zwischen den Fenstern befanden sich zwei Pulte*. Переводчик не выбрал французское соответствие *bureau*, которое вполне понятно немецкому читателю.

Слово *сакля*, обозначающее дом у кавказских народов, переведено различными вариантами: 1) чаще – *Hütte*; 2) контекстуальный перевод – *das Gastzimmer*; 3) приблизительный описательный перевод с использованием простого функционального аналога – *Женщины... жили под караулом в сакле ...* – *Die Frauen wohnten ... in dem Hause...*

Слова тюркского происхождения (*кунак, пешкеш*) не транскрибировались, так как есть прямые соответствия в немецком языке – *Freund, Gastgeschenk*, правда, при этом утерян национальный колорит.

Текст оригинала содержит множество форм *обращения*, ставшие для русского, да и для немецкого читателя архaisчными: *Слушаю, ваше благородие!* – *Zu Befehl, Euer Wohlgeboren!*; *Так точно, ваше сиятельство!* – *Das stimmt wohl, Ew. Durchlaucht!*; *Я вам не барон, а ваше превосходительство ...* – *Ich bin für Sie nicht der Baron, sondern die Exzellenz.*; *По высочайшей его величества воле ...* – *Nach dem Allerhöchsten Willen Seiner Majestät ...* Все они имеют прямые соответствия в немецком языке. Поэтому не возникло никаких трудностей при переводе.

Это же касается и большинства чинов и званий, например: *ротмистр* – *Rittmeister*, *юнкер* – *Junker*, *камердинер князя* – *der Kammerdiener des Fürsten*. Многие из этих слов были заимствованы из немецкого языка и не нуждались в переводческом комментарии. Однако есть исключения, например *камер-лакей*. В немецком тексте встречаются два варианта перевода. В обоих случаях переводчик возвращался от русской транскрипции к исходному немецкому варианту: *Kammerdiener, Hoflakai*.

Не возникли трудности и в переводе словосочетания *двенадцать тысяч шпирутенов* – *zwölftausend Spießbrutenhiebe*, которое имеет немецкое происхождение: *шпирутен* (от *Spießbrutenlaufen*, *Spieß* ‘копье, пика’ и *Rute* ‘хлыст’) ‘длинный, гибкий, древесный прут для телесных наказаний в XVII–XIX веках, особенно в русской армии’. А для перевода воинского звания *урядник* ‘унтер-офицерский чин в казачьих войсках’ использовано прямое соответствие: *С казаками был урядник, георгиевский кавалер – Der ihm beigegebene Unteroffizier war ...* При этом утерян национальный колорит, ведь казаки были только в России. Кроме того, при переводе этого предложения было использовано *опущение*, так как переводчик не стал передавать на немецкий язык русскую реалию *георгиевский кавалер*.

В оригинале встречаются случаи полного соответствия русских и европейских, в частности немецких, историзмов: *Обещал дать вольную, когда вернется с Кавказа. – Er hatte versprochen, sobald er aus dem Kaukasus nach Hause käme, ihm den Freibrief zu geben ; Он играл только в старинную игру – ломбер. – Er spielte nur sein altgewohntes L’hombre. Ломбер* – испанская игра, в которую играли французскими картами. Это слово было заимствовано из французского, поэтому и при переводе дано оригинальное название этой игры, очевидно, известное немецкому читателю.

Определенную трудность при переводе могло составить слово *ламорой*, значение которого не известно широкому кругу даже русскоязычных читателей: *Ламорой твой Шамиль, – сказал Хан-Магома, подмигивая Лорис-Меликову. Ламорой было презрительное название горцев. Переводчик транскрибировал это слово и перевел пояснение автора: Dein Schamyl ist ein Lamorej, sagte Chan Mahoma, während er Loris Melikow listig zublinzelte. Lamorej war eine verächtliche Bezeichnung der Bergbewohner.*

Пословицы, переводчик передал их функциональными аналогами немецкого языка. *Знаете: худой спор лучше доброй ссоры. – Sie wissen: besser ein magerer Friede als ein fetter Streit.* Но есть и приблизительный перевод: *Но у женщины ума в голове – сколько на яйце волос. – Aber in solch einem Weiberkopfe sitzt genau so viel Verstand, wie Haare auf einem Ei ; Про старые дрожжи поминать двожды, – сказала сноха, и все, положив цены, пошли к дому. – Rühr’ doch nicht immer in dem alten Schmutz herum, sagte die Schwiegertochter.*

Довольно часто в исходном тексте встречаются отклонения от литературной нормы, чаще *просторечия, коверканья речи и архаичные формы обращения*. При их передаче переводчик находит функциональный аналог: в языке перевода: *Опять просолил туза! – Nun verschenkt er schon wieder ein Aß!* В следующем примере переводчик заменил русское просторечие немецким словом пониженного стилистического регистра: *Ну и втюрилась. А вам что? – Und wenn ich mich vergafft habe – was geht das jemanden an? ver|gaf|fen, sich <sw. V.; hat> (salopp): sich verlieben: er hat sich auf der Stelle in sie, in ihre Augen vergafft.*

Переводчик, как правило, не сохраняет отступления от литературной нормы речи: *А то как же. Первый камандер небось у Шмеля был. – Das ist wohl möglich. Er war auch Schamyls bester Kommandeur ; ... переводчик угаживает их едою и чаем. – ... für ihre Bewirtung mit Speise und Trank habe der Dolmetscher Sorge getragen.*

К коверканьям также можно отнести и *речь чеченцев*. В редких случаях переводчик прибегает к транскрипции, тем более что Л. Толстой делает в тексте разъясняющий повтор соответствующего выражения:

– *He хабар?* – *спросил Хаджи-Мурат старика, то есть: «что нового?»*

– *Хабар иок – «нет нового», – отвечал старик – Ne chabar? fragte Chadschi Murat den Alten – das heißt soviel wie: Was gibt's Neues?*

– *Chabar ick – gar nichts, – antwortete der Alte.*

Переводчик избегает такие явления и передает их нейтральными средствами, не загромождая тем самым текст малопонятными для немецкого читателя элементами речи. Переводчик, в целом не прибегая к осознанному нарушению орфоэпических и морфолого-синтаксических норм немецкого языка, не передал стилистическую окрашенность разговорной речи чеченцев, при этом сохраняя общий стилистический план повести: *Хорош песня, умный песня. – Schönes Lied, kluges Lied ; Кинезь Воронцов крепко надо, большой дело надо, – говорил Бата. – „Fürst Woronzow sprechen, sehr nötig, große Ding“, sagte Bata.* В данном случае сочетание *крепко надо* передается немецким инфинитивом *sprechen*, и это как раз тот прием, который дает прочувствовать неграмотную речь.

Такой подход к передаче отклонений от литературной нормы напрямую ведет к некоторым стилистическим потерям, неточной передаче «портрета» персонажа и к определенной потере в эстетике текста.

Отдельно можно выделить *передачу иностранной речи*, в частности французских слов и выражений. В оригинале автор постоянно делает сноски с переводом, что облегчает понимание. При переводе на немецкий язык были использованы т р и различных с п о с о б а передачи этих элементов текста.

В *первом* случае в русском тексте встречается диалог на французском языке. Сразу за ним следует повтор этого же диалога на русском языке. В немецком же тексте нет упоминания о том, что герои повести разговаривали на французском языке, например: – *Eh bien, vous aller me dire ce que c'est? Mais, ma chere... Pas de ma chere! C'est un emissaire, n'est-ce pas? ; – Nun, wirst du mir jetzt sagen, wer da war? Aber, meine Liebe ... Ach was, meine Liebe! Es war ein geheimer Abgesandter, nicht wahr?*

Во *втором* случае переводчик перевел слова автора, но сохранил французскую речь в немецком тексте: *Excellentes, chere amie, – отвечал Воронцов на вопрос княгини о том, какие он получил известия с курьером. – Simon a eu de la chance. – Excellentes, chère amie, antwortete Woronzow auf die Frage seiner Gemahlin, was für Nachrichten ihm der Kurier gebracht habe. – Simon a eu de la chance.* Или: *Il y a quelqu'une – сказала маска, останавливаясь. – Il y a quelqu'un, sagte die Dame und blieb stehen.*

В *третьем* случае французская речь была переведена на немецкий язык, а в словах автора есть упоминание, что герой говорил на французском языке: *Voila l'occasion. Donnez-lui la montre, – сказала княгиня мужу. – „Das scheint mir ein passendes Gegengeschenk für ihn, gib ihm die Uhr“, sagte die Fürstin auf Französisch zu ihrem Gatten.*

В целом в основе переводческих приемов лежат общеязыковые формальные и семантические отношения, а также определяющие возможные языковые отношения между элементами текста оригинала и перевода. Сопоставительный анализ приемов и вариантов перевода реалий из различных тематических групп выявил тенденцию к достаточно точной передаче колорита, содержания и формы русских реалий.

В зависимости от попытки переводчика сохранить национальный и исторический колорит, достаточно полно передать содержания и форму лексического явления, можно назвать такие приемы из выделенных нами пяти основных тематических групп:

– *механическая передача* – транскрибирование и транслитерация, использование полного соответствия для 1–2 групп (географических реалий и имен, бытовые реалии);

– использование *контекстуального* или *функционального аналога*, создания нового слова для 3–4 группы – военные термины, чины и звания, учреждения, т.е. историзмы;

– *разъясняющий* и *уподобляющий перевод* для 2 группы – экзотизмы (предметы быта, еда, оружие, единицы мер и т.п.);

– *буквальный перевод* (поговорок);

– *опущение* для 5 группы – архаичные формы и особенности речи, формы обращения.

Анализ перевода повести позволил сделать некоторые обобщающие выводы о проблемах национально-культурной адаптации художественного текста при переводе с русского на немецкий язык и приемах достижения адекватного перевода. Но следует также попытаться дать ответ на вопрос: должен ли читатель перевода получать от текста такое же впечатление, как и читатель оригинала, или же он должен все время чувствовать, что он читает текст, написанный на чужом языке и отражающий чужую для него культуру? Входила ли в «сверхзадачу» переводчика попытка с абсолютной точностью передать дух, колорит и стилистику оригинала, и есть ли в этом глобальная необходимость?

Читатель оригинала, если он начитан и обладает достаточными фоновыми знаниями, при ознакомлении с текстом часто просто не замечает всех привычных для него реалий иной этнокультуры или быстро привыкает к новым. Читатель же перевода может и должен воспринимать текст как элемент чужой для него национальной культуры, тем более что в нашем случае наблюдается переплетение русской и кавказской культур, имеющих к тому же и временную соотнесенность. Поэтому задача переводчика в переводе – максимально полное и точное сохранение национально-специфических реалий, с тем чтобы они привлекали внимание читателя к нацио-

нально-культурной специфике, но при этом не перегружали текст, не делали его малопонятным, не становились «назойливыми». Пренебрежение этой задачей ведет неминуемо к упрощенному вольному переводу или просто к пересказу, что вызывает теоретические возражения и ряд практических проблем и крайне неприемлемо для качественного перевода.

Немецкому переводчику повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» Й. Хану, удалось, на наш взгляд, ознакомить немецкого читателя не только с эпохой, в которой происходит действие повести, но и передать сложные реалии чужой культуры, встречающиеся в исходном русском тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Влахов, С.* Непереводимое в переводе / С.Влахов, С.Флорин. – М. : Междунар. отношения, 1980. – 343 с.
2. *Флорин, С.* Муки переводческие: практика перевода / С.Флорин. – М. : Высш. шк., 1983. – 184 с.
3. Библиография по переводоведению. Авторские монографии и учебники [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.utr.spb.ru>. – Дата доступа : 16.12.2011.
4. Отечественная литература по проблемам перевода. Книги и монографии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.refegrad.ru>. – Дата доступа : 16.12.2011.
5. *Die Kreuzersonate und andere spätere Erzählungen. Übersetzt von J. Hahn / L.Tolstoi.* – München, 1986. – 235 S.
6. *Алексеева, М.А.* Приемы передачи русских реалий в немецких переводах романов Ф.М. Достоевского : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / М.А. Алексеева [Электронный ресурс]. – Екатеринбург, 2007, – 214 с. Режим доступа : <http://www.dissercat.com>. – Дата доступа : 22.12.2011.
7. *Левина, Э.А.* Языковые реалии в прагма- и социолингвистическом аспекте : На материале русских и немецких романов первой половины XX века и их переводов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Э.А. Левина [Электронный ресурс]. – Ростов н/Д, 2006. –159 с. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com>. – Дата доступа : 22.12.2011.
8. *Виноградов, В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. – М. : Изд-во Ин-та общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
9. *Алексеева, И.С.* Введение в переводоведение : учеб. пособие для студентов филол. и лингв: фак-тов высших учеб. заведений / И.С. Алексеева. – СПб. : Филол. фак-т СПбГУ ; М. : Издат. центр «Академия», 2004. – 352 с.

Topical issues of national and cultural adaptation of a narrative text translated from Russian into German language are considered on the example of „Hadzhy Mourat“ by Leo Tolstoy. As a rule, the matter in question is translation of social realities, however, an attempt to translate such elements of the text as exotisms and historicisms, barbarisms, archaic forms of address and speech peculiarities, present a major difficulty for an interpreter. Ways of solving these problems and applying certain interpreting techniques are shown on concrete examples.

Поступила в редакцию 16.03.12

А.К. Шевцова

ОСОБЕННОСТИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ УЧАСТНИКОВ АНГЛО- И БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНЫХ РАДИОДИСКУССИЙ

В статье выявляются особенности самопрезентации участников дискуссий белорусского и британского радио. Исследование показало, что гости белорусских радиодискуссий для создания положительного имиджа чаще прибегают к тактикам аргументирования, идентификации и вовлечения радиослушателя в диалог, но в равной степени с британцами используют тактики повтора и акцентирования. Отдельное внимание в статье уделяется анализу ряда лингвокультурных концептов, которые способствуют положительной самопрезентации участников радиодискуссий.

Социально-политические процессы, происходящие в современном обществе, обусловили изменения в дискурсе средств массовой коммуникации. Массмедиа, в свою очередь, также прямо или опосредованно влияют на социально-политическую жизнь общества. Пропаганда той или иной системы ценностей, состояние национальной культуры и изменение языковой нормы, формирование общественного мнения – все это связано с деятельностью средств массовой информации. СМИ не только сообщают о событиях окружающей действительности, но и интерпретируют их, представляя массовой аудитории картину происходящего сквозь призму определенных культурных ценностей и политических ориентиров [1, с. 19–22].

Если раньше основной функцией СМИ признавалась функция информирования, то теперь приоритетными становятся развлекательная, идеологическая и рекламная функции. Телевидение, радио, Интернет и печатные издания так или иначе воздействуют на целевую аудиторию.

Объектом настоящего исследования послужили дискуссии радиостанции “Беларусь” Белтелерадиокомпании и британского радио BBC. Жанр *радиодискуссии* стал достаточно популярным на радиостанциях многих стран мира. В эфире ведущий вместе с приглашенным гостем обсуждают различные социальные, политические и экономические проблемы, значимые и интересующие большинство граждан. На первый взгляд, такие дискуссии лишь помогают слушателю сориентироваться в современной обстановке. Однако данный жанр также предполагает воздействие на психику и взгляды слушательской аудитории. Приглашенные гости стараются предстать перед публикой в выгодном свете, намеренно или невольно убедить в своей правоте.

Предметом данного исследования стали особенности языкового воплощения самопрезентации гостей радиодискуссий. Самопрезентация (самоподача, самопредъявление, самопредставление) имеет место в любой коммуникации. Она всегда влияет на общение, независимо от того, насколько полно осознается коммуникантами [2]. С позиции коммуникативно-прагматического подхода самопрезентация рассматривается как *коммуни-*

кативная стратегия. По определению О.С. Иссерс, коммуникативная стратегия – это совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего [3, с. 109–110]; это комплекс речевых действий, совершаемых для достижения цели, которую преследует адресант [3]. Коммуникативные стратегии реализуются определенным набором тактик. Коммуникативная тактика – это “конкретный речевой ход в процессе осуществления речевой стратегии ... речевое действие, соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение коммуникативной задачи этого этапа” [4, с. 6]. Стратегии предопределены характером дискурса на глобальном уровне и связаны со стратегической целью (целями).

Стратегия *самопрезентации* способствует созданию коммуникантом собственного положительного образа у реципиента. В процессе самопрезентации человек не стремится раскрыть все свои качества. Он демонстрирует лишь некоторую часть своих персональных характеристик, необходимых для достижения конкретных прагматических целей.

В радиодискуссии ведущий во многом определяет тот образ, который гость будет создавать в ходе передачи и которого он будет придерживаться. В начале любой дискуссии на радио ведущий представляет участника программы, рассказывая о его жизни и карьере, социальном статусе и позиции. В течение всего эфира ведущий направляет беседу в нужное русло, предоставляя возможность гостю выразить себя. А гость, в свою очередь, старается предстать “тем самым лицом”, прийти к “взаимопониманию” со слушателями и таким образом достигнуть своих целей [5]. Для этого участники дискуссии используют различные коммуникативные тактики.

Для того чтобы продемонстрировать свою компетентность в обсуждении проблемы, “войти в доверие” к слушательской аудитории и представить себя в качестве высококвалифицированных специалистов, гости белорусскоязычных радиодискуссий используют тактику *аргументирования*. В качестве аргументов может выступать факт или суждение, раскрытие причин и следствий утверждаемой мысли, авторитетное мнение, статистика. Например, в радиодискуссии, посвященной проблеме охраны птиц в Республике Беларусь, для доказательства выдвинутого тезиса гость приводит следующий фактический аргумент: *Такія ж падыходы характэрны не толькі для нашай арганізацыі, але і на ўзроўні Еўрапейскага саюза ... Тое, што мы робім, з’яўляецца агульнапрызнаным у свеце*. Личный опыт, пример из собственной жизни также выступают в роли аргументов, апеллирующих к эмоциям адресата [6]: *Я часта размаўляю па-беларуску. Нават мой сыночак маленькі трошачку размаўляе ... разумее па-беларуску*. Говоря о своей частной жизни, участник радиопередачи, вероятно, сближается с публикой, позволяя слушателю проникнуть в личное пространство, почувствовать себя “своим”.

В эфире британского радио гости дискуссий пытаются сократить дистанцию с собеседниками и со слушателями, применяя тактику *апелляции* к эмоциям. Они часто шутят, делают комплименты собеседникам (*I’m not*

a celebrity, Daily Bacon is a celebrity. Daily Bacon – это ведущий радиопрограммы), используют разговорную и экспрессивную оценочную лексику (*a damn thing, I wanna, what's up?*).

Для создания положительного имиджа участники радиодискуссий нередко прибегают к тактике *идентификации*. Гости белорусского радио идентифицируют себя с массовой слушательской аудиторией, демонстрируя общность мнения, социального положения или исторического наследия: *Гэта з таямніц нашых бабуль ... трэба старацца выкарыстоўваць нашу гістарычную спадчыну.* Данная тактика встречается в 60 % белорусскоязычных радиодискуссий. Наиболее ярким маркером идентификации с массовой аудиторией являются *референтные* (объединяющие) *местоимения мы, наши*. Кроме того, в отечественном радиоэфире приглашенный представитель какой-либо организации или общества предпочитает не выделяться и говорить не лично от своего имени, а идентифицировать себя со всеми или большинством членов данного общества: *Мы вельмі рады, што з'яўляемся першаадкрывальнікамі ў гэтай галіне; Наша асноўная справа – працаваць над законамі.* Речь гостей британского радио более индивидуализирована: *He was very comfortable with my platform of ideas ... and my anticorruption planks in my platform.*

Участники белорусских радиодискуссий достаточно часто используют тактику вовлечения слушателя в диалог с целью побуждения к размышлению и убеждения. Данная тактика может рассматриваться в рамках более общего явления, которое получило в литературе название диалогизация монологической речи, предполагающая, что адресат представляет собой не пассивную аудиторию, а равноправного субъекта речевого взаимодействия [6, л. 46–47]. Участники часто обращаются не только к ведущему, но и ко всей публике. Например: *Вы ведаеце ўсё, што гэта значыць? Вось глядзіце ...* Причем отношение к слушателям уважительное, как к высокообразованным людям, разбирающимся в тонкостях обсуждаемой проблемы: *Зразумела, вы гэта ведаеце – гэта наша гісторыя, наша жыццё.* Некоторые участники задают сами себе вопросы от лица аудитории и отвечают на них: *Вы спытаеце, навошта? Я паспрабую растлумачыць.* В британских радиодискуссиях тактика вовлечения слушателя в диалог используется значительно реже. В отличие от белорусских дискуссий, в которых создается впечатление постоянного присутствия слушателей, в британских радиопередачах обсуждение происходит чаще всего по схеме “ведущий – гость”. Гости передачи предпочитают обращаться непосредственно к ведущему, что производит впечатление скорее приватной беседы, чем публичного обсуждения. В большинстве случаев о слушателях вспоминают лишь в конце беседы, для того чтобы дать ссылку на сайт или Твиттер: *Just click the site ... and you'll find necessary information.*

Чтобы привлечь внимание слушателей и звучать убедительно, гости как белорусских, так и британских радиодискуссий используют тактику повтора. Например: *Ён [М. Багдановіч] наказвае прыклад усім нам, як*

патрэбна адносіцца да Радзімы: сваім прыкладам, сваімі ўчынкамі, сваёй працай; These thoughts went through my mind ... combination of these thoughts and feelings.

С целью привлечения внимания, а также для того, чтобы облегчить восприятие информации и звучать логично и последовательно, гости применяют тактику *акцентирования* (*важна адзначыць, што ...; Дзеля чаго я ўсё гэта кажу? Для таго, каб ...; I do feel it ... and I do understand*) или задают вопросы слушателям: *А вы ведаеце, калі не падкладаваць у агонь дровы, ён што? Пакрысе можа затухаць ці грэць не так моцна.*

Самопрезентация гостей радиодискуссий реализуется также через вербализацию в речи ключевых концептов британской и белорусской культур. Несмотря на широкое распространение, термин *концепт* до сих пор не имеет устоявшегося определения. Концепт может рассматриваться как микромодель культуры, ее концентрат. Концепты понимаются как “многомерные, культурно-значимые социопсихические образования в коллективном сознании, опредмеченные в той или иной языковой форме” [7, с. 98]. Концепт трактуется как ключевое слово культуры [8]; “сгусток культуры в сознании человека”, “основная ячейка культуры в ментальном мире человека” [9]. Посредством вербализации концептов происходят скрытые процессы самопрезентации, связанные с механизмами манипулирования сознанием адресата.

Выявление лингвокультурных концептов лежит в основе изучения языковой картины мира. Основу английской языковой картины мира, по мнению А. Вежбицкой, формируют следующие ключевые культурные концепты: “liberty”, “freedom”, “justice”, “fairness”, “commitment”, “opportunity”, “efficiency”, “responsibility”, “prosperity”, “security” [8; 10]. Для русской культуры ключевыми концептами признаются: “правда”, “истина”, “общение”, “душа”, “тоска”, “судьба”, “счастье”, “разлука”, “справедливость”, “родина”, “воля”, “дружба” [10; 11].

Поскольку ключевые концепты белорусской языковой картины мира исследованы недостаточно, ввиду общей исторической и культурной судьбы белорусского и русского народов, а также в силу двуязычия современных белорусов в настоящем исследовании изучалась вербальная репрезентация русских лингвокультурных концептов. Будучи ограниченными рамками данного исследования, обратимся к тем лингвокультурным концептам, которые наиболее часто вербализуются в речи участников радиодискуссий и способствуют, на наш взгляд, их самопрезентации.

В речи белорусских гостей наиболее часто вербализуются концепты “правда” и “истина”. Можно предположить, что это связано с тем, что в нашем обществе поощряется искренность и откровенность. Например: *Я адчуваю сапраўднае шчасце ... Душа спявае ад гэтага; Вершы Багдано-віча выклікаюць сапраўдныя перажыванні ў маёй душы ... але гэтыя перажыванні прыгожыя.* Участники дискуссий, авторы этих слов, позиционируют себя как искренние, правдивые люди, которые открыто делятся со слушателями своими переживаниями, описывая свое душевное состояние.

С русскими концептами “истина” и “правда” можно сопоставить английский концепт “truth”. Однако он не так часто вербализуется в речи участников британских дискуссий, как, например, концепты “justice” ‘честность’ и “fairness” ‘справедливость’. Эти концепты также способны выражать такие качества характера героев радиопередач, как правдивость и стремление к справедливости. Они реализуются в речи прямо и косвенно. Например: *They wouldn't say it was the wrong decision, they'd say we lied and I know we didn't*. Гость радиопередачи пытается восстановить справедливость, напрямую заявляя о том, что его оклеветали, обвинив во лжи, а он был честен, говоря о том, что принятое решение было неправильным.

Участники британских радиодискуссий стремятся создавать впечатление деловых, ответственных, практичных и успешных личностей. По нашему мнению, эти качества способны привлечь внимание и вызвать благоприятное впечатление у слушателей. Примеры: *My parents taught me that what you put into the land – you take out of it* ‘Родители научили меня, что то, что посадишь в землю, потом и соберешь’; *It was some other business, but then somebody said: Hey! Everybody can do it! And I realized that I lost. It took me 3 years to look around and to see the problems ... and then I found this farming.* ‘У меня было другое дело, но потом кто-то сказал: Эй! Это все могут делать! И я понял, что я проиграл. У меня ушло 3 года на то, чтобы осмотреться и проанализировать ... потом я открыл для себя этот вид фермерства’.

Британские гости с радостью принимают комплименты, реагируют на похвалу, на удивление ведущих, согласием, поясняя и комментируя лестные слова собеседников в свой адрес (*Yeah, I know, Absolutely*):

Г о с т ь . – *This organization turned into over 6000 people supporting me ...*

В е д у щ и й . – *Wow! Great!*

Г о с т ь . – *Yes. It's really succeeded ... It was my dream and I did it ...*

На восторженные возгласы ведущего гость отвечает нейтральным согласием, не пытаясь умалять свои достижения, а наоборот, выставляя их напоказ. Такая реакция гостя является нормой для британских дискуссий, но противоречит общественно одобряемой скромности, принятой в нашем обществе. Возможно, речь идет о самостоятельном белорусском культурном концепте “скромность”, который присутствует в большинстве отечественных радиодискуссий, однако, как правило, прямо не вербализуется:

В е д у щ и й : – *Але Вы ўзначальвалі гэтую камісію некалькі гадоў?*

Г о с т ь : – *Трошкі ўзначальваў ...*

Еще одним концептом, достаточно часто вербализуемым в речи белорусских участников, является концепт *Родина*. В 80 % дискуссий белорусского радио мы встречаем признание в любви к Беларуси, ее культурному наследию, к природе, к истории. Часто звучат слова, призванные вызвать чувство патриотизма и гордости за свою страну. Например: *...дзеля сваёй любімай краіны, нашай добрай і такой непаўторнай, цудоўнай Беларусі ; Кожны чалавек перажывае, каб у нашай краіне ствараліся такія фільмы, каб нават Галівуд скалынуўся, што ў нас ўсё ж такі лепш, чым у Амерыцы.*

Можно предположить, что культурный концепт “родина” является сильным объединяющим символом для всех граждан нашей республики, поэтому, как мы полагаем, апелляция к чувству патриотизма способствует положительной самопрезентации в отечественном радиоэфире.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что гости как белорусских, так и британских радиодискуссий стараются произвести благоприятное впечатление на слушателей. Таким образом, самопрезентация имеет место во всех дискуссиях и во многом определяет поведение и речь участников радиопрограмм. Белорусские и британские участники используют как общие, так и различные тактики с целью положительной самопрезентации. Гости белорусских радиодискуссий чаще, чем британцы, прибегают к тактикам аргументирования, идентификации и вовлечения слушателя в диалог, но в равной степени используют тактики повтора и акцентирования. В речи британских гостей чаще вербализуются концепты “justice” ‘честность’ и “fairness” ‘справедливость’, в то время как в речи участников белорусских дискуссий наиболее часто вербализуемыми являются концепты “правда”, “истина”, “скромность” и “родина”, которые также вносят вклад в создание положительного образа участников радиодискуссии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Добросклонская, Т.Г.* Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи / Т.Г. Добросклонская. – М. : Едиториал, 2005. – 288 с.
2. *Бороздина, Г.В.* Психология делового общения / Г.В. Бороздина [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа : <http://financepro.ru/management/11314-borozdina-g.v.-psikhologija-delovogo-obshhenija.html>. – Дата доступа : 12.12.2011.
3. *Иссерс, О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – 5-е изд. – М. : ЛКИ, 2008. – 288 с.
4. *Сковородников, А.П.* О необходимости разграничения понятий “риторический прием”, “стилистическая фигура”, “речевая тактика”, “речевой жанр” в практике терминологической лексикографии / А.П. Сковородников // Риторика – Лингвистика : сб. ст. – Смоленск : СГПУ, 2004. – Вып. 5. – С. 5–11.
5. *Шкуратова, И.П.* Самопредъявление личности в общении : монография / И.П. Шкуратова. – Ростов н/Д : ЮФУ, 2009. – 192 с.
6. *Сысоева, Т.А.* Языковые средства реализации стратегий воздействия в текстах малого объема : На материале англоязычной периодики : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т.А. Сысоева ; Минск. гос. лингв. ун-т. – Минск, 2007. – 147 л.
7. *Карасик, В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

8. *Wierzbicka, A.* Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German and Japanese / A. Wierzbicka. – N.Y. : Oxford Univ. Press, 1997. – 328 p.
9. *Степанов, Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – 3-е изд. – М. : Акад. проект, 2004. – С. 42–67.
10. *Wierzbicka, A.* English: Meaning and culture / A. Wierzbicka. – N.Y. : Oxford Univ. Press, 2006. – 363 p.
11. *Зализняк, А.А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М. : Языки слав. культуры, 2005. – 544 с. – (Язык. Семиотика. Культура.)

The article deals with the communicative tactics of argumentation, identification, drawing listeners into the dialogue, repetition, accentuation and some lingua-cultural concepts that favour the participants' positive self-presentation.

Поступила в редакцию 01.03.12

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О.В. Борчук

ОБ УТОЧНЕНИИ ПОНЯТИЯ *ГИПЕРРОЛЬ АДРЕСАТ*
В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ НЕМЕЦКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы роли и места отдельных составляющих семантической структуры предложения. С этой целью осуществляется исторический экскурс в развитие понятия *адресат*, который позволяет автору утвердиться в признании правомерности подхода к данной семантической категории как самостоятельной логико-семантической единице структуры предложения. Дальнейшее развитие получает мысль о том, что адресат как инвариант представляет собой *гиперроль*, обобщающую значение целого ряда вариантов, которые при дальнейшем рассмотрении становятся инвариантами других составляющих смыслов, объединенных общим значением адресации. Анализ реализационных особенностей адресата позволяет установить целый ряд особенностей: совмещение ролей, качественная вариативность, необязательно только одноразовая представленность в семантике предложения и др.

Число семантических ролей, которые можно/нужно или допустимо использовать для анализа семантической структуры предложения, постоянно остается предметом споров. Правомерным будет, с нашей точки зрения, тот подход, который зиждется на связи количества компонентов глубинного смысла с конкретной целью исследования: используется ли инструментарий глубинной структуры предложения для анализа определенных синтаксических проблем, для создания словарей, как средство стилистического анализа или для лингвистической обработки данных – с учетом этого количественный состав необходимых ролей может колебаться. Не следует исключать и тот факт, что отдельные роли могут в разных языках иметь разные значения, следовательно, включаться или не включаться по этой причине в список семантических ролей при анализе семантической структуры предложения конкретного языка [1, с. 169]. Отсюда следует вывод о том, что едва ли можно говорить о каком-либо исчерпывающем списке семантических ролей, как и о необходимости в этом.

Из наиболее постоянно присутствующих в этом списке называются семантический субъект (*Agens/Agentiv/Handelnder*) как инициатор действия; семантический объект (*Patiens/Betroffener*) как цель и предмет направленного действия. Не менее важна семантическая роль ‘адресат’. Однако это понятие продолжает оставаться в современном семантическом синтаксисе недостаточно уточненным, особенно что касается его внутреннего структурирования. Более того, само понятие претерпело в концепции семантических ролей существенные изменения как терминологического, так и качественного характера, причем не только у разных авторов, но и у одного и того же: *датив* – живое существо, затронутое выражаемым через глагол действием [2, с. 405]; *экспериенс* – сущность, испытывающая на себе эффект действия;

бенефактив – лицо, в пользу которого или во вред которому совершается действие [3, с. 97]. Другими исследователями *адресат* вовсе не выделяется как самостоятельная семантическая категория или считается инкорпорированным в другие роли.

Изложенное свидетельствует о правомерности продолжения дальнейшей разработки категории *адресации* с целью уточнения ее статуса. Последнее и стало возможным благодаря повороту к активному изучению проблем семантики предложения и, соответственно, *семантического синтаксиса*, начиная с 70–80-х годов прошлого века (Н.Ю. Шведова, Г.А. Золотова, Е.В. Падучева, О.И. Москальская, В.Г. Адмони, Г.В. Колшанский и др.). Прямое введение логики в теорию семантического синтаксиса явилось закономерным следствием того подхода к исследованию семантической структуры предложения, который называют анализом в аспекте денотативной концепции значения предложения, исходящим из денотата – ситуации как совокупности элементов объективной действительности, отражаемой в предложении-высказывании как языковом знаке, служащем воплощению речевой ситуации. Иначе говоря, данный подход усилил внимание к анализу ситуации, являющейся неким положением дел, т.е. фактом или событием действительности, и повлек за собой анализ семантической структуры предложения [4, с. 12]. Раскрытие ее специфики означало выявление семантических ролей, их числа, характера и отношений, соотношений синтаксических функций компонентов структуры предложения и элементов обозначаемой реальной ситуации.

Концепция автора данной статьи базируется на признании самостоятельности, непроеизводности семантической роли ‘адресат’ и исходит из того, что семантическая роль как компонент логико-семантической структуры предложения – пропозиции – актуализируется в языковом функционировании как состав смыслов, каждый из которых является субсмыслом реализуемой семантической роли по соотношению с элементом ситуации. Поэтому общая реализация, например, семантической роли адресат не исчерпывается его инвариантным представлением, а дополняется рядом вариантов, и только совокупность всего воплощает смысловой фрагмент адресации. Данная общая мысль была подготовлена взглядами лингвистов на неоднородность отдельных семантических категорий, на их семантическую неоднозначность, семантическую расплывчатость, немонолитность, систему подкатегорий и т.п. В исследованиях появился специальный термин – *гиперроль* как определенным образом мотивированная конгломерация надъязыковых ролей, сливающихся в единую роль со своим обобщенным значением [5, с. 314].

Применительно к категории *адресации* ее неоднородность реализуется в таких смыслах, как собственно адресат, реципиент, *бенефактив* (бенефициатив, бенефициант), *дебенефактив*. За терминологическими различиями стоят различия по существу: *гиперроль адресат* аккумулирует не абсолютно идентичные смыслы, а лишь объединенные обобщенным значением адресации.

Факт ориентации на обобщенное значение создает, безусловно, определенное затемнение внутрисемантической дифференциации данной категории, однако он вместе с тем препятствует причислению к адресату разноплановых смыслов.

При анализе реализации г и п е р р о л и а д р е с а т в конкретном предложении-высказывании нами учитывается семантический тип предиката как глагольного центра предложения, так как его природа во многом определяет, например, какие роли при нем будут выполняться; взаимодействие с другими ролями. Нельзя не остановиться еще на одном факторе, который явно или скрыто участвует в качественном определении семантической роли. Поскольку предметы и явления реальной действительности, воспринимаемые не изолированно, а в ситуациях, отражаются сознанием в преобразованном виде, т.е. всегда рассматриваются, по О.И. Москальской, в какой-то определенной связи [6, с. 36], то и в языковом их воспроизведении весьма важно учитывать различные углы зрения. В тесной связи с этим находится и вопрос о синкретизме семантических ролей, под которым понимается конъюнктивное совмещение в одной роли двух и более "видений", что обусловлено общностью денотата в экстралингвистической действительности. О семантических ролях говорят в этом случае, что они референциально тождественны, однореферентны: *Er trug auch den guten alten Stock, den er sich im Lazarett geschnitzt hatte...* 'Он нес также хорошую старую трость, которую он вырезал для себя в лазарете' [А. S.]. В приведенном предложении-высказывании синкретично воплощены семантические роли агентив и бенефактив, они представляют одно лицо реальной действительности, т.е. имеют общий денотат. При конкретной реализации, когда действует определенная коммуникативная интенция, они естественным образом разъединяются.

Наряду с синкретизмом нередко имеет место квалитативная вариативность семантических ролей как следствие разного осмысливания и истолкования в результате различия угла зрения и реализуемая как отношение 'или-или'. Данное явление обусловлено близостью самих семантических ролей. Так, в высказывании *Wir antworten ihm durch einen Brief* 'Мы даем ему ответ письмом' семантическая роль адресат совмещается с ролью контрагент. Обоснованию именно такого восприятия служат следующие доводы: адресат представляется здесь своего рода стимулятором (источником, причиной), вызывающим ситуацию *antworten*, т.е. он одновременно и контрагент, если видеть это так, что ситуация *antworten* является ответом на его запрос. Правда, данный случай может трактоваться, как нам кажется, и с позиций иного подхода. Дело в том, что *antworten* как языковая единица относится к так называемым глаголам конверсных пар: *fragen – antworten, kaufen – verkaufen, mieten – vermieten* и т.п. При глобальном, нерасчлененном восприятии и передаче ситуаций такими глаголами действительно может создаваться эффект квалитативной вариативности семантических ролей адресат и контрагент. При расчлененном восприятии и передаче осуществляется выбор, т.е. имплицитно учитывается обусловленность ситуации определенным углом

зрения: падежная рамка не обязана охватывать передачу релевантных объектов и аспектов ситуации, она включает только конкретный ”кусочек“ или участок ситуации, и подчиненный этому выбор одного из пары конверсных глаголов для языкового выражения помещает данный ”кусочек“ в очень определенную перспективу (определенный аспект) для воспринимающего высказывание, что уже позволяет толковать семантическую роль однозначно. В приведенном выше примере как раз и ”перспективизируется“ не весь смысловой объем ситуации *fragen – antworten*, а лишь ее ”кусочек“ со смыслом ‘antworten’. В свете такой трактовки правомерно придерживаться определения семантической роли, представленной в семантической структуре приведенного выше предложения-высказывания местоимением в дательном падеже (*ihm*) как адресата, или того, кому адресуется действие.

В русле затрагиваемых в связи с явлением качественной вариативности вопросов необходимо указать еще на важное значение в распознавании ролей общего контекста (понимая при этом и пресуппозицию). Так, вне контекста в высказывании *Er schrieb seinem Freund einen Brief* семантический компонент, представленный косвенным дополнением (дательным падежом), может получить двоякую интерпретацию: как адресат, т.е. как тот, кому адресуется действие *писать* (другу), и как бенефактив, т.е. тот, в чью пользу происходит действие (друг по какой-то причине не может сам написать письмо, это делает для него, в его пользу кто-то другой). Но качественная вариативность адресат-бенефактив может быть снята контекстом (или пресуппозицией): *Da dem Freund die Hand immer schmerzte, schrieb ich ihm diesen Brief* (ему, т.е. вместо него, за него); *Nach einiger Zeit schrieb ich dem Freund einen Brief, den er sofort erwiderte* (другу – адресату письма).

Следует специально оговорить, что ассоциирование конкретных реализаций с общим смыслом ‘адресат’ осуществляется в основном лишь на основе интуитивного толкования, поскольку какой-то автоматизированной или строго объективной методики для этих целей не существует. Тем не менее это не исключает использование ряда приемов верификации, в том числе таких многократно испытанных, как трансформационные преобразования, тесты-вопросы и др.

Основные составляющие гиперроли адресат – бенефактив, дебенефактив, реципиент, собственно адресат – в конкретной реализации предстают сами как инварианты. В данной статье нами рассматриваются конкретные случаи реализации семантической бенефактивности и дебенефактивности. Пример, следующий ниже, иллюстрирует отражение ситуации с реальным бенефактивом – семантическая единица в сфере предиката – одушевленное лицо, в пользу или в интересах которого осуществляется действие: *Ernst Lieven hatte seinem Wirt Papiere verschafft...* ‘Эрнст Ливен достал для своего хозяина документ...’ [A. S.]. Действие, осуществляемое здесь глаголами в пользу кого-то, является преднамеренным, с точки зрения его инициатора, и желаемым, положительным, с точки зрения того, кому оно направлено.

В данном случае отношение ‘в пользу’ реализуется так называемыми бенефактивными глаголами. Однако круг глаголов, требующих в свое окружение бенефактива, гораздо шире, в него могут входить любые глаголы действия, получающие бенефактивное качество при реализации: ... *da er in den ersten Nachkriegssomern mit Ziehmutter und lieb Schwesterlein zur Erntzeit im Badischen den daheimgebliebenen Bauersfrauen die Pferde angespannt und die Fuhrwerke gelenkt und die Äpfel abgeerntet und die Butter geschlagen und das Stroh gehäckselt hatte* ‘... запрягал лошадей для оставшихся дома крестьянок и управлял повозками, и снимал урожай яблок, и сбивал масло, дробил соломому...’ [Н. Л.]. Положительную ”заряженность“ употребленные в данном высказывании нейтральные глаголы приобретают в окружении своей реализации. В обоих примерах реализовалась семантическая роль реальный бенефактив.

В следующем примере отражена ситуация, когда отсутствует любая связь с признаками одушевленности: ... *dann nahm Rita ihre englische Grammatik zur Hand, die ihr das Gefühl gab, doch wenigstens schon etwas für ihren künftigen Beruf zu tun...* ‘Рита взяла в руки английскую грамматику, которая давала ей ощущение, что она хотя бы что-то предпринимает для своей будущей профессии...’ [Ch. W.]. Здесь действие, преднамеренное с позиций того, кто его совершает, не может быть охарактеризовано как желаемое, так как неодушевленная сущность не может желать. Вопрос *в пользу чего совершается действие?* верифицирует семантическую роль условный бенефактив как предмет, в пользу которого осуществляется действие.

Действие, реализуемое предикатом, может осуществляться во вред одушевленному лицу. При этом оно может быть преднамеренным или случайным со стороны активного лица, неблагоприятным, нежелаемым с позиций того, кому оно направлено. Отношение ‘во вред’ реализуется прежде всего глаголами, ”заряженными“ отрицательной семантикой или получающими ее в контексте высказывания, например: *Weil es französische Bauern waren und weil sie mit den Patrioten zusammengearbeitet haben, deshalb haben sie dem deutschen Unteroffizier die Weinflasche mit Natronlauge gefüllt...* ‘Так как это были французские крестьяне и потому, что они сотрудничали с патриотами, они наполнили бутылку с вином раствором едкого натрия...’ [Н. К.]. Французские крестьяне – агентив в семантической структуре высказывания – совершили действие во вред немецкому унтер-офицеру – дебенефактив; не с вином предназначенную ему бутылку, а с раствором едкого натрия – пациентив. Сам по себе глагол *füllen* не содержит отрицательной семантики, но он получает ее в реализационном окружении *die Weinflasche mit Natronlauge füllen*. Тем не менее определяющую роль в восприятии этого действия как отрицательного, происходящего во вред лицу, играет пресуппозиция, т.е. в данном случае – знание таких фактов, как отношение французов к немецким оккупантам во время Второй мировой войны и понимание того, какие последствия может иметь бутылка с натрием вместо бутылки вина. В следующем примере отношение ‘во вред’ реализуется глаголом, ”заряженным“

отрицательной семантикой без необходимости учета контекста: *Konnte man dem, mit seinem Wolfsblick über die Teller, fünf Kinder aufhalsen und sich davon machen?* ‘Возможно ли было ему, с его скользким поперх тарелок волчьим взглядом, ”повесить на шею“ пять детей и сбежать?’ [B. R.].

В некоторых случаях семантическая роль дебенефактив может быть истолкована как отрицательный адресат, т.е. может проявляться качественная вариативность типа бенефактив – отрицательный адресат, например: *Er schleppt mir meine Bücher weg* ‘Он таскает у меня книги’ [B. R.]. Здесь в результате действия лицо лишается чего-то, ему принадлежащего, являясь, таким образом, отрицательным адресатом. Но поскольку действие совершается ему во вред, оно предстает и как ”страдающее“, ”ущемленное“, т.е. роль можно интерпретировать и как дебенефактив.

Особую значимость в реализации отношения ‘во вред’ может иметь содержание реализационного окружения: *Ich rauchte und pöbelte Leute an und grölte auf der Straße, und zu Hause legte ich meiner Mutter die Beine auf den Tisch* ‘Я курил, грубил людям и горланил на улице, а дома я клал назло матери ноги на стол’ [Ch. W.]. Способность причинить вред действием даже матери (*der Mutter die Beine auf den Tisch legen*) подготавливается предшествующим содержанием (не менее грубыми действиями *die Leute anrauchen, anpöbeln; auf der Straße grölen*). К тому же пресуппозиция – знание этикета и норм поведения человека – совершенно однозначно маркирует ущербность для лица (матери) такого грубого действия.

В следующем примере сопряжены семантические роли дебенефактив и агентив, когда они оба представляют одно лицо, один денотат во внеязыковой реальности, тогда действие, как правило, помечено признаком ‘ненамеренное’, ‘случайное’: ... *eine Dame vom Kurfürstendamm sei weinend mit ihrem Auto angefahren, sie habe sich in den neuen Rock Schneiderkostüms ein Loch mit der Zigarette gebrannt* ... ‘плача, подъехала на своей машине одна дама с Курфюрстендам, она прожгла себе сигаретой дырку в новой юбке своего сшитого костюма’ [A. S.]. Возможны, однако, и случаи отражения преднамеренного действия активного лица во вред самому себе, например: *Wozu hast du dir deine kostbaren Gewänder versaut*... ‘Зачем ты испортил свое дорогое платье...’ [H. K.].

Чаще всего, однако, дебенефактив представляет собой компонент, не адекватный агентиву: *Ein paar junge Burschen sahen ihnen von dem nächsten Altan finster zu, als ob die Fremden ihnen das Blut abzapften*... ‘Несколько подростков мрачно смотрели на них с ближайшего балкона, как будто незнакомцы пускали им кровь’ [A. S.]. Здесь совершенно очевидно, что от агентива исходит действие во вред дебенефактиву. Сам же дебенефактив находится в отношении части и целого с квазипациентивом.

Skodlerrak bestellte einen Apfelsaft für die junge Dame und für sich einen Kognak ‘Скодлерак заказал для юной дамы яблочный сок, а для себя – коньяк’ [P. H.]. В этом предложении-высказывании отражены бенефактив – в предложной группе *für die junge Dame* и бенефактив в совмещении с агентивом – в предложной группе *für sich*: одна и та же роль воплощается

дважды, а реализуется в целом адресация следующего содержания: активное лицо совершает действие в свою пользу и одновременно в пользу другого лица, т.е. за него, вместо него.

Рассмотрение реализации даже только двух составляющих гиперроли адресат – бенефактив и дебенефактив позволяет сделать следующие выводы:

- 1) о внутренней дифференциации самой гиперроли, в которую входят еще, кроме рассмотренных, реципиент, собственно адресат;
- 2) о неоднородности внутри каждой из семантических составляющих;
- 3) о целом ряде реализационных особенностей: совмещение ролей, более чем одноразовая представленность в семантике предложения тождественных по денотату ролей и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Polenz, P. von.* Deutsche Satzsemantik / P. von Polenz. – Berlin ; N.Y., 1988. – 389 S.
2. *Филлмор, Ч.* Дело о падеже / Ч. Филлмор. – М. : Прогресс, 1981. – Вып. 10. – С. 369–495.
3. *Fillmore, Ch.* Plädoyer für Kasus / Ch. Fillmore. – Kasustheorie. – Athenäum, 1971. – С. 1–118.
4. *Глушак, Т.С.* Основные тенденции в семантизации синтаксиса / Т.С. Глушак // Грамматические исследования : материалы 4-й Междунар. науч. конф., г. Минск, 2–3 нояб. 2010 г. / Минск. гос. лингв. ун-т. – Минск : МГЛУ, 2010. – С. 11–15.
5. *Кибрик, А.Е.* Предикатно-аргументные отношения в семантических эргативных языках / А.Е. Кибрик. – Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1980. – № 4. – Т. 39 – С. 324–335.
6. *Москальская, О.И.* Проблемы системного описания синтаксиса / О.И. Москальская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. шк., 1981. – 175 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- A.S. – *Seghers, A.* Sie bleiben jung / A. Seghers. – 10. Aufl. – Berlin ; Weimar : Aufbau-Verl., 1967. – 595 S.
- H.L. – *Lauterbach, H.* Die schöne Marion / H. Lauterbach. – 1. Aufl. – Berlin : Verl. Neues Leben, 1977. – 583 S.
- Ch.W. – *Wolf, Ch.* Der geteilte Himmel / Ch. Wolf. – 16. Aufl. – Halle/Saale : Mitteldeutscher Verl., 1971. – 270 S.
- H.K. – *Kant, H.* Das Impressum / H. Kant. – 1. Aufl. – Berlin : Rütten/Loening, 1972. – 478 S.
- B.R. – *Reimann, B.* Franziska Linkerhand / B. Reimann. – 4. Aufl. – Berlin : Verl. Neues Leben, 1977. – 583 S.
- P.H. – *Härtling, P.* Eine Frau / P. Härtling. – 1. Aufl. – Berlin ; Weimar : Aufbau-Verl., 1976. – 318 S.

The semantic roles of the benefactive and the debenefactive as the constituents of *the hyperrole the addressee*, that are equal to the semantic cases of the recipient and the addressee, are the subject of detailed investigation in this article. The benefactive and the debenefactive turn out to be heterogeneous in character and to have a number of peculiarities.

Поступила в редакцию 13.03.12

Т.Н. Гребень

ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ФУНКЦИИ СООБЩЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются *присоединительные конструкции* в функции сообщения дополнительной информации в медийном дискурсе на белорусском и английском языках. Будучи элементами разговорного синтаксиса, *присоединительные конструкции* являются маркированными на фоне более нейтрального окружения, что позволяет говорить о них как об экспрессивных средствах, типичных для современного медийного дискурса. На материале интервью и очерков были выделены основные функции присоединительных конструкций. Наиболее употребительная из них – функция сообщения дополнительной информации. В настоящей статье сопоставляются средства связи присоединительных конструкций, выполняющих данную функцию, а также их структурные и семантические типы.

Одной из тенденций в современном синтаксисе, достаточно четко определившейся, является тенденция к расширению круга расчлененных и сегментированных синтаксических конструкций, которые встречаются в различных типах дискурса. Основная причина этого явления – «усиление влияния разговорного синтаксиса на письменную речь, главным результатом которого оказался отход от синтагматически выверенных синтаксических конструкций» [1, с. 184]. Данная тенденция широко представлена в медийном дискурсе. По мнению ряда исследователей (М.П. Брандес, Т.Г. Винокур, В.Г. Костомаров, С.И. Сметанина, Н. Schanze и др.), в настоящее время основным стилистическим принципом организации языка СМИ является сочетание стандарта (немаркированных языковых единиц и конструкций, однозначно воспринимаемых адресатом и легко переносимых из текста в текст) и экспрессии (маркированных элементов высказывания, отмеченных авторским отношением к содержанию высказывания и авторской оценкой). Более того, В.Г. Костомаров утверждает, что одним из признаков современной массовой коммуникации является «ослабление стандарта и усиление экспрессии» [2, с. 245]. Язык, выполняя коммуникативную функцию, выражает не только мысли, но и чувства, отношение к окружающему миру, поэтому эмоциональные средства выражения чувств, речь благодаря которым становится ярче, выразительнее, требуют к себе особого внимания.

Изучая интервью и очерки, из белорусско- и англоязычной прессы («Народная газета», «Звезда», «Настаўніцкая газета», «Культура», «The Guardian», «The Independent», «The Telegraph», «The Irish Times», «The New York Times»), мы анализируем такое явление экспрессивного синтаксиса, как присоединительные конструкции, их типы и функции в медийном дискурсе.

Мнение о том, что данные синтаксические единицы являются экспрессивными, разделяют целый ряд исследователей – В.В. Виноградов, Л.И. Бурак, Н.С. Валгина, Т.Л. Ваулина и др. Однако в лингвистической литературе нет единой точки зрения относительно присоединения и его места среди других видов синтаксических связей.

Понятие *присоединение* получило широкое распространение в научной литературе благодаря работам Д.Н. Овсяннико-Куликовского, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, Н.С. Поспелова, С.Е. Крючкова и других лингвистов. В.В. Виноградов видит в *присоединении* «логическую форму синтаксической связи» и присоединительными считает такие конструкции, части которых «не умещаются в одну смысловую плоскость, логически не объединяются в целостное, хотя сложное представление, но образуют цепь последовательного присоединения» [3, с. 286]. Раскрывая сущность присоединения и учитывая субъективность его возникновения или использования, Виноградов считает рассматриваемое явление стилистическим приемом, семантико-стилистической, а не грамматической категорией, показывает неразрывную связь ассоциативного присоединения, отмечает целый спектр эмоций и оценок, подчеркивает интонационные особенности присоединительных конструкций.

При исследовании данного явления одни ученые анализировали семантико-синтаксические особенности присоединительных конструкций, считая присоединение особым видом связи (М.В. Карпенко, Л.Г. Хатиашвили, П.В. Кобзев, А. Бланар), другие – разновидностью сочинения и подчинения (А.М. Пешковский, Л.В. Панова, С.Е. Крючков, П. Ференц и др.). В настоящем исследовании мы придерживаемся точки зрения на явление присоединения, высказанной профессором Л.И. Бураком [4, с. 8]. В своей работе Л.И. Бурак отмечает, что широко распространенное в лингвистической литературе мнение, согласно которому присоединение считается особым видом синтаксической связи и противопоставляется сочинению и подчинению, не соответствует действительности, так как присоединение, сочинение и подчинение устанавливаются на основе разных классификаций и представляют собой разноплановые синтаксические явления. В этой связи исследователь выделяет в языке два соотносительных вида синтаксической связи – *соединение* и *присоединение*. *Присоединение* он определяет как прерывистую синтаксическую связь (в отличие от прямолинейной, которая характерна для соединения), существующую на уровне предложения или сложного синтаксического целого и служащую для объединения сочинительных и подчинительных единиц, которые слабо связаны и взаимно необусловлены в контексте, в то время как при *соединении* они взаимно обусловлены. При присоединении синтаксические единицы неравноправны, присоединяемый элемент является необязательным, он лишь уточняет и распространяет основное высказывание. Более того, присоединение он определяет как «одностороннюю синтаксическую связь» [4, с. 9]. Такая связь необратима, при ней перестановка объединяемых единиц невозможна, поскольку в результате этого нарушается смысл высказывания и разрушается структурная организация всего высказывания [5, с. 463–464]. Сравним примеры соединения и присоединения по вышеупомянутым критериям. 1) *Рыцары адмыслова валодаюць мячамі і імкнуцца праявіць сябе з лепшага боку*. В данном случае вторая часть этого примера является необходимым, обязательным элементом высказывания. Следовательно, можно утверждать, что обе части

предложения равноправны и взаимообусловлены. Более того, при перестановке этих частей смысл всего предложения не нарушается: *Рыцары імкнуцца праявіць сябе з лепшага боку і адмыслова валодаюць мячамі*. При трансформации союз остался на том же месте. Это свидетельствует о том, что он не связан с какой-либо частью, а лишь соединяет их. Таким образом, этот пример представляет собой случай соединения. Рассмотрим следующий пример: 2) *Ведаў, што буду кіроўцам. І абавязкова ў сельскагаспадарчай арганізацыі*. Здесь трансформация нарушает смысл высказывания: *Абавязкова ў сельскагаспадарчай арганізацыі. І ведаў, што буду кіроўцам*. Трансформация также подтверждает, что союз *і* в данном случае является присоединительным, так как он тесно связан со второй частью высказывания, т.е. с присоединительной конструкцией. Присоединительное значение союза *і* можно также определить путем подключения к нему семантического конкретизатора *прічем*, что совершенно неуместно в примере с соединением. Более того, во втором примере присоединяемая часть не является обязательным элементом, она лишь дополняет, уточняет основное высказывание, что свидетельствует о «необязательной, слабой синтаксической связи» [4, с. 9].

В результате анализа медиатекстов на белорусском и английском языках были выявлены основные функциональные типы присоединительных конструкций: присоединительные конструкции, выполняющие функцию *сообщения* дополнительной информации, выражения субъективной модальности, а также экспрессивную, характерологическую и оценочную функции. Рассмотрим функцию *сообщения* дополнительных сведений, поскольку конструкции, относящиеся к данному функциональному типу, являются наиболее употребительными в газетных интервью и очерках на белорусском и английском языках и составляют 40 % от общего числа выявленных присоединительных конструкций. В данной функции присоединительные конструкции являются элементами высказывания, сообщающими сведения, без которых информация о рассматриваемом событии не была бы полной. Например: *У тым і рэч, што не быў. Больш за тое, кар’ера Гаўдзі пачалася са скандалу, звязанага менавіта з гарадскімі ўладамі Барселоны ; I always have breakfast in bed – just my dog and myself. And my husband ‘Я всегда завтракаю в постели – только я и моя собака. И мой муж’*.

В текстах интервью на белорусском языке присоединительные конструкции, выполняющие рассматриваемую функцию, составляют 46 % от общего числа выявленных присоединительных конструкций в функции сообщения дополнительной информации. Присоединение осуществляется как с помощью союзных (*Тут можна сказаць адно: не прафесія памянлася, а стаўленне да прафесіі. Ды і гульняў стала значна больш*), так и бессоюзных средств (*І з першага дня і да самага экзамену з перапынкамі на сон і ежу я сядзеў і вучыў, я нават не выходзіў на вуліцу*); причем присоединительные конструкции с союзами и союзными словами в данной функции встречаются намного чаще (70 %), чем бессоюзные (30 %). При подстановке ко второму предложению бессоюзной конструкции слов *к тому же, причем, при этом* ее присоединительное значение становится ярко выраженным.

Среди присоединительных конструкций, выполняющих функцию сообщения дополнительной информации, встречаются различные структурные типы присоединяемых элементов. Так, присоединяемая часть может быть выражена словоформой, словосочетанием, простым предложением, а также осложненным и сложным предложением. Наиболее употребительными в рассматриваемых медийных текстах являются присоединительные конструкции, имеющие форму словосочетания (36 %) и простого предложения (29 %). Примерами таких структурных типов могут послужить следующие высказывания: *Аднак Ігару Лапцінскаму ўдалося выцягнуць яго з мяне. Далёка не з першага дубля* ; *Прафесія дыктара тады была вельмі прэстыжнай і сур'ёзнай. Ды і Беларускае радыё было адным з лепшых на тэрыторыі Савецкага Саюза.*

В ходе исследования в белорусскоязычных интервью присоединительных конструкций, выполняющих рассматриваемую функцию, были выделены следующие основные семантические группы: присоединительные конструкции, имеющие добавочное, расширяющее, уточняющее, поясняющее (в данной статье *пояснение* рассматривается как синоним слова *объяснение*), уступительное и результативное значения. Однако наиболее распространенными среди них оказались конструкции со значением добавления (51 %) и уточнения (25 %). Рассмотрим их на конкретных примерах: *Але тыя, хто прыязджае ў Бабруйск, уражваюцца — веліччу крэпасці, памераў, размахам будаўніцтва... Да таго ж цікавая гісторыя крэпасці.* Присоединяемый элемент добавляет к основной части высказывания информацию о том, что еще может удивить посетителей крепости в Бобруйске. В приведенном ниже примере присоединительная конструкция уточняет информацию, изложенную в основной части высказывания о том, с кем именно идет работа над проектом: *Сёння мы працуем над праектам трансгранічнага турызму. У прыватнасці, з Польшчай і Германіяй.*

В текстах интервью на английском языке присоединительные конструкции, выполняющие функцию сообщения дополнительной информации, составляют 17 % от общего числа выявленных конструкций, относящихся к рассматриваемому функциональному типу. В такого рода текстах количество предложений с союзным и бессоюзным присоединением приблизительно одинаково (52 % и 48 % соответственно). Например, в своем интервью газете «The Telegraph» Каролина Херейра рассказала, какие косметические средства непременно берет с собой в отпуск: *Bobbi Brown lipstick, DR Harris body creams, Patricia Wexler face cream. And lots of water* 'Помаду Бобби Браун, крем для тела фирмы Доктор Харрис и крем для лица от Патриции Уэкслер. И много воды'. В данном случае конструкция присоединяется к основному высказыванию при помощи сочинительного союза *and*, употребляющегося с присоединительным значением, которое можно определить, добавив к нему семантические конкретизаторы *к тому же, кроме того, также*. В бессоюзном высказывании *I'd been in the studio non-stop for four years. Not speaking to anyone* На протяжении четырех лет я постоянно находился в студии.

Ни с кем не общаясь' присоединяемая часть дополняет основное высказывание новыми фактами, и при подстановке слов *причем, более того* его присоединительное значение становится очевидным.

Среди разнообразных структурных типов, встречающихся в газетных текстах интервью на английском языке наиболее распространенными (34 %) являются присоединительные конструкции, выраженные простым предложением. Примером данного структурного типа может послужить следующее высказывание актрисы Рут Уилсон, которая делится своими впечатлениями о Лос-Анджелесе: *'it is much more my kind of place than I first imagined. **Plus there's plenty of blue sky and sunshine** 'это место мне намного ближе, чем я сначала представляла себе. *К тому же, там всегда голубое небо и светит солнце*'.*

В интервью на английском языке были выделены следующие основные семантические типы присоединительных конструкций в функции сообщения дополнительной информации: присоединительные конструкции, имеющие добавочное, расширяющее, уточняющее, поясняющее, обобщающее и уступительное значения. Причем присоединительные конструкции со значением добавления и уточнения являются наиболее употребительными в рассматриваемых медиатекстах и составляют 44 % и 22 % соответственно. В примере *'to be by the sea, in the sunshine, with the people I love – **but culture is wonderful, too** 'находиться у моря, под солнцем, с людьми, которых я люблю – *но и культура тоже удивительная*' к основному высказыванию добавляется еще одна причина, по которой отпуск в определенной стране так нравится говорящему. В примере *We're rehabbing the Brooklyn Bridge – **repainting, redoing the surfaces in the ramps** 'Мы восстанавливаем Бруклинский мост – *красим, обновляем покрытие на пандусах*' присоединяемая часть уточняет глагол *rehab*, перечисляя, какие именно работы по обновлению моста ведутся.**

В белорусскоязычных очерках присоединительные конструкции в функции сообщения дополнительной информации составляют 21 %. В рассматриваемых текстах были выявлены как союзные, так и бессоюзные присоединительные конструкции: *Агародніну вырошчваем, ад каровы – малочныя прадукты (і дзяржаве прадаём малако), трымаем свіней і курэй, так што мяса і яйкі – таксама свае. **Ды і заробак плацяць своєчасова; Трэба, каб сцяблінак абавязкова была няцотная колькасць. Найлепш – сем.** При этом присоединительные конструкции с союзами и союзными словами являются более употребительными (63 %), чем бессоюзные (37 %).*

В структурном плане присоединительные конструкции в очерках на белорусском языке представлены в большинстве случаев (60%) простыми предложениями: *Як сказаў Лявон Эдуардавіч, гэтае незвычайнае месца і сёння не пустуе. **Асабліва імкнецца трапіць сюды закаханая моладзь.** Несмотря на разнообразие значений присоединительных конструкций в рассматриваемых текстах (добавочное, восполняющее, расширяющее, поясняющее, уточняющее, уступительное), наиболее употребительным (42 %) семанти-*

ческим типом являются конструкции с уточняющим значением: *Усе яе ведаюць і наважаюць, бо яна працуе ў “Брэстаблсаюздруку” ўсё сваё жыццё, а гэта больш за 40 гадоў*. В этом примере присоединительная конструкция уточняет продолжительность работы в данной организации, указывая точное количество лет.

В очерках на английском языке число присоединительных конструкций, выполняющих функцию сообщения дополнительной информации, составляет 16%. Так же, как и в вышерассмотренных типах текстов, в англоязычных очерках встречаются конструкции как с союзным, так и с бессоюзным присоединением: *In Vienna taxi drivers actually recognise you and say, ‘Mr Tate, maestro, how nice to see you.’ Which doesn’t happen in London* ‘В Вене водители такси узнают тебя и говорят: «Мистер Тэйт, маэстро, как приятно вас видеть». *Чего не происходит в Лондоне*’. В данном примере присоединение осуществляется при помощи союзного слова *which*, которое имеет присоединительное значение. Как и в остальных случаях, это значение можно определить при помощи подстановки к *which* семантических конкретизаторов *к слову, между прочим*. В рассматриваемых текстах количество выявленных союзных конструкций несколько меньше, чем число бессоюзных – 54 и 46 %. В очерке на английском языке, где речь идет о человеке, занимающимся изучением происхождения английских слов, можно встретить следующий пример бессоюзного присоединения: *I chose three, in this article, blushing represented by their initials, A, B and C* ‘Я выбрал три [слова], скромно представленных в этой статье их начальными буквами, *A, B и C*’.

Среди разнообразных структурных типов, выявленных в очерках на английском языке, наиболее часто – в 41 % случаев – встречаются присоединительные конструкции, выраженные простым предложением: *But Frankie Howerd was my favourite; his face was just made for comedy* ‘Но Фрэнки Хоуэрд был моим любимчиком; его лицо было просто создано для комедии’.

Наиболее употребительными в очерках на английском языке оказались конструкции со значением пояснения (35 %). Рассмотрим следующий пример: *There are some people who hate my guts. But that goes with the territory* ‘Некоторые люди ненавидят меня всей душой. Но здесь все дело в территории’. В данном случае присоединяемый элемент поясняет основное высказывание: почему некоторые люди ненавидят автора этих строк.

Проведенный анализ позволил установить, что наиболее употребительными являются присоединительные конструкции, выраженные простым предложением, вероятно потому, что они больше по объему, чем словоформы и словосочетания, а значит, могут вместить больше информации. И в то же время не «перегружают» сообщение ненужными деталями, как это могут сделать осложненные и сложные предложения. В ходе исследования были также выявлены наиболее типичные семантические типы присоединительных конструкций в функции сообщения дополнительной информации в обоих языках – конструкции со значением добавления, уточнения и пояснения, что повышает доступность излагаемой информации. В белорусско-

язычной прессе союзное присоединение встречается гораздо чаще бессоюзного, в то время как в англоязычных медиатекстах их количество незначительно различается. При сопоставлении общего числа присоединительных конструкций в рассматриваемой функции в текстах различных жанров стало очевидным, что в интервью на обоих языках такие конструкции более употребительны по сравнению с очерками. Этот факт можно объяснить тем, что данные конструкции относятся к разговорному синтаксису, а тексты интервью, в отличие от очерков, представляют собой результат прямого акта коммуникации межличностного общения журналиста и интервьюируемого, в котором журналист старается сохранить речевые особенности личности с целью привлечения внимания читателя к интервью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие для студентов вузов / Н.С.Валгина – М. : Логос, 2003. – 304 с.
2. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой массмедиа / В.Г.Костомаров. – 3 изд., испр. и доп. – СПб. : Златоуст, 1999. – 320 с.
3. Виноградов, В.В. Стиль Пушкина / В.В.Виноградов – М. : Гослитиздат, 1941. – 620 с.
4. Бурак, Л.И. Присоединение в современном белорусском литературном языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 / Л.И. Бурак. – Минск, 1979. – 36 с.
5. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – 8 изд., и доп. – М. : Языки слав. культуры, 2001. – 544 с.

The paper considers the problem of *conjunctive constructions* in the function of giving additional information in media discourse in Belarussian and English. The means of connection of *conjunctive constructions* to the main part, meanings of these constructions and their structural types are defined.

Поступила в редакцию 11.03.12

Е.А. Казанкова

“ЧУЖАЯ” РЕЧЬ В НАРРАТИВЕ: СООТНОШЕНИЕ СТАНДАРТНЫХ ФОРМ (на материале современной немецкой прозы)

В статье рассмотрено количественное соотношение прямой, косвенной и несобственно-прямой речи в современной немецкой прозе. Установлено, что в традиционном нарративе и свободном косвенном дискурсе объем “чужой” речи выше, чем романах с несколькими точками зрения. Показано, что в немецкой прозе начала XXI в. прямая речь является основным средством структурно-семантической организации произведения, а также что современные немецкие авторы отдают предпочтение несобственно-прямой речи перед аналитическим способом передачи чужого высказывания. Сочетание нескольких повествовательных перспектив (“точек зрения”) внутри одного романа вызывает практически полное совпадение в объеме двух разных видов “чужой” речи.

Речевая коммуникация героев художественного произведения является для повествователя “чужой” речью, которая может быть представлена различными способами: 1) *косвенная речь*, т.е. автор пересказывает речь героя в более или менее редуцированном виде; 2) *прямая речь* героев, когда цитируется (воспроизводится) далеко не все, что реально мог бы говорить данный персонаж в данных условиях – “объектное, изображенное слово”, по М.М. Бахтину [1, с. 216]; 3) *несобственно авторская речь*, т.е. речь автора с лексическими следами предшествующих разговоров персонажей – “несобственно-авторское повествование” [2, с. 206–248], „das uneigentliche Erzählen“ ‘несобственное повествование’ [3, с. 211–214]; 4) *свободный косвенный дискурс* – “free indirect discourse” [4; 5, с. 249–287; 6, с. 206], или несобственно-прямая речь, т.е. слияние авторского повествования от 3-го лица и речи героя.

Согласно М.М. Бахтину, “языковой смысл косвенной речи заключается в аналитической передаче чужой речи” [7, с. 125]. По мысли Е.А. Гончаровой, косвенная речь как особый способ изображения “чужой” речи используется в тех случаях, когда важна не языковая форма чужого высказывания, а заключенная в нем информация [8, с. 116], например: *Fanny konnte nicht nach Bernau-Innerlehen zu seiner Beerdigung, aber Carl hat ihr erzählt, wie sich am Grab ein lautes Wehklagen erhoben habe* ‘Фанни не могла поехать в Бернау-Иннерлеен на его похороны, но Карл рассказал ей, как на могиле поднялся громкий плач’ [Коноблих, с. 105]. В данном примере косвенная речь сообщает о самом факте “чужой” речи и дает сведения об общем ее содержании. “Чужая” речь грамматически приспособляется говорящим к своей речи: “чужая” речь в форме косвенной, в основном, оформляется как придаточная часть при глаголе речи, в главной части сложного предложения [9, с. 412].

Прямая речь представляет собой такой способ передачи чужой речи, при котором говорящий или пишущий полностью сохраняет ее лексико-синтаксические особенности, не приспособляя их к своей речи [9, с. 403], например: *Ein Gespenst, schrie das Kind, mit Gespensteraugen! Schau doch, schau doch mal* ‘«Привидение, – кричал ребенок, – с глазами привидения! Посмотри же, посмотри же»’ [Оверат, с. 5]. В концепции М.М. Бахтина (изложенной В.Н. Волошиновым) различается два вида прямой речи: “подготовленная” прямая речь, когда она непосредственно возникает из косвенной речи [7, с. 131], и “овеществленная” прямая речь, когда «объектные определения героя [от автора] бросают густые тени на его речь, на слова героя переносятся те оценки и эмоции, которыми насыщено его объектное изображение» [7, с. 132]. С таким явлением, как “прямая номинация” всегда связана текстовая интерференция: в одном высказывании присутствует одновременно и “текст нарратора”, и “текст персонажа” [3, с. 190–196]. “Прямая номинация” является редуцированным типом прямой речи, “вкраплениями” отдельных слов из речи персонажа в повествовательный текст, которые автор графически отделяет от своей речи (заключает в кавычки или выделяет курсивом), но не оформляет как прямую речь, например: *Die Kuppischs wurden danach alle „zur Klärung eines Sachverhalts“ ins Polizeipräsidium bestellt* ‘После этого всех Куппишей доставили в управление полиции

«для разъяснения обстоятельств дела» [Брусси́г, с. 85]. Понятно, что в приведенном примере графически выделенные слова принадлежат героям, а не автору, т.е. в простом предложении происходит объединение различных точек зрения.

В качестве признака, который определяет специфику несобственно-прямой речи, И.В. Труфанова называет “двуплановость”: «Двуплановость несобственно-прямой речи обеспечивается тем, что в авторском повествовании творится художественная действительность, к которой персонаж выражает отношение в несобственно-прямой речи» [10, с. 30]. Явление несобственно-прямой речи представляет собой особую форму передачи чужого высказывания, когда в одно целое соединяются авторское повествование и речь персонажа, например: *Und doch: Bamberg wollte sich nicht täuschen lassen. Die Stille war vollkommen, aber ging da nicht oben jemand hin und her, und wurden da nicht, es war weit, ununterbrochen Möbel gerückt?* ‘Тем не менее Бамбергу не хотелось вводить себя в заблуждение. Тишина была совершенной, но разве там наверху не ходил кто-то туда-сюда и не передвигал, это было далеко, непрерывно мебель?’ [Ланге, с. 20]. Несобственно-прямая речь принадлежит автору, все местоимения и формы лица глагола оформлены в ней с точки зрения автора, т.е. как в косвенной речи, но в то же время несобственно-прямая речь имеет яркие лексико-синтаксические и стилистические особенности прямой речи: *Ja, es gab gar keinen Zweifel, daß sein Großvater in seinem tiefsten Innern eigentlich **dieser** Japaner war!* ‘Да, не было совсем никакого сомнения, что его дед в глубине своей души был на самом деле *этим* японцем!’ [Дюффель, с. 134]. Так, в приведенном примере деиктик (указательное местоимение *dieser* ‘этот’) указывает на точку зрения персонажа. Е.В. Падучева разграничивает термины *несобственная прямая речь* (это тип синтаксического построения) и *с в о б о д н ы й к о с в е н н ы й д и с к у р с* (это форма повествования) [6, с. 206; 237]. Несобственно-прямая речь позволяет создать впечатление соприсутствия автора и читателя при поступках и словах героя, незаметного проникновения в его мысли. Свободный косвенный дискурс не имеет непосредственного отношения к прямой речи и коммуникации персонажей, а связан с мироощущением и мышлением персонажа, в отличие от “несобственно-авторской речи” [11, с. 101].

Поскольку в художественной прозе стандартные формы отображения “чужой” речи – прямая, косвенная и несобственно-прямая речь – постоянно эволюционируют и трансформируются [12], одним из неизученных вопросов является не только их семантическое наполнение, но и *удельный вес* в произведении.

Целью данной статьи является выявление общих закономерностей в количественном употреблении стандартных форм “чужой” речи в десяти произведениях современной немецкой прозы с разными повествовательными формами; установление общего *удельного веса* “чужой” речи в рассмотренных произведениях, а также определение количественного соотношения объема прямой, косвенной и несобственно-прямой речи в сов-

ременной прозе. Материалом исследования стали девять романов с разными типами повествования и одна повесть, в конце которых “чужая” речь представлена различными способами:

а) традиционный нарратив от 3-го лица: Анн Чаплет “Смерть в снегу” (2003), Карен Дуве “Украденная принцесса” (2005), Франк Гузен “Так много времени” (2007), Герта Мюллер “Лис был тогда уже охотником” (2001), Даниель Кельман “Измерение мира” (2005), Хайди Кноблих “Зимние яблоки” (2003);

б) свободный косвенный дискурс – повесть Хармута Ланге “Странник” (2005);

в) чередование повествования от 1-го и от 3-го лица (роман Джона фон Дюффеля “Лучшие годы”, 2007); и три повествовательные перспективы: от 1-го, от 3-го лица и свободный косвенный дискурс: (Ангелика Оверат “Рыбы в аэропорту”, 2009, Макс Биллер “Дочь”, 2000).

За исключением романов Д. Кельмана и Х. Кноблих, для которых характерна историческая тематика, избранные нами произведения повествуют о современной жизни. Рассматриваемые произведения различаются по признаку ‘субъективность/объективность’. Субъективный характер повествования имеют романы с пассажами, повествующими от 1-го лица, а также со свободным косвенным дискурсом (когда слиты авторское повествование от 3-го лица и речь героя). Для произведений, написанных от 3-го лица, характерна объективность в изложении событий.

В изученных нами произведениях методом сплошной выборки выявлены высказывания с прямой, косвенной и несобственно-прямой речью. В табл. 1 представлены количественные данные об объеме сплошной выборки в каждом отдельном произведении.

Т а б л и ц а 1

Общий удельный вес “чужой” речи в современной немецкой прозе
(объем в знаках и %)

Автор, тип повествования	Объем “чужой” речи	Объем всего текста
Чаплет от 3-го лица	164 032 (34,1)	481 141 (100)
Дуве от 3-го лица	240 274 (41,3)	581 684 (100)
Гузен от 3-го лица	212 865 (37,2)	572 612 (100)
Кноблих от 3-го лица	128 277 (43,3)	296 346 (100)
Мюллер от 3-го лица	95 486 (27,2)	350 844 (100)
Кельман от 3-го лица	153 136 (36,5)	419 548 (100)
Дюффель от 1-го и от 3-го лица	92 407 (23)	403 920 (100)
Биллер от 3-го лица, от 1-го лица, свободный косвенный дискурс	221 634 (28,1)	789 525 (100)
Оверат от 3-го лица, от 1-го лица, свободный косвенный дискурс	52 469 (22,8)	229 826 (100)
Ланге свободный косвенный дискурс	47 370 (1)	115 407 (100)

Таблица показывает, что в десяти рассмотренных текстах современной немецкой прозы удельный вес “чужой” речи колеблется в пределах 22,8 % – 43,3 %. Такой относительно небольшой объем отображенной речи героев в исследованной прозе¹, вероятно, объясняется тем, что в истории литературы отображение речи персонажей – второй, возникший позже наррации (собственно повествования, или диегезиса) компонент эпического произведения. Видно также, что в традиционном нарративе от 3-го лица и в свободном косвенном дискурсе объем “чужой” речи в целом значительно выше, чем в произведениях с несколькими повествовательными перспективами (“точками зрения”). В объективном повествовании от лица “безличного” повествователя представлено больше “сцен” (коммуникации, подражания, или мимезиса), которые стремятся показать, а не рассказать историю сюжетной линии. К тому же, в повествовании от 3-го лица, как правило, задействовано больше героев, чем в субъективном повествовании. Несмотря на то, что в свободном косвенном дискурсе Х. Ланге только три действующих лица, все повествование сфокусировано на главном герое Бамберге, на его внешней и внутренней речи, которая передана в форме несобственно-прямой речи. Отсюда такой значительный удельный вес “чужой” речи в этом произведении.

То, как соотносятся стандартные формы “чужой” речи в рассмотренных текстах, показано в табл. 2. Ранг (I – III) показывает количественную представленность прямой, косвенной и несобственно-прямой речи в каждом произведении.

Т а б л и ц а 2

Количественное соотношение объема прямой, косвенной и несобственно-прямой речи в современной немецкой прозе (объем в знаках и %, ранг)

Автор, тип повествования	Объем прямой речи	Объем косвенной речи	Объем несобственно-прямой речи	Автор, всего текста
Чаплет от 3-го лица	114 323 (23,8), I	789 (0,2), III	48 920 (10,2), II	481 141 (100)
Дуве от 3-го лица	220 897 (38), I	4 133 (0,7), III	15 244 (2,6), II	581 684 (100)
Гузен от 3-го лица	149 368 (26,1), I	9 442 (1,6), III	54 055 (9,4), II	572 612 (100)
Кноблих от 3-го лица	68 309 (23,1), I	57 839 (19,5), II	2 129 (0,7), III	296 346 (100)
Мюллер от 3-го лица	91 658 (26,1), I	3 828 (1,1), II	—	350 844 (100)
Кельман от 3-го лица	126 651 (30,2), I	9 342 (2,2), III	17 143 (4,1), II	419 548 (100)

¹ В сравнении с драмой, например, в которой речь действующих лиц организует произведение.

Дюффель от 1-го и от 3-го лица	72 812 (18,03), I	9 677 (2,4), III	9 918 (2,5), II	403 920 (100)
Биллер от 3-го лица, от 1-го лица, свободный косвенный дискурс	98 565 (12,5), II	22 486 (2,8), III	100 583 (12,7), I	789 525 (100)
Оверат от 3-го лица, от 1-го лица, свободный косвенный дискурс	21 022 (9,1), I	11 323 (4,9), III	20 124 (8,8), II	229 826 (100)
Ланге свободный косвенный дискурс	15 273 (13,3), II	5 755 (5), III	26 342 (22,8), I	115 407 (100)

Как можно судить по табличным данным, во всех рассмотренных романах от 3-го лица, а также в произведениях с несколькими точками зрения, за исключением романа М. Биллера с тремя повествовательными перспективами (в котором объем прямой и несобственно-прямой речи практически совпадает) и свободного косвенного дискурса Х. Ланге (в котором естественным образом доминирует несобственно-прямая речь [6, с. 237–238]), преобладает прямая речь. Главная функция прямой речи заключается в развертывании сюжетной линии. Как показали наши исследования, основным назначением прямой речи в современной прозе средних форм на белорусском, русском и немецком языках является сообщение информации (о себе и о других), поскольку в ней преобладают речевые акты-информативы [13]. Видно также, что в современных немецких романах несобственно-прямая речь представлена систематично: во всех произведениях (кроме романов Х. Кноблих и Г. Мюллер) несобственно-прямая речь имеет второй ранг. В романе Г. Мюллер несобственно-прямая речь и вовсе отсутствует, поэтому второй ранг в нем принадлежит косвенной речи. В историческом романе Х. Кноблих косвенная речь также занимает вторую позицию (ранг), но по причине ее большого лексико-семантического сходства с прямой речью [13]. В рассмотренных текстах основной художественной задачей этой формы “чужой” речи является показ противоречий внутреннего мира героев, поскольку это – “внутренняя” (непроизнесенная) несобственно-прямая речь. В исследованных романах среди всех стандартных форм передачи “чужой” речи удельный вес косвенной речи минимальный. Возможно, это связано с аналитической тенденцией косвенной речи при передаче “чужого” слова: современные авторы отдают предпочтение таким способам передачи “чужой” речи, в которых языковая сторона “чужого” высказывания выступает на первый план. Следует также отметить практически полное совпадение двух из трех форм передачи “чужой” речи в произведениях с несколькими повествовательными перспективами: а) в романе Дж. фон Дюффеля с двумя видами повествования – почти одинаковый удельный вес косвенной и несобственно-прямой речи; б) в романах с тремя повествовательными формами (М. Биллер и А. Оверат) разница в объеме прямой и несобственно-прямой речи практически отсутствует.

Таким образом, в традиционном нарративе от 3-го лица объем “чужой” речи значительно выше, чем в произведениях с несколькими повествовательными перспективами. Чем больше в произведении “сцен” (взаимодействий персонажей, реализуемых прежде всего вербально, почти как в пьесе), тем выше в нем объем “чужой” речи. Свободный косвенный дискурс может также увеличивать удельный вес отображенной речи персонажей.

В современной немецкой прозе начала XXI в. прямая речь является главным средством структурно-семантической организации традиционного нарратива от 3-го лица и романов с несколькими повествовательными перспективами, т.е. “точками зрения” (от 1-го, от 3-го лица и свободный косвенный дискурс), в отличие от литературы XIX – XX вв. (речь идет о третьеличном повествовании), где эту роль выполняет косвенная речь. Однако в свободном косвенном дискурсе доминирует несобственно-прямая речь. Итак, при всех различиях в соотношении трех стандартных форм передачи “чужого” высказывания внутри каждого отдельного произведения можно подытожить, что современные авторы стремятся использовать такие формы передачи “чужой” речи, которые, с одной стороны, способствуют развитию сюжета и, с другой стороны, позволяют показать противоречия во внутреннем мире персонажей. В рассмотренных текстах аналитический способ передачи чужого высказывания является не таким популярным. Сочетание нескольких повествовательных перспектив в одном произведении влияет на практически полное совпадение удельного веса двух разных видов “чужой” речи.

При всех установленных закономерностях в рассмотренных произведениях в отношении отображения речи персонажей разнообразие художественных решений автора зависит от ряда детерминант, относящихся к надъязыковым уровням организации произведения (тема, жанр, сюжет, состав и характеры персонажей и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин, М.М.* Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
2. *Кожевникова, Н.А.* Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. / Н.А. Кожевникова. – М. : Ин-т рус. яз. РАН, 1994. – 336 с.
3. *Schmid, W.* Elemente der Narratologie / W. Schmid. – Berlin ; N.Y. : Walter de Gruyter Verl., 2005. – 320 S.
4. *Lubbock, P.* The Craft of Fiction / P. Lubbock [1921]. – London : Jonathon cape thirty beaford square, 1957. – 276 p.
5. *McHale, B.* Free Indirect Discourse: A Survey of Recent Accounts / B. McHale // A Journal for Descriptive Poetics and Theory of Literature. – 1978. – № 3.

6. Падучева, Е.В. Семантика нарратива / Е.В. Падучева // Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива) / Е.В. Падучева. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – С. 193–405.
7. Волошинов, В.Н. Марксизм и философия языка / В.Н. Волошинов. – М. : Лабиринт, 1993. – 191 с.
8. Гончарова, Е.А. Пути лингвостилистического выражения категории автор – персонаж в художественном тексте / Е.А. Гончарова. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1984. – 149 с.
9. Русская грамматика : в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой [и др.]. – М. : Наука, 1982. – Т. 2 : Синтаксис / Н.Ю. Шведова [и др.]. – 1982. – 710 с.
10. Труфанова, И.В. Прагматика несобственно-прямой речи / И.В. Труфанова. – М. : Прометей, 2000. – 569 с.
11. Васильева, А.Н. Художественная речь / А.Н. Васильева. – М. : Рус. язык, 1983. – 256 с.
12. Казанкова, Е.А. Структурно-семантические классы косвенной речи в романе Хайди Кноблих «Зимние яблоки» (2003) / Е.А. Казанкова // Acta linguistica. – 2011. – Vol. 5. – № 2. – С. 58–67.
13. Казанкова, Е.А. Лингво-семиотические закономерности отображения речевого общения в современной художественной прозе: На материале белорусского, русского и немецкого языков : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.А. Казанкова ; БГУ. – Минск : Издат. центр БГУ. – 2009. – 28 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- Бруссиг – *Brussig, Th.* Am kürzeren Ende der Sonnenallee / Th. Brussig. – Frankfurt-am-Main : Fischer, 2004. – 157 S.
- Дюффель – *Düffel, Jo.* von „Beste Jahre“ / Jo. von Düffel. – Köln : DuMont, 2007. – 249 S.
- Ланге – *Lange, H.* Der Wanderer : Novelle / H. Lange. – Zürich, 2005. – 117 S.
- Оверат – *Overath, A.* Flughafenfische / A. Overath. – München : Luchterhand, 2009. – 173 S.

The article considers the proportion of direct, indirect and quasi-direct speech in the modern German prose. It is established that in the traditional narrative and free indirect discourse the amount of "foreign" speech is higher than in the novels with multiple points of view. The author shows that in the German prose of the early 21st century direct speech is the primary structural and semantic means of work's organization, and also that the modern German authors prefer the quasi-direct speech to the analytic mode of transmission of other people's statements. The combination of multiple narrative perspectives within a novel results in an almost complete agreement in the amount of two different kinds of "foreign" speech.

Поступила в редакцию 12.03.12

Е.П. Колбаско

ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ УВЕЛИЧЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена определению подгрупп фразовых глаголов со значением увеличения и сравнению их семантических характеристик с синонимичными им однокомпонентными глаголами в англоязычном медийном дискурсе. В работе проводится анализ возможной замены фразовых глаголов со значением увеличения в британских и американских журналах синонимичными им однокомпонентными глаголами и устанавливаются причины предпочтительного использования фразовых глаголов в медийном дискурсе. Полученные данные демонстрируют, что их употребление обеспечивает более сжатое и точное выражение смысла высказывания и, соответственно, повышение выразительности изложения, тем самым привлекая внимание читателя к информации.

Фразовые глаголы занимают особое место в глагольной лексике английского языка. Они обеспечивают выразительную передачу информации и ее точное однозначное понимание, что способствует успешности процесса коммуникации. Их употребление является одной из отличительных черт не только устной, но и письменной речи. Важно, что они прочно закрепляются в речи и являются базой для пополнения словарного запаса современного английского языка. Так, увеличение количества фразовых глаголов наблюдается за счет привлечения новых глаголов и постпозитивных компонентов и развития семантики существующих единиц. Некоторые глаголы сочетаются с одним постпозитивом, а значительное количество глаголов присоединяют различные постпозитивы, которые определенным образом изменяют семантику глагольного компонента. Некоторые фразовые глаголы характеризуются более высокой употребительностью и поэтому отодвинули традиционные глаголы, их синонимы, состоящие из одного слова, на второе место.

Существует значительное количество работ, посвященных изучению лингвистической сущности сочетаний глагола с постпозитивными элементами, однако лингвисты не пришли к однозначным выводам. Одни исследователи рассматривают фразовые глаголы как слово (И.Е. Аничков [1, с. 382–391], И.А. Клиюнайте [2]), другие же относят их к словосочетаниям (А.И. Смирницкий [3, с. 210–217], М.П. Ивашкин [4, с. 28–43]). В российской и отечественной лингвистике не существует единого названия как для таких словосочетаний, так и для их компонентов. В различных лингвистических работах эти словосочетания называют «фразовые глаголы», «глагольно-постпозитивные образования», «глагольно-наречные сочетания», «глагольные комплексы», «глаголы с поствербом», «глаголы с адвербиальным послелогом», «глагольные конструкции с предлогом и предложным наречием», «глагольно-наречные композиты». В зарубежной лингвистике встречаются такие термины, как «фразовые глаголы» (*phrasal verbs*), «предложные глаголы» (*prepositional verbs*) и «фразово-предложные глаголы» (*phrasal-prepositional verbs*) [5, с. 403–427]. В нашем изложении для обозначения изучаемых единиц мы используем термин *фразовый глагол*, а для второго компонента – *постпозитив* или *постпозитивный компонент*.

В настоящем исследовании фразовые глаголы изучаются на материале аналитических статей из британских и американских газет и журналов, затрагивающих общественно-политические и социально-экономические вопросы (“Financial Times”, “The Daily Telegraph”, “The New York Times”, “The Wall Street Journal”, “The Economist”, “Bloomberg Businessweek”, и др.). Особенности, влияющие на отбор языковых средств для ситуации общения в газетах и журналах, весьма специфичны, так как СМИ являются одним из важнейших средств не только информирования, но и убеждения, рассчитаны на массовую и очень неоднородную по своим интересам аудиторию, которую они должны удержать, заставить себя читать. Газеты и журналы обычно читают в условиях, когда довольно трудно сосредоточиться: в общественном транспорте, на отдыхе, после работы и т.п. Следовательно, необходимо организовать информацию так, чтобы передать ее быстро и сжато, сообщить основное и оказать на читателя прямое или косвенное воздействие.

Для увеличения количества контекстов с анализируемыми фразовыми глаголами привлекались также материалы британского и американского корпусов текстов: The British National Corpus (BNC) [6] и The Corpus of Contemporary American English (COCA) [7], что позволило увеличить количество контекстов для дальнейшего семантического анализа данных глаголов до 2000.

Проведенный анализ текстов из современной британской и американской прессы позволил выявить 400 фразовых глаголов. Изучение их семантики на основе методов контекстуального и дефиниционного анализа позволило определить ряд лексико-семантических групп данных единиц в медийном дискурсе. При этом использовались толковые словари [8; 9; 10; 11].

Для установления семантических характеристик большинства глаголов достаточно анализа дефиниций, однако для ряда многозначных глаголов, которые имеют в разном контексте разные значения, потребовался контекстуальный анализ. Так, для фразового глагола *build up* необходим как дефиниционный, так и контекстуальный анализ. Например, в предложении *The teacher may not instantly use all of this material, but the aim should be to **build up** a growing collection of useful resources which will remain the property of the school and which can be handed on to any teacher, or supply teacher who has to teach the course* фразовый глагол имеет значение ‘увеличивать’, которое актуализируется с помощью исчисляемого существительного *collection* ‘коллекция’ в позиции дополнения, означающего совокупность предметов. А в предложении *This is because there has not been sufficient time to **build up** goodwill connected with the name and, hence, there is little danger that the public will be confused* фразовый глагол обозначает ‘усиливать, укреплять’, что диагностируется абстрактным существительным *goodwill* ‘репутация компании’.

В нашем исследовании наиболее употребительными оказались следующие лексико-семантические группы:

- увеличения (18 %):

beef up ‘усиливать, укреплять’, *build up* ‘усиливать, укреплять’, *bump up* ‘повышать, увеличивать’, *drive up* ‘резко увеличивать’, *go beyond* ‘превышать’, *go up* ‘расти, повышаться’, *grow up* ‘расти’, *perk up* ‘оживляться, поднимать’, *pick up* ‘поднимать’, *push up* ‘увеличивать, повышать’, *run up* ‘быстро расти, повышаться’, *spill over* ‘выходить за пределы, превышать’, *step up* ‘расширять, увеличивать’, *turn up* ‘прибавлять, усиливать’;

- уменьшения (14 %):

bring down ‘снижать’, *cool off* ‘затормозить’, *cut back* ‘уменьшить, поднимать’, *cut down* ‘понижать, сокращать’, *drag down* ‘ослаблять’, *drive down* ‘резко понижать’, *dry up* ‘истощиться, иссякнуть’, *fall behind* ‘отставать, снижать темп’, *go down* ‘уменьшаться, снижаться’, *knock down* ‘понижать, сбивать цены’, *scale back* ‘снижать(ся), уменьшать(ся)’, *set back* ‘препятствовать, задерживать’, *slow down* ‘снизить темп, сокращать’, *take off* ‘сбавлять, снижать’, *whittle down* ‘постепенно уменьшать’.

Другие подгруппы составляют менее 10 %, например, фразовые глаголы, связанные с куплей-продажей (*buy out* ‘выкупать’, *pay down* ‘платить наличными’, *sell off* ‘распродавать’), созданием или переделыванием чего-либо (*clean up* ‘приводить в порядок’, *set up* ‘учреждать, основывать’, *shake up* ‘реорганизовать’) и др.

Задачами данной статьи являются определение подгрупп фразовых глаголов со значением увеличения и сравнение семантических характеристик фразовых глаголов с синонимичными им однокомпонентными глаголами (например, *go up* – *increase*). Такой сопоставительный анализ позволит установить вариативность употребления глагольных единиц для выражения одних и тех же значений в медийном дискурсе.

Семантический анализ на основе словарных дефиниций в толковых словарях, а также контекстов употреблений, полученных из современной англоязычной прессы и корпусов текстов, позволил установить три подгруппы наиболее употребительных фразовых глаголов со значением увеличения:

- 1) фразовые глаголы увеличения количественных характеристик (82 %);
- 2) фразовые глаголы увеличения количественно-качественных характеристик (8%);
- 3) фразовые глаголы, означающие превышение каких-либо границ (8 %).

Так, к первой подгруппе относятся фразовые глаголы, отражающие увеличение количественных характеристик объекта, которые кроме семы увеличения, выраженной в словарных толкованиях глаголом *increase*, содержат указание на количественный параметр *amount*, *size*, *speed* и др.

Например:

- *bump up* ‘increase the **amount** or **size** of sth’ – ‘повышать, увеличивать’;
- *go up* ‘if the **price**, **temperature** goes up, it becomes higher’ – ‘расти, повышаться’;
- *perk up* ‘increase, or to make increase in **value**’ – ‘оживляться, поднимать’;

- *step up* ‘increase the **size, amount** or **speed** of a process that is intended to achieve sth’ – ‘расширять, увеличивать’;

- *turn up* ‘increase the **sound, heat**, etc. of a piece of equipment’ – ‘прибавлять, усиливать’.

В свою очередь, в данной подгруппе выделяются глаголы, которые помимо семы увеличения количественных характеристик содержат сему интенсивности. Например:

- *build up* ‘create sth over a long period of time by adding to it **gradually**’ – ‘усиливать, укреплять’;

- *drive up* ‘force prices, costs etc rise **quickly**’ – ‘резко увеличивать’;

- *push up* ‘increase **at a steady rate**’ – ‘увеличивать, повышать’;

- *run up* ‘hoist, raise; cause (an account) to rise **sharply**’ – ‘быстро расти, повышаться’.

Фразовые глаголы увеличения как количественных, так и качественных характеристик составили в т о р у ю подгруппу:

- *beef up* ‘make bigger, better, more interesting’ – ‘усиливать, укреплять’;

- *pick up* ‘increase or improve; get better, become more lively’ – ‘поднимать’.

К т р е т ь е й подгруппе относятся глаголы, означающие превышение каких-либо границ:

- *go beyond* ‘exceed, surpass’ – ‘превышать’;

- *spill over* ‘start in one area and then affect other areas’ – ‘выходить за пределы, превышать’.

Данные фразовые глаголы употребляются с существительными, обозначающими границы (*borders, limits, boundaries*).

Следующий этап исследования предполагал рассмотрение особенностей употребления фразовых глаголов в реальных текстах анализируемых аналитических статей и определение возможностей их замены синонимичными однокомпонентными глаголами. С этой целью на основе словарей-синонимов и толковых словарей для каждой из выявленных подгрупп фразовых глаголов были установлены возможные однокомпонентные глаголы. Например: *beef up – strengthen, bump up – increase; go up – increase; perk up – increase; build up – add; drive up – rise; pick up – increase or improve; go beyond – surpass; spill over – exceed; step up – increase.*

Подстановка синонимичных однокомпонентных глаголов вместо фразовых глаголов показала следующее. В о - п е р в ы х , использование однокомпонентных глаголов приводит в большинстве случаев к нейтральной передаче информации и одновременно к потере выразительности изложения. Например, в следующем высказывании фразовый глагол *beef up* можно заменить глаголом *strengthen*: *He is undoubtedly one of the greatest actors of his generation, and you can't help wondering what sort of impact he would make if only he'd agree to **beef up** the ranks of the RSC or the National Theatre,* что позволило бы представить возможное влияние актера, если он начнет работать в указанных театрах, довольно официально и беспристрастно.

В примере *At the same time, the medical school got the go-ahead from lawmakers to **bump up** tuition about 6.5 percent next year to make up for the budget cut* употребление фразового глагола *bump up* позволяет передать информацию экспрессивно и выразительно, а возможное употребление однокомпонентного глагола *increase* придало бы нейтральный характер сообщению об увеличении платы за обучение.

Во - в т о р ы х , в ряде случаев замена фразового глагола синонимичным однокомпонентным глаголом приводит к потере либо сужению значения. Например, при замене фразового глагола *step up* синонимичным однокомпонентным глаголом *increase* теряется часть значения фразового глагола, а именно семантический компонент 'количество', что можно наблюдать в предложении *National union leaders and shop stewards representing Leyland-DAF workers met in Birmingham yesterday and resolved to **step up** the campaign to keep all five British plants open*, поскольку в данном контексте употребление глагола *increase* потребовало бы уточняющего дополнения *size* или *scope*. Возможное употребление синонимичного однокомпонентного глагола *exceed* вместо фразового глагола *spill over* в предложении *During each summer's rainy season, the lake's waters would **spill over** its southern rim and slide down towards Florida Bay* позволило бы передать значение, выраженное фразовым глаголом, только частично, а именно сообщить, что во время сезона дождей в озере поднимается уровень воды, однако однокомпонентный глагол не указывает, что паводок будет простираться дальше своей южной границы.

В предложении *And the first two can **drive up** the price of meals at a time when restaurateurs are worried about the effects of the recession on dining habits* фразовый глагол *drive up* является более точным в данной ситуации по сравнению с синонимичным глаголом *rise*, так как отражает, что процесс повышения цен происходит резко, т.е. при помощи однокомпонентного глагола не передается интенсивность действия.

Т р е т ь я причина, вызывающая необходимость употребления именно фразовых глаголов, состоит в наличии в ближайшем контексте синонимичных однокомпонентных глаголов. Например, в предложении *It is said that they would **increase** the cost of petrol by 20p a gallon. Certainly that would **push up** inflation and make motoring more expensive for everyone, particularly those who use their cars a lot* замена фразового глагола *push up* его синонимом *increase* стилистически нецелесообразна, при этом употребление фразового глагола *push up* придает выразительность и дополнительный оттенок действию, а именно интенсивности.

Таким образом, проведенный анализ фразовых глаголов со значением увеличения позволил определить три их лексико-семантических подгруппы, наиболее употребительные в англоязычном медийном дискурсе: фразовые глаголы увеличения количественных характеристик, фразовые глаголы увеличения количественно-качественных характеристик и фразовые глаголы, означающие превышение каких-либо границ. Контекстуальный анализ высказываний, в которых фразовые глаголы были заменены синонимичными им однокомпонентными глаголами, показал, что в большинстве случаев такая

замена возможна (96 %), однако при этом теряется выразительность высказывания либо происходит потеря части смысла, который передавался с помощью фразового глагола. Анализ контекстов, в которых фразовые глаголы заменялись на синонимичные им однокомпонентные глаголы, позволил установить основные причины употребления фразовых глаголов в медийном дискурсе, характерных в первую очередь для разговорной речи. Во-первых, употребление фразовых глаголов обеспечивает более сжатое и точное выражение смысла высказывания в соответствии с характером медийного дискурса. И, во-вторых, использование фразовых глаголов вместо синонимичных им однокомпонентных глаголов способствует привлечению к ним внимания и соответственно повышает выразительность изложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аничков, И.Е.* Труды по языкознанию / И.Е. Аничков; сост. и отв. ред. В.П. Недеяков; Ин-т лингв. исследований РАН. – СПб. : Наука, 1997. – 510 с.
2. *Клиюнайте, И.А.* Семантические функции поствербов в английском языке / И.А. Клиюнайте // Парадигматические и синтагматические исследования германских языков: тез. докл. Респ. науч. конф., Вильнюс. 11–13 мая 1989 г. – Вильнюс, 1989. – С. 149–150.
3. *Смирницкий, А.И.* Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 260 с.
4. *Ивашкин, М.П.* Синхронно-диахронический анализ переходных процессов в английском языке / М.П. Ивашкин. – М. : Прометей, 1988. – 171 с.
5. *Longman Grammar of Spoken and Written English* / D. Biber [et al.]; Foreword by R. Quirk. – London : Longman, 2000. – 1203 p.
6. *Davies, M.* British National Corpus (BNC) / M. Davies; Brigham Young Univ. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://corpus.byu.edu/bnc/> Date of access : 05.03.2011.
7. *Corpus of Contemporary American English (COCA)* [Electronic resource]. – Mode of access : <http://corpus.byu.edu/coca/>. Date of access : 05.03.2011.
8. *Hornby, A.S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby; chief ed. S. Wehmeier. – 7th ed. – Oxford; N.Y. : Oxford Univ. Press, 2009. – 1780 p.
9. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary with CD-ROM.* – 3rd ed. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. – 1814 p.
10. *Cowie, A.P.* Oxford Dictionary of Phrasal Verbs / A.P. Cowie, R. Mackin. – Oxford; N.Y. : Oxford Univ. Press, 2010. – 519 p.
11. *The Oxford Dictionary for the Business World: An English Dictionary. Business and Finance. Computing. Cities, Countries, Economies* / gen. ed.: A. Isaacs, E. Martin. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1993. – 996 p.

The article deals with the phrasal verbs with the meaning of augmentation in English media discourse. The obtained results demonstrate that the use of phrasal verbs provides compressed and exact expression of the meaning that results in higher expressiveness of the utterance meaning which attracts the reader's attention.

Поступила в редакцию 13.03.12

И.П. Мышалова

ДИАПАЗОН ГРАДУАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена одному из наименее изученных языковых аспектов *градуальности*, а именно обозначению самостоятельными лексемами одного и того же признака с разной степенью интенсивности в современном английском языке. В рамках статьи рассмотрена система градуальных сем, которые либо представляют градуальность безотносительно признака и образуют градуальные шкалы определенного и неопределенного количества, либо выступают в тесной связи с компонентом качества и также образуют соответствующие градуальные шкалы определенных признаков. Анализ показывает, что градуальная лексика представлена широким диапазоном как лексико-грамматических, так и лексико-семантических классов, однако выделяются и подклассы единиц неградуальной лексики.

Способность человеческого мышления членить происходящие качественные изменения на определенные отрезки, количественно характеризовать их и соотносить между собой репрезентируется в градуировании признаков, свойств и т.п. и приводит к становлению универсальной категории *градуальности*. *Г р а д у а л ь н о с т ь* находит отражение и в языковой системе, где предстает как «последовательность эквивалентных единиц (по меньшей мере, трех), обладающих одной или несколькими общими семами, одна из которых повторяется с количественными изменениями» [1, р. 93]. Как показывают многочисленные исследования (работы Н.Д. Арутюновой, Э.М. Береговской, М. Бирвиша, Д. Болинджера, А. Вежбицкой, В.Д. Девкина, Д.А. Круза, Дж. Лайонза, Э. Сэпира и др.), градуальность в языке проявляется, прежде всего, на морфологическом и синтаксическом уровнях за счет эксплицитных средств выражения (системы противопоставления аффиксов, стилистические фигуры и др.), а также, что важно подчеркнуть в контексте данной статьи, находит выражение и в языковом лексиконе. Заметим, однако, что исследования градуальности в лексической подсистеме на базе разных языков посвящены в основном либо классу имен прилагательных (работы В.В. Акуленко, Е.М. Девяткиной, Дж. Дутьес и пр.), либо отдельным группам адъективных единиц (например, прилагательным температуры и веса [2]; прилагательным со значением внешней и внутренней характеристики человека [3] и т.п.), на основании чего можно констатировать, что в целом диапазон градуальности не установлен. Можно предположить, что градуальность, запечатлеваемая в языке с помощью имен прилагательных, характерна и для других классов словесных знаков. В этой связи, на наш взгляд, важным представляется выявить то, насколько широко градуальная лексика представлена не только в рамках класса имен прилагательных, а в целом в лексической подсистеме того или иного языка, в нашем случае – современного английского. Для решения поставленной задачи необходимо определить как лексико-грамматические, так и лексико-семантические классы единиц, обозначающих самостоятельными лексемами одни и те же признаки с разной степенью их проявления.

Градуальность, являясь индикацией количественных изменений, предполагает наличие в лексическом значении слова компонента качества, который может различаться степенью (компонентом количества) и соотноситься с иными степенями проявления этого качества в семантике других единиц. Таким образом, количественный компонент, или в иной терминологии градуальная сема [2], «играет роль минимального семантического дифференциатора, указывающего на определенную степень проявления признака» [4, с. 4–5]. В современном английском языке количественные компоненты, представляя градуальность безотносительно признака, образуют, *во-первых*, самостоятельные градуальные шкалы определенного и неопределенного количества; *во-вторых*, количественные компоненты предстают и в сочетании с качественными и также находят выражение в виде отдельных лексических единиц на соответствующих шкалах определенных признаков. Шкалы определенного количества представлены, прежде всего, градуальным рядом, образуемым количественными числительными: *one (1)*¹ ‘один’² – *two (1)* ‘два’ – *three (1)* ‘три’ ... Данный ряд являет собой «эталон» в связи с тем, что шаг перемещения по шкале четко определен и равен единице. К шкалам определенного количества относятся также социально значимые шкалы измерений: веса, длины, размера, объема, температуры, времени и др. Например, ряд метрических единиц измерения объема жидкости: *milliliter* ‘миллилитр’ – *centiliter* ‘сантилитр’ – *liter (1)* ‘литр’ – *kiloliter* ‘килолитр’. В свою очередь, шкалы неопределенного количества представлены квантификаторами, т. е. словами, которые выражают идею количества/величины [7; 8, с. 7–8], типа *few (3)/little (1)* ‘мало’, *a few (1)/a little (2)* ‘несколько’, *many (1)/much (1)*³ ‘много’ и т. п., а также наречиями типа *slightly* ‘незначительно’, *very (1)* ‘очень’, *extremely* ‘чрезвычайно’, *completely* ‘всецело’ и т. п. (о парадигмах подобного типа [11, с. 10–12, с. 25–36; 12; 13; 14, р. 110]). Указанные единицы являются онтологически важными, ядерными, наиболее частотными конститuentами количественной шкалы. Шкалы неопределенного количества могут расширяться за счет единиц типа *innumerable* ‘бессчетный’, *myriad* ‘несметный’, *numerous* ‘многочисленный’; *pretty (1)* ‘в значительной степени’, *incredibly (1)* ‘крайне’ и т. п. Как отмечалось выше, градуальные семы (количественный компонент) могут выступать в тесной связи с компонентом качества. Подобные сочетания находят выражение с помощью таких лексем, как, например: *tiny* ‘крошечный’ – *midget* ‘миниатюрный’ – *small (1)* ‘маленький’ – *sizeable*

¹ Нами отобраны слова как в первичных, так и во вторичных значениях. Цифра в скобках указана для слов, имеющих более одного значения, и соответствует номеру значения в [5]; в рамках статьи стилистические пометы опущены.

Порядок единиц на шкале не произволен. Члены выстроены по степени увеличения/уменьшения градируемого признака относительно нормы, которая может занимать различное место на шкале (либо в центре шкалы, либо соответствовать одному из полюсов); члены ряда разделены знаком тире «–»

² Перевод приведен по [6].

³ О неоднозначном частеречном статусе указанных единиц [7; 9, р. 69–70, 73, 89; 10, р. 59–70].

‘немалый’ – *large (1)* ‘большой’ – *tremendous(1)* ‘огромный’ – *gigantic* ‘гигантский’, в значении которых тесно связаны качественный компонент размера (или другого признака) и количественный компонент его степени.

Наличие указанных градуальных рядов, члены которых представляют собой градуаторы, делает возможным их применение при экспликации семантики других лексем, в которых имеет место выражение разной степени проявления того или иного признака. Как показывает наше исследование, проведенное на материале словаря «Longman Dictionary of Contemporary English for Advanced Learners» [5], градуаторы широко используются в лексикографических дефинициях, выступая маркером степени градуирования того или иного качества. Сравнение градуаторов позволяет не только выделить единицы с градуальной семой, но и расположить их на шкале градуальности. Обратимся к ряду имен существительных: *chapel (1)* ‘капелла’ – *church (1)* ‘церковь’ – *minster* ‘монастырская церковь, собор’ – *cathedral* ‘кафедральный собор’, где *chapel*: ‘a *small* church, or a room in a hospital, prison, big church etc in which Christians pray or have religious services’; *minster*: ‘a *large* or important church’ и т. д. Параметром градуальности данного ряда выступает размер, а градуаторами, зафиксированными в дефинициях, – такие единицы как *small* ‘маленький’, *large* ‘большой’ и т.п. Описанная методика, легшая в основу выделения лексических единиц, позволила выявить всю систему парадигматических градуальных рядов современного английского языка.

Как и следовало ожидать, градуальные характеристики свойственны главным образом сфере признаковых номинаций, прежде всего, именам прилагательным, которые являются воплощением признака «в чистом виде» [15, с. 6]. Как указывает Д.Н. Шмелев, «вовсе не безразлично то, как членится в каждом конкретном языке та или иная область, какие признаки отражаются в отдельных наименованиях ... а соответствующие противопоставления слов по данным признакам являются характерной особенностью именно лексики данного языка, а не самих предметов» [16, с. 14]. В этой связи представляется важным определить те лексические группы имен прилагательных, единицы которых могут образовывать градуальные парадигмы.

Наш материал подтверждает результаты исследований, ранее проведенных на материале разных языков [2; 3; 4]. Как явствует из лексико-семантического анализа¹, градуальные отношения пронизывают, прежде всего, широкий пласт качественных имен прилагательных, «обозначающих свойство, присущее самому предмету или открываемое в нем, часто такое, которое может характеризоваться разной степенью интенсивности» [18, с. 201]. Так, прежде всего, в современном английском языке, как и в русском [3],

¹ Проблеме семантической классификации имен прилагательных посвящены многочисленные труды лингвистов (работы М.Г. Аартса, Р. Диксона, Ф. Нойбауэра, Ж.П. Соколовской, Й. Шплетта, А.Н. Шрамма, З.А. Харитончик и др.). Несмотря на определенные различия, в рамках всех классификаций в качестве базовых выделяются одни и те же классы. За основу классификации градуальных имен прилагательных мы берем классификацию Й. Шплетта [17] как одну из самых известных классификаций адъективной лексики в германских языках.

градуируются имена прилагательные, характеризующие качества человека, его здоровье, внешность, состояние и т.д. Примером шкалы данного подкласса выступает ряд, где параметром градуальности является степень испуга: *unafraid (1)* 'бесстрашный, смелый' – *scared/alarmed (1)/frightened* 'испуганный' – *terrified/shit-scared* 'сильно испуганный' – *petrified (1)* 'в оцепенении'. Данный ряд, отражающий состояние духа, представлен двумя полюсами – положительными и отрицательным, а также разветвленной сетью членов, что обусловлено социальной значимостью указанных признаков. Язык, как отмечает Э. Бенвенист, создан «по мерке человека» [19, с. 15] и, прежде всего, фиксирует важные для человека свойства.

Градуальные отношения характерны не только для прилагательных, обозначающих чувственно воспринимаемые признаки, как уже указывалось исследователями лексики английского языка [2; 20], но, как зафиксировано нами, указанный тип отношений широко представлен градуальной адъективной лексикой социально ориентированных прилагательных, а также прилагательных, ориентированных на обозначение пространственных, временных и пространственно-временных характеристик. В качестве примера приведем ряд, в котором параметром градуальности выступает обозначение пространственных характеристик, а именно толщины неодушевленного объекта: *wafers-thin* 'очень тонкий, как папиросная бумага' – *fine (5)/paper-thin* 'тонкий, как бумага' – *thin (1)* 'тонкий' – *thick (1)* 'толстый'. Подчеркнем, что зачастую в структуре производных единиц, а таких в системе градуальной лексики значительное число, содержится имя эталона, с которым происходит сравнение при градуировании и при помощи которого единицы занимают то или иное место на шкале (см. *wafers-thin* 'как папиросная бумага', *paper-thin* 'как бумага'). Данные эталоны являются более точным инструментом указания на качество объекта, чем немотивированные единицы (ср. *fine* 'тонкий'), и с их помощью осуществляется более тонкая количественная дифференциация качества.

Как неоднократно отмечалось в лингвистической литературе, относительные прилагательные, представляющие признак через его отношение к предмету, признаку или событию, не являются по своей природе градуируемыми, обозначая «лишь общую идею атрибутивно выраженного отношения к предмету» [21, с. 92]. Это верно и для относительных прилагательных современного английского языка. Однако «во всех относительных прилагательных потенциально заложен оттенок качественности, который часто раскрывается и развивается в серию самостоятельных значений» [22, с. 176]. В последнем случае относительные прилагательные могут развивать элемент качественности [15, с. 10; 23; 24], при этом оттенок отношения предстает как вторичный элемент. Градуальные свойства относительных имен прилагательных проявляются в том, что некоторые из них все же могут сочетаться с градуаторами и образовывать степени сравнения [25, с. 4–5].

Вследствие изучения класса имен прилагательных становится очевидным, что и в лексической, и в морфологической системах имен прилагательных современного английского языка градуированию подлежат

практически одни и те же типы признаков. Однако имеет место не просто корреляция морфологических и лексических средств, а разные способы фиксации точек на шкале. Морфологические категории не очерчивают четких границ, представляя собой «размытые» зоны. В свою очередь, лексическая градуальность предстает крайне важным звеном с гносеологической точки зрения, являясь ведущей в концептуальном опыте. Особенностью шкалы, образованной самостоятельными единицами, а не одной и той же единицей в разных формах, становится большая дифференциация членов – до пятнадцати точек на шкале (ср. с тремя точками шкалы степеней сравнения). Это указывает на особый характер осмысления той или иной области, которая не находит должного освещения за счет морфологических средств. Язык прибегает к лексическому способу выражения градуальности в тех случаях, когда «простой» эксплицитный путь недостаточен или не дает необходимой дифференциации и специализации (ср. с эталонами при лексическом градуировании).

Так как онтологически градуальность связана с категорией признака, в том числе и признака динамического, можно с уверенностью сказать, что она находит выражение и в семантике глаголов, что и подтверждается полученными нами данными. Как явствует из лексико-семантического анализа¹, градуальные глаголы наиболее широко представлены классом глаголов движения и действия, например, ряд *trot* (2) ‘идти рысью’ – *canter* ‘идти легким галопом’ – *gallop* (1) ‘идти галопом’. Единицы данного ряда противопоставлены друг другу по скорости движения. Градуальная сема указывает на постепенное увеличение скорости и служит дифференциатором значений указанных единиц. Так, *trot*: ‘if a horse trots, it moves *fairly quickly*, taking short steps with each front leg moving at the same time as the opposite back leg; *canter*: to ride or make a horse run *quite fast*, but not *as fast as possible*’ и т.д.

Кроме глаголов движения и действия наиболее градуируемыми являются глаголы, обозначающие чувственную деятельность человека и чувственную сторону его психики. Примером выступает ряд, где параметром градуальности предстает степень желанности: *want* (1) ‘хотеть’ – *desire* (1)² ‘испытывать сильное желание’ – *crave* ‘жаждать’. К градуальным глаголам относятся и некоторые ментальные глаголы (например, *understand* (1)/*apprehend* (1)/*get* (23)/*see* (7) ‘понимать’ – *comprehend* ‘постигать’ – *grasp* (2) ‘осознавать’),

¹ Сложность и многоплановость семантической классификации глаголов проявляются в многообразии исследовательских подходов к изучению глагольного значения, а также в отсутствии общепринятой систематизации глагольной лексики (работы Ю.Д. Апресяна, Л.М. Васильева, Ф. Данеша, Г.А. Золотовой, Г.Г. Сильницкого, У. Чейфа и др.). За основу классификации градуальных глаголов мы берем классификацию Г.А. Золотовой [26] как наиболее детально проработанную классификацию глагольной лексики.

² Некоторые глаголы могут быть представлены своими фразовыми аналогами, например, *desire* = *hunger for/after something*: to want something *very much*. Данная корреляция указывает на градуальный потенциал фразовых глаголов.

глаголы речи (например, *whisper* (1) ‘шептать’ – *speak* (2) ‘говорить’ – *shout* (1)/*cry* (2) ‘кричать’ – *bawl* (1)/*holler* ‘кричать во всю глотку’ – *scream* (2)/*yell* (1) ‘вопить’), глаголы, обозначающие природные явления (например, *spit* (3) ‘сеять’ (о дожде) – *drizzle* (1) ‘моросить’ – *rain* (1) ‘идти’ (о дожде) – *pour* (3) ‘лить’ – *pelt* (2) ‘сильно лить’) и др.

Черезвычайно важной операцией, способствующей образованию широких классов градуальной лексики, является транспозиция. В первую очередь, транспозиция ведет к образованию на базе имен прилагательных градуальных рядов в системе наречий, обозначающих непроецессуальный признак действия или другого непроецессуального признака, т.е. признак признака. Анализ материала позволяет выделить два класса наречий. *Во-первых*, это группа наречий-градуаторов, приведенных выше, которые представляют градуальность безотносительно признака. *Во-вторых*, наиболее градуируемым является подкласс качественных наречий, в большинстве случаев образованных адвербиализацией с прибавлением суффикса *-ly*. Примером является ряд с параметром градуальности стоимость: *dirt-cheap* ‘очень дешево’ – *cheap/inexpensively* ‘дешево’ – *modestly* (2) ‘недорого’ – *expensively* ‘дорого’ – *astronomically* (1) ‘чрезвычайно дорого’, в котором члены ряда *cheap* ‘дешево’, *modestly* ‘недорого’, *expensively* ‘дорого’ и др. образовались в результате транспозиции.

Транспозиция является той самой операцией, которая приводит к образованию градуальной лексики и в классе имен существительных. Как явствует из проведенного нами лексико-семантического анализа¹, многие абстрактные имена существительные образовались от имен прилагательных или глаголов (конверсия, аффиксация и др.). Активное использование адъективных и глагольных лексем в качестве производящих баз приводит к тому, что в системе английского языка имеет место сохранение градуальности для разных подсистем языка. Однако зачастую на градуальной шкале представлены единицы разных типов, как первообразные, так и транспонированные. В качестве примера приведем ряд, где параметром градуальности выступает температура: *coldness* (2) ‘холод’ – *coolness* ‘прохлада’ – *warmth* (1)/*heat* (1) ‘тепло’ – *heat* (1) ‘жара’ – *swelter* ‘зной’, в котором большая часть единиц относится к транспонированным.

Данному классу противостоит класс конкретных имен существительных, представляющих градуальность некоторого признака, присущего обозначаемой сущности (размер, цвет и др.). Примером служит ряд, где параметром градуальности выступает размер: *hut* ‘хатка’ – *building* (1) ‘здание’ – *edifice* ‘строение’, где *hut*: ‘a small simple building with only one or two rooms’; *edifice*: ‘a building, especially a large one’. Анализ материала показывает, что градуальность по различным параметрам зафиксирована и в значениях наименований

¹ За основу классификации градуальных имен существительных с точки зрения лексико-семантических свойств составляющих их членов мы берем одну из наиболее авторитетных, проработанных и детализированных классификаций – классификацию Н.Ю. Шведовой [27].

предметов, артефактов, продуктов питания, природных образований и др. Градуальные характеристики широко представлены и рядами антропонимического класса. Примером может служить ряд, в котором параметром градуальности предстает степень зависимости лица от алкоголя: *teetotaller* ‘абстинент’ – *tippler* ‘пьяньчуга’ – *drunkard/drunken/boozer* (2) ‘пьяница’ – *alcoholic/lush* ‘алкоголик’ – *dipsomaniac* ‘горький пьяница’, где *teetotaller*: ‘someone who never drinks alcohol’; *dipsomaniac*: ‘someone who has a very strong desire for alcohol, which they can not control’ и т. д.

Таким образом, на лексическом уровне градуальность представлена широкой ономазиологической областью, объединяющей, прежде всего, систему собственно градуаторов, а также адъективные, глагольные, субстантивные и адвербиальные единицы.

Ведущее место среди градуальной лексики принадлежит именам существительным (таблица 1). Однако это формальное преобладание градуальной лексики класса имен существительных связано с фактом общей стратификации лексики и соответствует общезыковой тенденции соотношений классов единиц и их числа в системе (ср. с данными по количественной стратификации частей речи в современном английском языке [28, с. 6]). Признаковые градуальные единицы, безусловно, предстают базовыми и ведущими в связи с тем, что градуальность является категорией, которая представляет один и тот же признак с разной степенью интенсивности проявления за счет самостоятельных лексем.

Градуальная лексика современного английского языка

Классы градуальной лексики	Количество градуальных рядов
Имена существительные	155
Имена прилагательные	115
Глаголы	49
Наречия	37
<i>Всего</i>	356

На фоне градуальной лексики наиболее заметными становятся и неградуальные классы. Назовем лишь некоторые из них. Так, к неградуальным именам прилагательным в парадигматике относятся прилагательные, обозначающие национальность (*Russian*), прилагательные-атрибуты (*chemical*), прилагательные, имеющие абсолютное значение (*alternative*), т.е. относительные прилагательные, а также привативные прилагательные (*deaf*). К неградуальным именам существительным относятся имена, обозначающие названия тела, организма и его частей (*head*), а также имена собственные (*Germany*). Неградуальные глаголы представлены глаголами существования (*exist*); глаголами положения в пространстве, кроме тех, которые коррелируют с глаголами движения (*stand*); реляционными глаголами как глаголами, выражающими партитивные (*consist*) и посессивные отношения (*own*). Единственным подклассом наречий, не допускающим градуирования, является подкласс вопросительных, восклицательных и неопределенных наречий (*where*),

так как в их структуре отсутствует градуальная сема, отражающая количество какого-либо качества. По той же причине к неградуальным относятся побудительные (*Help!*) и этикетные (*Thanks!*) междометия. Однако необходимо отметить и то, что хотя указанные единицы онтологически не являются градуальными, они могут обретать оттенок градуальности на синтагматическом уровне, т. е. при сочетании с эксплицитными градуаторами (ср. *deaf* и *slightly deaf*).

Таким образом, можно сделать вывод, что градуальность как категория универсальная пронизывает лексическую систему современного английского языка, фиксируя при этом наиболее важные степени того или иного признака.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ducrot, O.* Dictionnaire encyclopedique des sciences du langage / O. Ducrot, T. Todorov. – Paris : Editions du Seuil, 1972. – 469 p.
2. *Козлова, И.А.* Градуальность качества в разных типах номинаций : на материале английских прилагательных : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И.А. Козлова ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. – М., 1987. – 21 с.
3. *Кирьян, А.Д.* Градация как способ организации лексико-семантической группы (качественные прилагательные со значением характеристики человека в современном русском языке) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.Д. Кирьян ; Ун-т дружбы народов им. П. Лулумбы. – М., 1981. – 22 с.
4. *Мезенина, М.В.* Градуальность в парадигматике лексики немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М.В. Мезенина ; Моск. пед. ун-т им. В.И. Ленина. – М., 1991. – 16 с.
5. Longman Dictionary of Contemporary English for Advanced Learners. – 5th ed. – London : Longman, 2009. – 2081 p.
6. Мультитран : Многоязычный online словарь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://www.multitran.ru/>. – Дата доступа : 09.01.2012.
7. A Grammar of Contemporary English / R. Quirk [et al]. – 4th ed. – London : Longman, 1972. – 1120 p.
8. *Жаботинская, С.А.* Числительные современного английского языка: к вопросу о категориальном статусе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С.А. Жаботинская ; Киев. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Киев, 1982. – 24 с.
9. *Fries, C.C.* The structure of English: An introduction to the construction of English sentences / C.C. Fries. – London : Longmans, Green and Company, 1959. – 304 p.
10. *Palmer, F.K.* Grammar / F.K. Palmer. – N.Y.: Penguin Books, 1978. – 201 p.
11. *Кошечкина, И.Г.* К проблеме знака и значения в языке / И.Г. Кошечкина. – М. : МГПИ, 1976. – 143 с.
12. *Назарова, И.В.* Наречия как средства репрезентации категории градуальности в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И.В. Назарова ; Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2009. – 18 с.
13. *Neeleman, A.* Degree expressions / A. Neeleman, H. Koot, J. Doetjes // The Linguistic Review. – 2004. – № 21(1). – P. 1–66.

14. *Leech, G.N.* An A-Z of English grammar and usage / G.N. Leech, V. Cruickshank, R. Ivanić. – Edinburgh : Longman, 1996. – 575 p.
15. *Вольф, Е.М.* Грамматика и семантика прилагательного : на материале иберо-романских языков / Е.М. Вольф. – М. : Наука, 1978. – 200 с.
16. *Шмелев, Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – 3-е изд. – М. : ЛКИ, 2008. – 280 с.
17. *Splett, J.* Ansätze zu einer strukturellen Gliederung des Deutschen Adjektivwortschatzes / J. Splett // Sprache : Vorstehen und Handeln / Max Niemeyer Verl. – Tübingen, 1981. – Bd. 2 : Akten des 15. Linguistischen Kolloquiums. – S. 47–58.
18. *Уфимцева, А.А.* Лексическое значение : принцип семиологического описания лексики / А.А. Уфимцева ; под ред. Ю.С. Степанова. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
19. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; под общ. ред. Ю.С. Степанова. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 446 с.
20. *Кузнецова, О.И.* Семантическая относительность лексических единиц тематической группы «атмосферные осадки» в английском и русском языке: сопоставительный анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / О.И. Кузнецова ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2002. – 23 с.
21. *Земская, Е.А.* О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке / Е.А. Земская // Историко-филологические исследования : сб. ст. / гл. ред. М.Б. Храпченко. – М. : Наука, 1967. – С. 92–103.
22. *Виноградов, В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов ; под ред. Г.А. Золотовой. – 4-е изд. – М. : Рус. яз., 2001. – 718 с.
23. *Кадушко, Р.В.* Качественные и относительные значения в семантике адъективных слов : на материале современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Р.В. Кадушко. – Минск, 1999. – 124 л.
24. *Kamp, J.A.W.* Two theories about adjectives / J.A.W. Kamp // Formal Semantics of Natural Language. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1975. – P. 123–155.
25. *Спиридонова, Н.Ф.* Язык и восприятие: семантика качественных прилагательных : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н.Ф. Спиридонова ; Ин-т языкознания РАН. – М., 2000. – 23 с.
26. *Золотова, Г.А.* Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Осипенко, М.Ю. Сидорова. – М. : Ред.-издат. отдел филол. фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. – 528 с.
27. Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 6 т. / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 1998.
28. *Гопштейн, М.А.* Полисемия в разных частях речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М.А. Гопштейн ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. – М., 1977. – 26 с.

The article deals with the range of gradational lexical units within the contemporary English language system. The research reveals the system of lexical gradational semes which either represent gradation irrelative of any feature and form definite/indefinite quantity scales or work together with quality components and build gradual scales of various features. The analysis shows lexico-grammatical and lexico-semantic gradational classes and their features as well as non-gradable lexical classes.

Поступила в редакцию 24.01.2012

Н.В. Рубанюк

ОБИХОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МОДАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ, КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ МЕТАФУНКЦИИ

В статье речь идет о глаголах обиходной лексики, которые способны реализовывать модальный компонент в своем значении. Анализ, проведенный на материале 50 аутентичных англоязычных интервью-портретов, проиллюстрировал, что этот дополнительный оттенок значения способен реализовываться чаще всего в постпозиции вопросительного предложения журналиста и в интерпозиции повествовательного предложения респондента-мужчины, в речи которого наблюдается довольно разнообразная палитра модальных значений.

Модальность признается одним из основных средств реализации межличностной метафункции [1, с. 143; 2, с. 160; 3, с. 49], хотя сам термин *модальность* давно утратил четкие содержательные контуры [4, л. 13].

Традиционно модальность понимается как комплексная, многоаспектная, общеязыковая категория [5, с. 304; 6, с. 13–14], в которой отражается сложное взаимодействие таких основных факторов коммуникации как *говорящего* (автора высказывания), его *отношения к действительности, содержания высказывания* и *слушающего* (адресата, получателя).

Категория модальности репрезентируется словами, представляющими разные части речи, это, в первую очередь, модальные глаголы (*may, must, can, ought*) и модальные слова (*absolutely, actually, almost, always*, и др.) [7, с. 7–8].

В научной литературе отмечается, что модальные компоненты в лексическом значении можно установить и у глаголов, которые не относятся к модальным в русле правил традиционной грамматики [8, с. 111], например, *like, try, endeavor, manage, prefer* и многие другие [4, с. 15–16]. К этой группе слов можно причислить и глаголы такой пропозициональной установки как “вера”, “мнение”, “надежда”, “желание” и др. [9, л. 211]; а также глаголы говорения и мыслительной деятельности [10, с. 21]; служебные и перформативные глаголы [11, с. 1].

Целью данной статьи является определение особенностей функционирования глаголов, способных наряду со своим основным лексическим значением выражать дополнительные модальные значения, и установление их роли в реализации *межличностной метафункции*.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

а) установить, какие глаголы общеязыковой семантики способны в устной речи передавать отдельные модальные оттенки;

б) определить, кто из участников коммуникации (журналист или респондент) чаще прибегает к этому языковому средству выражения своего отношения к предмету/теме разговора;

в) систематизировать данные проведенного лингвистического анализа на материале аутентичных текстов.

В русле запланированного исследования были использованы следующие научные методы лингвистических исследований: метод сплошной выборки анализируемого материала; метод компонентного анализа; статистический метод; работа с реформантом и др.

Объектом лингвистического исследования послужили 50 аутентичных англоязычных текстов [12], представляющих публицистический жанр *интервью-портрет*, который, как это признано в научных кругах, является письменным источником, фиксирующим современную устную речь.

Проведенный лингвистический анализ языкового материала в целом показал, что глаголы, выражающие различные модальные значения, были употреблены в речи обоих участников интервью-портрета (журналист и респондент), но они занимают в их речи разный удельный вес.

В речи журналистов был использован только один обиходный глагол с дополнительным модальным компонентом, а именно *to regret*. Общее количество его повторений во всем корпусе исследуемого материала (50 интервью-портретов) равно 8, например, *Is there anything about your career you regret?* (L. Barnett – M. Ball) В данной связи следует сделать следующую оговорку: в 50 интервью-портретах было задействовано 4 журналиста, при этом глагол *to regret* был употреблен в речи только одного журналиста, а именно Л. Барнет (L. Barnett), которая опросила 36 известных деятелей искусств. Этот факт свидетельствует о том, что данное языковое явление в речи редко употребляется.

В рамках проводимого нами анализа учитывался такой критерий как позиция глагола в предложении: препозиция, интерпозиция и постпозиция.

В речи журналистов искомые глаголы были зафиксированы только в интерпозиции и постпозиции. Из них самой распространенной оказалась постпозиция (7 раз): *Is there any part of your career you regret?* (L. Barnett – A. Ferry), а интерпозиция встретилась только 1 раз: *Do you regret anything about your career?* (L. Barnett – Goldie) В препозиции или в качестве самостоятельного предложения глаголы с модальной семантикой в речи журналистов употреблены не были.

В речи респондентов было зафиксировано уже 6 глаголов с дополнительной модальной семантикой с общим количеством употреблений равным 60. Наиболее частотными в речи респондентов оказались глаголы *to try* и *to think*:

➤ *try* (26): *What's the best advice anyone ever gave you? – As I a child, I read in a philosophy book that “to dream of the person you'd like to be is to waste the person you are”. I play roles, but when I'm off stage, I always try to be myself* (M. Ball);

➤ *think* (19 раз): *Is there an art form you don't enjoy? – Modern art gets on my nerves. I think art should have time spent on it; I can't stand anything gimmicky* (H. Baxendale);

Другие глаголы с дополнительной модальной семантикой встречаются гораздо реже:

➤ *allow* (6 раз): *What's the greatest threat to music? – The internet: downloads and file-sharing are bringing a very serious decline in the sale of physical product. But the internet allows artists to be in charge of what they do, and to build a direct relationship with their audience* (P. Gabriel);

➤ **regret** (3 раза): *What's the best advice anyone ever gave you? – An actor once told me not to be afraid to punch someone who really annoys me. I've never had to do it, but I know I won't regret it if I do (E. Walsh);*

➤ **require** (3 раза): *Do you suffer for your art? – Yes. The theatre is a physically and emotionally demanding way of life that requires a lot of discipline. But I love it, so the sacrifice is also a pleasure (E. Paige);*

➤ **be willing** (3 раза): *How does the European art scene compare with Mexico's? – Mexico's art scene is active and enthusiastic, but very young; audiences look to art to amuse them. Europeans are more willing to make an effort to understand the concepts behind it (LaBute Neil).*

Данные, иллюстрирующие частоту употребления глаголов с дополнительной модальной семантикой в речи респондентов, представлены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Глаголы с дополнительной модальной семантикой в речи респондентов

Глагол	Количество употреблений	Препозиция	Интерпозиция	Постпозиция
<i>try</i>	26	3	23	–
<i>think</i>	19	–	19	–
<i>allow</i>	6	–	6	–
<i>regret</i>	3	–	2	1
<i>require</i>	3	–	3	–
<i>be willing</i>	3	–	3	–
Итого	60	3	56	1

Позиционное расположение исследуемых глаголов в предложении, как это иллюстрируют данные анализа, более разнообразно в речи респондентов, при этом самой распространенной позицией является интерпозиция, которая имеет место в 56 случаях (93 %): *What's the greatest threat to art today? – Ignorance. Works often require more commitment than most people are prepared to give them (M.G. Torres);* в препозиции они встречаются значительно реже, а именно 3 раза (5 %): *What advice would you give a young artist just starting out? – If you're lucky enough to attract attention, your career can easily acquire a life of its own. Try to take control (L. Jones),* в постпозиции и того реже – только один раз (2 %): *Who or what have you sacrificed for your art? – When I was younger, my home life. I lost touch with both my Scottish relatives and my own young family. Ambition is very seductive: it catches you and makes you do things you regret (B. Cox).*

Если в речи журналистов модальные оттенки значений имеют глаголы обиходной лексики, употребленные, как правило, в конце предложения, что иллюстрируют примеры в проанализированных интервью, то это свидетельствует, мы полагаем, о выражении повышенного интереса к запрашиваемой н о в о й информации, которая, исходя из тема-рематического членения фразы, располагается именно в конце высказывания. В то же время у респондентов

это же самое лексико-грамматическое средство выражения модальности чаще всего перемещается уже в интерпозицию, так как предмет разговора постепенно теряет свою новизну и становится известным двум участникам коммуникации.

Особое внимание в рамках проведенного исследования уделялось тому, в каких типах предложений по цели высказывания были употреблены данные глаголы.

В речи журналистов искомые глаголы применялись исключительно в вопросительных структурах, что было вполне гипотетически прогнозируемо, так как сам жанр интервью-портрета предопределяет выбор именно этого типа предложения по цели высказывания данными участниками коммуникации. Важным представляется установление того факта, что глаголы с дополнительными модальными оттенками в значении встречаются в исследуемом корпусе интервью только в рамках структуры вопросов общего типа: *Is there anything about your career you regret?* (В. Cox, Н. Hancock, I. McCulloch, G. Numan, M. Ball, G. Vick).

В речи респондентов искомые глаголы были употреблены в предложениях, принадлежащих к разным типам по цели высказывания:

а) повествовательные предложения (50) – *Who or what have you sacrificed for your art? – Not much. Until I was about 30, I wasn't required to do much more than turn up. After that, my career got more interesting* (J. Birkin);

б) побудительные (7) – *What advice would you give a young dancer starting out? – Be receptive to your teachers' ideas, and allow yourself to be helped* (C. Acosta);

в) вопросительные (1) – *Who or what have you sacrificed for your art? – My love of science. I majored in electrical engineering at college because I thought I was more likely to get a job as an engineer than as a musician. But, after two years, I looked in the mirror and said, "Hey Herbie, who you trying to kid?" So I switched to music composition* (Н. Hancock).

В целом 60 глаголов с модальной семантикой были употреблены в 58 предложениях, два из которых содержали по 2 подобных глагола, например, *She allows you to see into the inner life of her subjects, which is exactly what I try to do with theatre* (P. Teale), а подавляющее большинство – по 1: *I've often expressed my opinions forcefully; I think perhaps I should have kept them to myself* (В. Cox).

В процессе межличностной коммуникации исследуемые глаголы выражали ряд модальных значений, большинство из которых были реализованы только в речи респондентов. Полученные данные можно систематизировать следующим образом.

- Желание (готовность) что-либо сделать – *willing, try*, например, *What advice would you give a young film-maker? – Try to create a piece of work you have control over. Be willing to give up a certain amount of money for whatever amount of control you can get back* (N. LaBute).

- Усиление/ослабление интенсивности высказывания, смягчение утверждения – *to think*, например, ***Is your work fashionable? – No – I think the most important thing in photography is that your work survives the test of time*** (Rankin).

- Необходимость (обязанность / долженствование) – *to require, to allow*, например, ***The theatre is a physically and emotionally demanding way of life that requires a lot of discipline*** (E. Paige).

Единственным модальным значением, выраженным подобными глаголами и в речи респондентов, и журналистов, является эмоциональная оценка, которая может быть как одобрительной, так и неодобрительной (*regret*), например, ***What's the best advice anyone ever gave you? – An actor once told me not to be afraid to punch someone who really annoys me. I've never had to do it, but I know I won't regret it if I do*** (E. Walsh). Ср. ***Is there any part of your career you regret?*** (L. Barnett, A. Ferry) (табл. 2.)

Т а б л и ц а 2

Модальные значения, выраженные глаголами
с дополнительной модальной семантикой в речи респондентов

Модальное значение	Инвентарь, количество единиц	Модальные слова	Количество употреблений
Желание что-либо сделать	2	<i>willing to try</i>	3 26
Усиление/ослабление интенсивности высказывания	1	<i>to think</i>	19
Необходимость	2	<i>to require to allow</i>	3 6
Оценка одобрительная/ неодобрительная	1	<i>to regret</i>	3
<i>Всего</i>	6		60

В рамках проведенного анализа был учтен и гендерный параметр. Оказалось, что он может влиять на особенности функционирования глаголов данной подгруппы в речи респондентов. В среднем на одного респондента приходится 1,2 глагола с дополнительной модальной семантикой, при этом мужчины употребляют 1,4 глагола, а женщины – 1 слово. Очевидно, что данное средство выражения модальных значений более свойственно мужчинам, чем женщинам (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Показатель средней частоты употребления глаголов
с дополнительной модальной семантикой в речи респондентов

Респонденты	Количество человек	Количество глаголов с модальной семантикой	Показатель средней частоты
Женщины	22	21	1
Мужчины	28	39	1,4
<i>Всего</i>	50	60	1,2

Сравнительный анализ функционирования глаголов с дополнительным модальным значением в речи респондентов и журналистов выявил и такой факт: общее количество употреблений подобных глаголов в речи респондентов в 7,5 раз превышает данный показатель в речи журналистов, при этом представлены они в 6 раз более разнообразными лексическими единицами (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Сравнительный анализ
функционирования глаголов с дополнительным модальным значением

Участники коммуникации	Глаголы с дополнительным модальным значением	
	общее количество употреблений	инвентарь, количество единиц
Респонденты	60	6
Журналисты	8	1

Все выше сказанное позволяет сформулировать следующие выводы.

В жанре интервью-портрет такие глаголы обиходной лексики, как *to allow, to regret, to think, to require, to try u to be willing* могут передавать разные оттенки модальных значений.

Глаголы с дополнительным модальным значением присутствуют в речи как респондентов, так и журналистов, при этом их функционирование в процессе межличностного общения в жанре интервью-портрет имеет как общие черты, так и отличные.

Во-первых, они присущи в первую очередь речи респондента, где они употребляются значительно чаще и способны передавать более разнообразные оттенки модальных значений, как например, желание что-либо сделать, усиление/ослабление интенсивности высказывания, необходимость, оценка одобрительная/неодобрительная.

Во-вторых, структурно они преимущественно употребляются в речи респондента, при этом, в основном, в повествовательных предложениях, чаще всего в интерпозиции, а в речи журналиста – в вопросительных конструкциях и в постпозиции, что, по-видимому, связано с так называемым тема-рематическим членением предложения и выполнением разной коммуникативной роли в рамках письменно зафиксированного диалога.

В-третьих, использование этого дополнительного средства выражения модальности более свойственно речи мужчин, чем женщин.

В-четвертых, можно смело утверждать, что межличностная метафункция может действительно быть выражена обиходными глаголами с дополнительной модальной семантикой, которые способны передавать разные модальные оттенки, нацеленные, в первую очередь, на выражение отношения говорящего к предмету разговора, например, подчеркивание интереса говорящего к личности собеседника и к его мнению на заданную тему, иллюстрацию его эмоционального отношения или оценку предмета разговора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Halliday, M.A.K.* An Introduction to Functional Grammar / M.A.K. Halliday. 3rd ed. – London : Hodder Arnold: Oxford Univ. Press, 2004. – 689 p.
2. *Плеханова, Т.Ф.* Текст как диалог / Т.Ф. Плеханова. – Минск : МГЛУ, 2003. – 251 с.
3. *Nørgaard, N.* Systemic functional linguistics and literary analysis: a Hallidayan approach to Joyce: a Joycean approach to Halliday / N. Nørgaard; Univ. of Southern Denmark studies in linguistics. – Odense: Univ. press of Southern Denmark, 2003. – Vol. 16. – 250 p.
4. *Максимов, А.Н.* Модальность предпочтения и ее выражение в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.Н. Максимов; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2009. – 169 л.
5. *Ляпон, М.В.* Модальность / М.В. Ляпон // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 303–304.
6. *Кошеров, К.К.* Функции категории наклонения в дискурсе : на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / К.К. Кошеров; Ин-т языка и перевода "Лингва". – Алматы, 2007. – 30 с.
7. *Хлебникова, И.Б.* Сослагательное наклонение в английском языке: Теория и практика: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Филология», спец. «Английский язык» / И.Б. Хлебникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Саранск, 1994. – 176 с.
8. *Николаев, Д.В.* Когнитивное основание категории модальных глаголов в современном английском языке / Д.В. Николаев // Язык как функциональная система: сб. ст. к юбилею проф. Н. А. Кобриной / Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р.Державина; отв.ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов, 2001. – С. 109–115.
9. *Зеленщиков, А.В.* Пропозиция и модальность : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / А.В. Зеленщиков. – СПб., 1997. – 243 л.
10. *Михневич, Л.* Модальность как информационный компонент смысла текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л. Михневич; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. – М., 1986. – 24 с.
11. *Беликов, С.В.* Влияние модальных наречий на общую модальность научного текста; на материале английской лингвистической литературы : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С.В. Беликов; Одес. гос. ун-т им. И.И. Мечникова. – Одесса, 1979. – 19 с.
12. Portrait of the artist // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.guardian.co.uk>. – Дата доступа : 2008–2010.

The article deals with the notional verbs that can realize a modal component in their lexical meaning. The analysis that has been carried out on the basis of 50 authentic English interview-portraits shows that this additional modal shade in the meaning is expressed more often in the postposition of questions in the speech of journalists and in the interposition of affirmative sentences in the speech of male respondents, the diversity of modal shades being greater in the words of the latter.

Поступила в редакцию 01.02.12

О ПОЛЕВОЙ СТРУКТУРЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ СИМВОЛА

Статья посвящена анализу формирования символических значений лексических единиц на примере лексемы *espejo* 'зеркало' в испанском художественном тексте. Опираясь на идею о семантическом соотношении символа и многозначного слова, автор отмечает, что лексические значения полисемичного слова устойчивы в процессе его функционирования. Напротив, в символе ЛСВ означаемого закреплены не за конкретным означающим, выражаемым одной лексемой, а за инвариантным образом – обобщенным абстрактным понятием. Специфика символа проявляется в его способности актуализировать смысловые импульсы разной природы на уровне «микросдвигов в значении символа».

В настоящее время в лингвистике укрепилось представление о символе как о сложном знаке, план содержания которого складывается из прямого конкретно-денотативного и абстрактного значений. Некоторые исследователи предлагают различать *языковые* и *речевые* символы [1; 2; 3].

Развивая идею о реализации символа в языке и в речи, И.В. Резчикова предлагает называть культурно-стереотипный инвариант символа *узальной моделью символа (УМС)*, а его индивидуально-авторский вариант – *оказиональной моделью символа (ОМС)* [3, с. 58]. При этом структура УМС должна рассматриваться как «структура многозначного слова, где означающее закреплено за традиционным звукокомплексом, а означаемое – ряд ЛСВ, связанных полисемией» [Там же]. Необходимо отметить функциональность и удобство представления структуры символа в таком виде, поскольку она позволяет обобщить весь спектр значений и толкований, зафиксированных в словарях и энциклопедиях символов.

Сопоставляя структуру языкового символа и структуру многозначного слова, представляется важным обратить внимание на еще одну особенность. Значения многозначного слова, связанные полисемией, относятся к одной лексической единице, которая в процессе функционирования в тексте способна варьировать лишь свои грамматические признаки. Количество значений слова, как и сама лексическая единица, остаются неизменными. В символе, напротив, ЛСВ означаемого закреплены не за конкретным означающим, выражаемым одной лексемой, а за инвариантным образом – обобщенным абстрактным понятием. Означающие символа могут изменяться и выражаться различными лексемами, однако при этом не преобразовывают его исходную семантику, а, как правило, проявляют свою специфику на уровне микросдвигов в значении символа [3, с. 59]. Например, за УМС «*круг* → 1) безграничность (вечность), 2) безысходность, 3) бесконечность, 4) движение» закреплена лексема *круг*, но в художественном тексте символика круга может быть выражена и другими лексемами, содержащими архисему 'окружность': *кольцо, дуга, лента*.

Совокупность лексических единиц, передающих смысловое содержание символа и объединенных общим значением, может быть представлена как своеобразное семантическое поле. В связи с этим распространение получил тезис о *полевой структуре* словесного символа, наиболее полно освещенный в работах И.В. Абрамец [4; 5]. Согласно концепции автора, в полевой структуре символа лексические составляющие подразделяются на *ядерные*, *периферийные* и *интенсификаторы* [4]. *Ядерные* лексемы передают основное значение символа. *Периферийные* лексемы способствуют обогащению и расширению центрального значения за счет введения новых сем. *Интенсификаторы* содержат семы положительной или отрицательной оценки, их основная функция состоит в усилении и насыщении значений символа дополнительными семантическими обертонами.

В настоящей статье ставится цель рассмотреть и проанализировать значения лексических единиц, приобретающих определенную символику, на примере полевой структуры одного символа *зеркало*. Обращение к символике зеркала обусловлено тем фактом, что оно принадлежит к числу «мифологизируемых объектов» (Ю.И. Левин) и является источником целого комплекса ассоциаций, находящих отражение в произведениях разных авторов [6; 7]. Материалом для исследования послужили художественные тексты современного испанского писателя Х. Мариаса и одного из наиболее ярких представителей латиноамериканской литературы XX в. Х.Л. Борхеса. Проведение такого анализа, во-первых, делает возможным установить совокупность лексем (и их значений), используемых для вербализации УМС *зеркало* в испаноязычном художественном тексте. Во-вторых, результаты исследования позволяют выявить окказиональную модель символа *зеркало* и таким образом сделать выводы о языковых особенностях идиостилей обоих авторов.

Опираясь на данные ряда словарей и энциклопедий символов, в структуре УМС *зеркало* можно зафиксировать следующие значения: 1) отражение; 2) мышление; 3) противоречие; 4) двойник; 5) глаза, сердце – зеркало души; 6) жизнь как неустойчивость; 7) истина [8; 9; 10; 11].

Методом сплошной выборки из текстов были отобраны 189 контекста, в которых реализуется УМС *зеркало*. Основным лексическим средством экспликации УМС *зеркало* в испаноязычном художественном тексте является лексема *espejo* ‘зеркало’ (168 словоупотреблений) и встречается в самых разнообразных контекстах. В толковом словаре DRAE лексема *espejo* в денотативном значении соотносится с понятиями природных стихий и элементов: вода, лед, металл (например, сталь [12, с. 893]), объединяемых общей способностью отражения объектов. Как показывает проведенный анализ, в произведениях Х. Мариаса доминирует употребление лексемы *espejo* в прямом денотативном значении ‘отражение предметов’, без дополнительной смысловой нагрузки. При этом во многих контекстах акцентируется разнообразие формы и размера зеркала (‘большой’ – ‘маленький’), например: *espejo de cuerpo entero* ‘зеркало в полный рост’, *espejito* ‘зеркальце’, *espejo de*

medio cuerpo ‘полуростовое зеркало’, *espejo de mano* ‘карманное зеркало’. Напротив, в текстах Х.Л. Борхеса лексема *espejo* широко используется в переносном значении. Реальные и воображаемые зеркала у Борхеса дают как прямое, так и опосредованное отражение действительности. Об этом свидетельствует использование лексемы *espejo* в различных словосочетаниях, обозначающих материальное воплощение зеркала (*espejo de metal* ‘зеркало металла’, *espejo de caoba* ‘зеркало красного дерева’, *espejo de agua* ‘водное зеркало’), где эта лексема приобретает дополнительные качественные характеристики метафорического плана.

Однако по мере удаления от денотативного значения лексема *espejo* обогащается различными коннотациями и импликациями. Эти импликации извлекаются не из исходных значений УМС *зеркало*, а проявляются либо благодаря соответствующей прототипической ситуации, реализующей общую идею символа, либо благодаря способностям слова сочетаться с другими лексемами. Например, наличие в семантической группе с ядерной лексемой *espejo* интенсификаторов, выраженных прилагательными *monstruoso* ‘ужасный’, *abominable* ‘отвратительный’ и глаголами *asechar* ‘подстергать’, *deformar* ‘искажать’, *multiplicar* ‘умножать’, способствует актуализации сем отрицательной, пейоративной оценки в контекстных словоупотреблениях.

La tierra que habitamos es un error, una incompetente parodia. Los espejos y la paternidad son abominables porque la multiplican y la afirman [BJL]. – *Земля, на которой мы живем, это просто ошибка, неумелая пародия. Зеркала и деторождения отвратительны, ибо умножают и укрепляют эту ошибку* [БХЛ, т. 1, с. 162]. Значение лексемы *espejo* в рассказе Х.Л. Борхеса «El tintorero enmascarado Hákim de Merv» («Хаким, красильщик из Мерва в маске») может быть сформулировано как «безжалостное отражение» действительности сквозь призму зеркала, которое подчеркивается многократным употреблением в тексте интенсификатора – прилагательного *abominable* ‘отвратительный’. В этом же значении лексема *espejo* употребляется и в рассказе Х.Л. Борхеса «Tlön, Uqbar, Orbis Tertius» («Тлен, Укбар, Орбис Терциус»). При этом в тексте продолжают сохраняться прилагательные *monstruoso*, *abominable*, а значение безжалостного отражения мира усиливается ввиду замены нейтральной лексемы *paternidad* ‘деторождение’ на уничижительную *cópula* ‘совокупление’. *Descubrimos (en la alta noche ese descubrimiento es inevitable) que los espejos tienen algo monstruoso. Entonces recordó que uno de los heresiarcas de Uqbar había declarado que los espejos y la cópula son abominables, porque multiplican el número de los hombres* [BJL-2, с. 11]. – *Мы обнаружили (поздней ночью подобные открытия неизбежны), что в зеркалах есть что-то жуткое. Тогда он (Биой Касарес) вспомнил, что один из ересиархов Укбара заявил: зеркала и совокупления отвратительны, ибо умножают количество людей* [БХЛ, т. 1, с. 297].

В семантической группе с ядерной лексемой *espejo* семы ужаса, страха, изобличения особенно характерны для глагольных словосочетаний: *temer el espejo*, *sentir miedo del espejo* ‘бояться зеркала’, *alarmar el espejo* ‘тревожить,

беспокоить (о зеркале)’, которые в стихотворении «Los espejos» («Зеркала») подчеркивают внутреннее состояние героя, его страх и паническую боязнь зеркал: *Yo que sentí el horror de los espejos / no sólo ante el cristal impenetrable / donde acaba y empieza, inhabitable, un imposible espacio de reflejos* [ВЛР, с. 117]. – Я, всех зеркал бежавший от рожденья: / И ясной амальгамы, за которой – / Начала и концы того простора, / Где обитают только отраженья [БХЛ, т 3, с. 45].

В романе Х. Мариаса «Corazón tan blanco» («Белое сердце») использование интенсификаторов, содержащих семы отрицательной оценки (*ensombrecido* ‘потемневший’ и *mal iluminado* ‘плохо освещенный’) и концентрация лексики определенного плана в самом тексте (*malestar* ‘беспокойство’, *desastre* ‘беда’, *pesimismo* ‘пессимизм’) способствуют выдвиганию на первый план в семантической структуре лексической единицы *espejo* семы зловещего, мрачного отражения. В приведенном ниже фрагменте речь идет о том, как главный герой романа Хуан, переводчик-синхронист при ООН, случайно подслушивает разговор девушки, побуждающей возлюбленного расправиться со своей женой. Здесь лексема *espejo* реализует окказиональное символическое значение ‘предзнаменование несчастья’. *Aquella conversación espía estaba agudizando mi sensación de desastre, y de pronto me miré a propósito en el espejo mal iluminado que tenía delante. <...> Al otro lado, más allá del ensombrecido espejo, había otro hombre con quien una mujer me había confundido desde la calle y que tal vez, por tanto, guardaba conmigo cierta semejanza, podía ser un poco más viejo, por eso o por lo que fuera llevaría casado más tiempo, el suficiente, pensé, para querer la muerte a su esposa, para empujarla a ella, como había dicho* [МЭС, с. 56]. ‘Подслушанный мною разговор обострил предчувствие беды, и я вдруг осознанно посмотрел на себя в висевшее напротив плохо освещенное зеркало. <...> За стеной, за потемневшим зеркалом находился другой мужчина, за которого с улицы меня приняла женщина, и поэтому, должно быть, у него было некоторое сходство со мной. Вероятно, он был старше меня, и именно поэтому или по какой-то иной причине был женат дольше, чем я. Достаточно, чтобы начать желать смерти своей жене, подталкивать ее к краю, как он сам сказал’ (перевод наш. – Т.С.).

Наряду с интенсификаторами отрицательной оценки в семантическую сферу символа *зеркало* входят лексемы, эксплицирующие значения ‘образец’, ‘модель’. Рассмотрим пример актуализации значения ‘модель (поведения)’ у лексем *espejo* в рассказе Х. Мариаса «Espejo de mártir» («Пример мученика») [МЭС]. Уже само вынесение лексем *espejo* в заглавие этого произведения, что является средством проспективного развертывания текста, своеобразного взгляда вперед, подтверждает символичность его употребления. Через лексему *espejo* осуществляется ассоциативная компрессия информации, сконцентрированной во всем тексте, в более компактную единицу, имплицитную семантику текста, и одновременно дается ее оценка. В рассказе речь идет о том, что главный герой, капитан французской армии Лувет, принимая участие в Бородинской битве, совершает героический поступок и первым атакует русские войска. Однако его поступок расценивают как предатель-

ство, как попытку перейти во вражеский лагерь в самый разгар военных действий, и капитана Лувета расстреливают. Опираясь на контекст произведения и словарную дефиницию лексемы *espejo* «Modelo digno de estudio e imitación» ‘Пример, образец, достойный изучения и подражания’ [12, с. 893], отметим, что данная лексическая единица употребляется в значении ‘модель’, ‘образец’, которое актуализируется в результате метафорического сдвига (физический объект – абстрактное понятие). Вместе с тем лексема *espejo* приобретает способность входить в семантическую группу с лексическими единицами со сходным значением: *modelo* ‘модель’, *ejemplo* ‘образец’, *copia* ‘копия’, *imitación* ‘имитация’, *prototipo* ‘прототип’. Сама лексема *espejo* не содержит оценочного компонента. Семы эмоционального состояния (одухотворенность, страстность главного героя, его эмоциональное неприятие бездействия) актуализируются в словосочетании *espejo de mártir* благодаря вхождению в его состав лексемы *mártir* ‘мученик’.

Нельзя не упомянуть тот факт, что зеркало может сохранять однажды отразившийся в нем образ и выступать как модель памяти. На это свойство зеркала эксплицитно указывается в вышеупомянутом рассказе Х.Л. Борхеса «Plön, Uqbar, Orbis Tertius» («Глен, Укбар, Орбис Терциус»). В этом произведении в структуре лексемы *espejo* выявляется новый семантический компонент ‘модель, аналог памяти’, что подтверждается употреблением лексемы *recuerdo* ‘воспоминание’. *Algún recuerdo limitado y menguante de Herbert Ashe, ingeniero de ferrocarriles del Sur, persiste en el hotel de Adrogué, entre efusivas madre selvas y en el fondo ilusorio de los espejos* [BJL-2, с. 14]. – *Какое-то слабое и угасающее воспоминание о Герберте Эше, инженере, служившем на Южной железной дороге, еще сохраняется в гостинице в Адроге, среди буйной жимолости и в мнимой глубине зеркал* [БХЛ, т. 1, с. 300]. В данном контексте символическое значение лексемы *espejo* усложняется за счет его обогащения новыми семами бесконечности, иллюзорности, содержащимися в интенсификаторе *ilusorio* ‘обманчивый, нереальный’.

Дальнейшая реализация УМС *зеркало* осуществляется в результате замены лексемы *espejo* его контекстуальными синонимами. Эти лексемы также семантически связаны с УМС *зеркало*, в то же время они актуализируют дополнительные импликации, которые принадлежат к периферии поля, и служат для выражения прагматического замысла автора, т.е. для эмоционального воздействия на читателя.

Наиболее частотными лексическими эквивалентами в текстах Х.Л. Борхеса являются периферийные лексемы: *crystal* ‘стекло, зеркало’ (21 словоупотребление), *sueño* ‘сон’ (17 словоупотреблений), *agua* ‘сон’ (6 словоупотреблений). К примеру, в стихотворении Х.Л. Борхеса «Arte poética» («Искусство поэзии») появляется новый совмещенный образ *arte poética–espejo* ‘поэтическое искусство-зеркало’. Объединение именно таких лексем актуализирует во втором из них значения УМС *зеркало* ‘точность’, ‘правдивость’, ‘истинность’, так как подлинное искусство у Борхеса служит средством, определяющим ценность/антиценность человеческих поступков. *A veces en las tardes una cara / nos mira desde el fondo de un espejo; / el arte debe ser como ese espejo /*

que nos revela nuestra propia cara [ВЛР, с. 150]. – По вечерам порою чьи-то лица / Мы смутно различаем в зазеркалье. / Поэзия и есть то зазеркалье, / В котором проступают наши лица [БХЛ, т. 3, с. 68]. Следует уточнить, что в оригинальном тексте используется лексема *espejo*, тогда как приведенный вариант перевода направляет читателя к другим ассоциациям, вызывающим в памяти прецедентный текст Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье».

Употребление лексемы *espejo* в значении ‘истинность’, эксплицируемое сравнительным оборотом *el arte debe ser como espejo que nos revela nuestra propia cara* ‘поэтическое искусство, может быть, и есть то зеркало, которое нам показывает наше истинное лицо’, приобретает явно оценочный характер, поскольку зеркальное отражение, как и поэтическое искусство, может быть реалистичным либо сознательно деформирующим действительность. Многозначным в данном четверостишии оказывается и лексема *cara* ‘лицо’. С одной стороны, оно употребляется в прямом значении ‘передняя часть головы’, с другой – реализует фразеологически связанное значение ‘сущность, внутреннее содержание’, проявляющееся в испанском фразеологическом сочетании *decirselo la cara* ‘показать свое истинное лицо’ [12, с. 789]. Таким образом, в тексте Борхеса возникает новый принцип отражения сквозь призму искусства, создающийся на пересечении метафорических и метонимических трансформаций лексических единиц *espejo, arte poética, cara*.

В стихотворении того же автора «Sueña Alonso Quijano» («Сон Алонсо Кихано») контекстуальным синонимом *espejo*, сохраняя его значение ‘отражение’, выступает лексема *sueño* ‘сон, сновидение’, так как безмолвность, неосвязаемость отражения также может ассоциироваться со сновидениями.

El hidalgo fue un sueño de Cervantes / Y Don Quijote un sueño del hidalgo. / El doble sueño los confunde y algo / está pasando que pasó mucho antes [ВЛР, с. 404]. – Сервантесу он снился, вслед за этим / Ему, Кихано, снился Дон Кихот. / Два сна смешались, / и теперь встает сновиденье третьим [БХЛ, т. 3, с. 185]. Синтаксический параллелизм двух первых строк усиливает семантическое сходство, включающее в себя элемент градации (*Cervantes* ‘Сервантес’ – *Alonso Quijano* ‘Алонсо Кихано’ – *Don Quijote* ‘Дон Кихот’), представленной как цепочка грезящих друг о друге автора и его персонажей. Градация прецедентных имен *Cervantes – Alonso Quijano – Don Quijote*, актуализирующая прецедентный текст, создает систему многократных отражений, которая развивается до бесконечности, причем в обе стороны.

Интересный пример развития символического значения ‘отражение’ можно обнаружить в романе Х. Мариаса «El siglo» («Век»), где означаемое УМС *зеркало* выражается лексемой *lago* ‘озеро’, количество повторений которого в тексте достигает 11 словоупотреблений. Во-первых, выбор именно этой лексемы продиктован наличием архисемы ‘отражение’ в семантическом фоне. Во-вторых, вхождение лексем *lago* и *espejo* в одно семантическое поле вполне оправдано, так как в словаре символов Х.Э. Керлота символ *озеро* также передает значение *зеркала* – «отражение находящихся перед ним пред-

метов» [8, с. 356]. Символический характер употребления слова *lago* подтверждается и расширяется за счет включения в данный фрагмент лексических единиц *empañado* ‘затуманенное’, *difuminado* ‘размытый’, *contorno* ‘очертание’, связанных с воспроизведением изображения и содержащих семы нечеткости, размытости отражаемого субъекта. Кроме того, фигурирование лексемы *lago* в единой семантической группе позволяет вычленить у лексемы *espejo* дополнительные семы самосозерцания, размышления, так как озеро не только выполняет функцию зеркала и дает подлинное отражение объекта, но и стимулирует к самосознанию, рефлексии. *Será ese lago sin duda lo último en mirarme, y lo único que ignoro es el aspecto con que sus aguas se me ofrecerán el día. Yo las prefiero como espejo empañado, cuando se muestran benévolas y sólo reproducen mis facciones difuminadas, sólo el contorno, la mancha blanca, lo esencial nada más* [MJS, с. 19]. ‘Несомненно, это **озеро** будет последним, в котором я буду **отражаться**; единственное, что мне неизвестно, каким его **воды** меня покажут в тот день. Я хотел бы, чтобы они были как **затуманенное зеркало**, чтобы они были снисходительны ко мне и отражали только мои размытые черты лица, только очертания, белое пятно, самое главное и ничего больше’ (перевод наш. – Т.С).

Итак, проведенное исследование произведений Х.Л. Борхеса и Х. Мариаса наглядно демонстрирует некоторые особенности реализации узуальной модели символа *зеркало*, характерные для идиостилей обоих авторов, и позволяет выявить развитие окказиональных значений. Анализ структуры семантического содержания символа указывает на сходство со структурой семантического поля, которое проявляется в наличии общего символического значения и лексических единиц, приближенных к ядру или периферии поля. В текстах Х. Мариаса превалирующим является употребление ядерной лексемы *espejo*, выражающей символику зеркала, в основном значении ‘отражение’, без дополнительной семантической нагрузки. В то же время в структуре символа *зеркало* благодаря вхождению в его семантическую сферу других лексем актуализируются потенциальные значения или выявляются новые. Например, у ядерной лексемы *espejo* появляются значения ‘предзнаменование несчастья’, ‘образец, модель’ (поведения), у периферийной *lago* – ‘размышление’, ‘самосознание’. У Х.Л. Борхеса символика зеркала активно используется во многих произведениях. Об этом свидетельствуют прежде всего полученные нами количественные данные контекстов, в которых реализуется символ *зеркало*: 144 контекста – у Х.Л. Борхеса, и 45 контекстов – у Х. Мариаса. Употребление лексем, выражающих символику зеркала, выходит за рамки основного значения, на первый план выдвигаются переносные значения, которые становятся абстрактно-символическими. Так, использование интенсификаторов оценки и лексем, не связанных напрямую с основным значением, в текстах Х.Л. Борхеса усложняют содержание символа *зеркало*, расширяют спектр его значений и насыщают различными семантическими обертонами: ‘подлинное, беспристрастное отражение’, ‘модель’ (памяти), ‘истинность’, ‘правдивость’. В то же время сложность содержа-

тельной стороны символа соответствует разнообразию его плана выражения, что четко прослеживается в художественной практике Х.Л. Борхеса. В семантическую сферу символа *зеркало* кроме ядерной лексемы *espejo* вовлекаются как периферийные лексемы *espejo, cristal, agua, sueño*, так и интенсификаторы, которые, вступая в отношения с ядерными, служат для усиления значения и большей эмоциональной выразительности: *abominable, monstruoso, asechar, multiplicar*.

Таким образом, семантический потенциал символа составляют как узуральные, так и окказиональные значения. Последние возникают на базе архетипических и культурно-стереотипных ассоциаций, связанных с символом, в субъективно-авторской интерпретации мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шелестюк, Е.В. Символ versus троп : Сравнительный анализ семантики / Е.В. Шелестюк // Филологические науки. – 2004. – № 6. – С. 50–58.
2. Москвин, В.П. Символ / В.П. Москвин // Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: Терминологический словарь. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Ростов н/Д : Феникс, 2007. – С. 677–686.
3. Резчикова, И.В. Типы лексико-семантической трансформации символа в поэтическом тексте / И.В. Резчикова // Филологические науки. – 2004. – № 4. – С. 58–66.
4. Абрамец, И.В. К понятию символического ряда в лирике Ал. Блока / И.В. Абрамец // Вопросы стилистики русского языка. – Самарканд, 1981. – С. 19–29.
5. Абрамец, И.В. Символ «Круг» в лирике Александра Блока / И.В. Абрамец // Филологические науки. – 1984. – № 6. – С. 64–69.
6. Левин, Ю.И. Зеркало как потенциальный семиотический объект / Ю.И. Левин // Поэтика. Семиотика: избр. тр. – М. : Языки рус. культуры, 1998. – С. 559 – 577.
7. Топоров, В.Н. Метафора зеркала при исследовании межъязыковых и этнокультурных контактов / В.Н. Топоров // Славяноведение. – М. : 1997. – №1. – С. 4–8.
8. Керлот, Х.Э. Словарь символов / Х.Э. Керлот / пер. Н.А. Богун [и др]. – М. : REFL-book, 1994. – 603 с.
9. Жюльен, Н. Словарь символов : Ил. справ. / Н. Жюльен; пер. с фр. – Челябинск : Урал, 1999. – 497 с.
10. Тресиддер, Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер; пер. с англ. – М. : Изд-во. Торг. дом «Гранд» : Фаир-пресс, 2001. – 443 с.
11. Энциклопедический словарь символов / авт.-сост. Н.А. Истомина. – М. : ООО «Изд-во АСТ» : ООО «Изд-во Астрель», 2003. – 1056 с.
12. Diccionario de la Lengua Española : en 2 t. / Real Academia Española. – 21-a ed. – Madrid : ESPASA, 2000. – Т. 1. – 1077 p.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- BJL – *Borges, J.L.* El tintorero enmascarado Hakim de Merv / J.L. Borges // Borges [Recurso electrónico]. – 2008. – Modo de acceso: <http://archivosborges.blogspot.com/2008/01/el-tintorero-enmascarado-hkim-de-merv.html>. – Fecha de acceso: 03.01.2012.
- BJL-2 – *Borges, J.L.* Tlön, Uqbar, Orbius, Tertius / J.L. Borges // Ficciones. – Barcelona : Círculo de lectores, S.A., 1982. – P. 11–29.
- BJLP – *Borges, J.L.* Poesía completa / J.L. Borges. – Barcelona: Lumen, 2011. – 654 p.
- MJC – *Marías, J.* Corazón tan blanco / J. Marías. – Madrid : Grupo Santillana de Ediciones, S.A., 2004. – 379 p.
- MJE – *Marías, J.* Espejo de mártir / J. Marías // Mientras ellas duermen. – Madrid : Grupo de Santillana, S.A., 2000. – P. 53–83.
- MJS – *Marías, J.* El siglo / J. Marías. – Madrid : Litografía Rosés, S.A., 2004. – 302 p.
- БХЛ – *Борхес, Х.Л.* Сочинения : в 3 т. / Х.Л. Борхес. – 2-е изд., доп. – М. : Полярис, 1997. – Т. 1: Эссе, новеллы. – 606 с.; Т.3: Стихотворения. Устные выступления. Интервью. – 606 с.

The article presents a comparative study of symbolic meanings on the base of the lexical units which occur in J. Marias' and J.L. Borges' literary texts. A symbol can be characterized as a linguistic sign with a hierarchy of meanings, where the direct meaning constitutes the first layer of sense and serves as a basis for the indirect meaning. In the article the author focuses on the problem of selecting meanings from the semantic structure of a symbol.

Поступила в редакцию 03.02.12

Н.В. Сокольчик

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ КЛАССА МЕЖДОМЕТИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья представляет собой попытку ограничения класса междометий от схожих языковых образований, которые могут отождествляться с ними по различным признакам. В лингвистической традиции к данному классу относились такие единицы как звуко-подражания, частицы, конвенциональные формулы, дискурсивные маркеры, ругательства и прочие экспрессивные средства языка. В данной статье внимание сосредоточено на специфических признаках междометий французского языка, критериях разграничения и вхождения в общий класс, ядром которого являются первичные эмотивные междометия.

Для определения границ и описания *междометий*, уточнения их положения в системе общего класса как части речи необходимо изучить и сопоставить схожие и различные языковые образования и исключить те, которые не соответствуют специфическому признаку – указывать на текущее эмоциональное состояние говорящего. Несмотря на то, что этот класс

занимает важное место в языке, являясь необходимой составляющей устной коммуникации, как категория он остается до настоящего времени «плохо определенной и плохо описанной, на границе грамматики и лексики»: «*catégorie mal définie et mal circonscrite, aux confins de la grammaire et du lexique*» [1, p. 106].

В то же время, будучи единицами языка, междометия используются в соответствующих речевых ситуациях исключительно для передачи субъективных настроений и чувств говорящего: тот факт, что эти единицы фиксируются в словарях, является доказательством конвенциональности их употребления: говорящий не стал бы передавать свои переживания теми способами, которые непонятны адресату или социуму. Междометиям свойственны спонтанность употребления, достаточный объем экспрессивности и тесная связь с субъектом речи, что позволяет квалифицировать их как речевые знаки.

Отсутствие единого критерия определения состава междометий затрудняет их разграничение. По этой же причине в лингвистической литературе фиксируется «терминологический плюрализм» для обозначения разных аспектов выражения эмоций в языке и речи: *interjections* (междометия), *onomatopées* (звукоподражания), *exclamations* (восклицания), *cris* (выкрики), *formules* (формулы), *jurons* (ругательства), *marqueurs métadiscursifs* (дискурсивные маркеры).

Дифференциация единиц класса междометий возможна лишь при соблюдении четко определенных критериев. Поэтому, принимая во внимание объект исследования, при анализе эмотивных междометий используются предложенные В.Г. Гаком частеречные критерии: семантический, морфологический и синтаксический [2, с. 92]. Отправной точкой анализа и общекатегориальными критериями этой части речи предлагается считать следующие:

1) категориально-семантический – наличие индексально-эмотивного значения – указания на эмоциональное состояние говорящего как его потребности выразить в момент речи свое душевное переживание;

2) формально-морфологический – односоставность и аморфность, свойственные, прежде всего, первичным междометиям, образованным в результате транслитерации рефлкторных эмоциональных выкриков человека;

3) функционально-синтаксический – синтаксическая изолированность и интонационно-графическая оформленность восклицательным знаком как способность занимать позицию отдельного предложения.

Данные критерии позволяют ограничить номенклатуру ядра класса междометий: первичные эмотивные междометия (*Ah! Aïe! Bah! Beurk! Vof! Bouh! Eh! Ha! Hein! Hélas! Hi! Ho! Hou! Hum! Oh! Ouaouh! Ouf! Ouille! Peuh! Pff! Pouah! Zut!*). Единицы, которые не соответствуют хотя бы одному из вышеуказанных частеречных признаков, относятся к периферии и квалифицируются как *междометные единицы (МЕ)*.

Помимо первичных, традиционно выделяются вторичные междометия, возникшие в результате конверсии других частей речи. В соответствии с формально-морфологическим критерием их следует отнести

к ближайшей периферии класса. В связи с этим возникает вопрос о степени десемантизации части речи: можно ли считать междометием только полностью десемантизированную единицу, или любая экспрессивная разговорная реплика может квалифицироваться как междометие, например: *La vache! Charlotte aurait pu programmer la sonnette du réveil!* [А-МР, р. 35].

А. Вежбицка предлагает относить к междометиям лишь те части речи, лексическое значение которых не находит отражения в толковании [3, с. 618]. При таком «жестком» подходе к десемантизации вторичными междометиями считаются единицы, которые при выражении эмотивного значения утратили свое лексическое значение: *Tiens! tu es déjà rentré?* [НВ, р. 237]. Вторичное междометие, выражающее удивление *Tiens! (Hado же!)*, как и *Ça alors! tu es déjà rentré?*, может быть заменено (без преобразования эмотивного значения) первичным междометием: *Ah! tu es déjà rentré?* В таком случае вторичное междометие находится на ближайшей к ядру периферии класса междометий.

С природой вторичных междометий тесно связан термин восклицание (exclamation). По Г. Гийому, любая языковая единица может стать восклицанием в соответствующем контексте (*Tableau! – Картина!*), в котором векторная направленность экспрессивности на сам объект обуславливает появление отдельного предложения – высказывания [4, с. 88]. Определяющим фактором отнесения подобного ситуативного восклицания к вторичным междометиям является его фиксация в словаре. Статус междометия получают те единицы, в словарной статье которых обязательно указаны конкретные эмоции человека, подлежащие выражению в речи при употреблении: «*Diable!* int. Exclamation qui marque la surprise, l'étonnement admiratif ou indigné» (Le Petit Robert 2006) – одно из значений лексической единицы *diable* – выражать эмоцию восторженного или негативного удивления, являясь при этом восклицанием и вторичным междометием. Поскольку в ситуации употребления восклицания *Tableau!* вектор экспрессивности направлен на сам объект, а не на эмоциональное состояние говорящего, то отнести его к междометиям оказывается невозможным.

Часто с междометиями отождествляется такой класс единиц как звукоподражания (ономатопеи): *bang, dring, broom, flop, plouf* etc. Несмотря на свое морфофонологическое сходство звукоподражания и первичные междометия расходятся в силу их различного семиотического статуса. Первые логично соответствуют искусственно мотивированному знаку – иконе, непосредственно референтному к действительности (звукам окружающего мира), в то время как первичные эмотивные междометия как индексы референтны к эмоциональному состоянию говорящего. На этом основании звукоподражания квалифицируются как отдельный класс единиц, призванный воспроизводить звуки реальной действительности средствами конкретного языка.

Л.Теньер относит звукоподражания к так называемым репрезентативным единицам, отражающим явления окружающего мира: говорящий лишь имитирует реальную действительность, не выражая к ней своего отно-

шения [5, с. 113]. По мнению же Е.Ю. Кустовой, они представляют собой не простую презентацию звуков реальной действительности, а в равной мере выполняют экспрессивную функцию, воздействуя на собеседника: *Ah! l'eau! la bonne eau! Les premières gouttes qui glissent en serpents minces – zzz...* [6, с. 83]. Действительно, звукоподражание способно придавать высказыванию экспрессивный оттенок в определенных речевых ситуациях, например: *Maintenant qu'il avait une très belle situation, et elle des rides autour des yeux, plouf!... il la laissait tomber, comme un déchet industriel dans une décharge* [N de B, p. 168]. *Plouf!* передает звук падения (некоего объекта в воду), но в данном высказывании речь идет о жене, с которой мужчина разводится и (*Plouf!*) «бросает» ее как промышленный (отработанный) отход (*un déchet industriel*). В таком использовании имеет место метафоризация звукоподражательной единицы (*Plouf!*), благодаря чему выражается неодобрительное отношение Николь к поступку мужа ее подруги.

В лингвистике нередко отождествляются термины *экспрессивность* и *эмоциональность*. Однако следует отметить, что эмоциональность есть составляющая интенции говорящего, в то время как экспрессивность является результатом переносного значения языковой единицы. В случае закрепления экспрессивности в словаре можно говорить о приобретении единицей эмотивного значения: «*Taratata* – int. et onom. 1. Interj. qui marque le dédain, l'incrédubilité, le doute; 2. Onomat. Imite le son d'un instrument à vent, clairon ou trompette; le bruit de la mitrailleuse» (TFLi) – данное звукоподражание не только имитирует звуки духового инструмента, передает звуки автомата, но и выражает недоверие, сомнение. В связи с этим становится возможным пересечение класса звукоподражаний и междометий с образованием на их (уже совместной) периферии *звукоподражательных МЕ*.

Необходимым параметром междометий становится активность говорящего при выражении его внутреннего настроения. В этом плане логично обратиться к собственно экспрессивной лексике – ругательствам. По Э. Бенвенисту, ругательство (*jugon*) – это слово, вырывающееся у говорящего под давлением внезапного и резкого проявления нетерпения или ярости: ругательству не свойственна референция ни к собеседнику, ни к третьему лицу; оно не передает никакого сообщения, не начинает диалога и не подразумевает ответа [7, p. 254–257]: *bordel! diantre! diable! bordel de merde! merde! mince! pourquoi diable! putain!*

Как известно, для говорящего, употребляющего в своей речи данные лексические единицы, характерно состояние злобы, гнева и прочих негативных эмоциональных состояний, вызванных внешними либо внутренними факторами: *Bordel de merde! s'exclama-t-elle, neuf mois que je vis dans cet appartement et il commence déjà à se dégligner!* [КР, p. 334]; – *Mince! J'ai oublié de lui renvoyer sa clé! Je vais le faire tout de suite* [КР, p. 638]. Однако ругательства способны выражать согласно дефинициям словарей не только отрицательные, но и положительные эмоции говорящего: анализ распространенного ругательства *merde* (наибольшее количество эвфемизмов – *merde! = merdre! / miel! / mince! / mercredi!*) показывает, что его исполь-

зование в значениях удивления (*étonnement*), восхищения (*admiration*), приятной неожиданности (*surprise*) переводит это ругательство в разряд периферийных–*бранных* МЕ.

Их онтологическая природа свидетельствует об отсутствии намеренного характера проявления эмоционального состояния, употребление в речи обусловлено внезапно сложившейся ситуацией и не имеет целью коммуникацию с собеседником: *Quand elle arriva au MHAUT et au RV qui devenait Hervé, il s'exclama «Putain!» en traînant sur la première syllable et en frappant son bureau du plat de la main* [КР, р. 596] – молниеносная реакция полицейского, ведущего расследование серийных убийств. От осознания того, что он упустил возможность расшифровать раньше аббревиатуру *RV* как имя собственное *Hervé*, что способствовало бы более быстрому расследованию. Полицейский не смог сдержать своего удивления: идея Жозефины оказала такой эффект, что вызвала у него невольное *Putain!*, которое указывает не только на негодование на самого себя, но и на радость от появления новой детали в деле. Таким образом, в бранных единицах экспрессивность «переплетается» с эмоциями говорящего.

Ругательства как интенция говорящего, его намерение воздействовать на собеседника с целью оскорбить (инвективная лексика) или выразить свое негативное (оценочное) отношение к нему или к ситуации в целом составляют ядро отдельного класса (ругательства) и не относятся к собственно междометиям: *Et cette chaleur, bordel! Pourquoi ils auraient jamais les fenêtres?* [АГ, р. 162]. Те из них, которые имеют положительные эмотивные значения помимо негативных, должны квалифицироваться как бранные МЕ, находящиеся на периферии класса междометий.

Как было сказано, интенция говорящего выполняет немаловажную роль в классификации междометных единиц: традиционные побудительные междометия предполагают наличие адресата и включают намерение говорящего воздействовать на него. Их ядро состоит из *побудительных* и *призывных формул*, лишенных эмотивного значения. При наличии эмотивного значения, зафиксированного в словаре, и в зависимости от интенции говорящего следует различать *императивные* (выразить приказ, волю с целью побудить собеседника к действию или прекращению действия – *debout! assez!*) и *апеллятивные* междометные единицы (привлечь внимание собеседника – *hep! hello!*), которые квалифицируются одновременно как периферический отдел класса междометий. Отдаленную от междометий периферию класса призывных формул составляют специфические выкрики (*cris*) – команды в адрес животных: *dia! (no!) taiaut! (amy!)* или людей: *fixe! (смирно!)*.

Исходя из категориально-семантического критерия, к междометиям не относятся и конвенциональные единицы, выполняющие регулятивную или связующую функцию в речи. Этот класс представлен, прежде всего, дискурсивными маркерами (коннекторами, логическими связками, дискурсивными частицами), основным назначением которых является связующая (организующая) функция.

Несмотря на способность этих единиц употребляться как самостоятельное высказывание, выражающее «отношение говорящего к адресату речи» [8, с.83], а также их морфологическое сходство с междометиями (*bon, c'est-à-dire, enfin, ok, ben, là* etc), маркеры относятся к отдельному классу единиц, поскольку референтны к адресату и к ситуации общения, в которой выполняют регулятивную функцию: *Allons! Qu'as-tu à me dire? Cela ne te ressemble pas de tourner autour du pot* [НВ, р. 157] – в этой речевой ситуации Психимора призывает к общению сына, и маркер *Allons!*, выполняя фатическую функцию, инициирует его ответную реплику вступления в коммуникацию.

По мнению Л. Теньера, логические единицы (дискурсивные маркеры) «выражают чисто интеллектуальное понятие, без всяких признаков эмоций» [5, с. 113], т.е. они служат лишь как связующие элементы речи говорящего. Такие единицы должны относиться к дискурсивным частицам как отдельной части речи (Матько, 2008).

Однако в ситуациях выражения дискурсивным маркером дополнительной экспрессивности, т.е. при условии, что они передают эмоции говорящего, а не выполняют связующие функции в дискурсе, логические маркеры могут располагаться на периферии класса междометий как *дискурсивные* междометные единицы, например: – *Je n'éprouve plus le moindre sentiment à ton égard. – Eh bien! C'est parfait! Au moins, les choses seront claires maintenant* [КР, р. 515] – помимо желания прервать общение с матерью Жозефина испытывает злобу и обиду на отсутствие у собственной матери чувств к ней, на что указывает *дискурсивная* междометная единица.

Помимо дискурсивных маркеров выделяются также этикетные формулы – конвенциональные единицы, основная функция которых заключается в установлении и завершении контакта, а также в выполнении этикетных норм говорящими: *bonjour! salut! merci! au revoir!* Такие единицы могут также указывать и на текущее эмоциональное состояние говорящего в определенных условиях: *Tiens, il me tutoie? Oh! quelle gifle... MERCI!* [А.-М.Р, р. 15]. Этикетная формула *Merci* в данной ситуации не имеет никакого отношения к намерению выразить благодарность, а служит для передачи отрицательных эмоций говорящего, который мысленно злится на собеседника.

Таким образом, конвенциональные единицы, представленные дискурсивными маркерами и этикетными формулами, расположены вне границ класса междометий, а дискурсивные маркеры входят в состав отдельной части речи – дискурсивных частиц. Если же за некоторыми из них в словаре закрепляется со временем эмотивное значение для выражения текущего состояния говорящего, их следует отнести к периферийным *дискурсивным* и *этикетным междометным единицам*.

Анализ различных типов междометных единиц и эмотивных междометий подтвердил общий тезис о размытости границ лексико-грамматических классов: «les classes grammaticales ont des frontières floues» [9, р. 4].

Историческое многообразие терминов, используемых при разных подходах к изучению класса междометий вообще, подтверждается сложностью интерпретации этих единиц, в первую очередь, на синтаксическом уровне.

К собственно междометиям как ядру класса следует отнести первичные междометия, выражающие эмоциональные реакции говорящего в изолированном предложении, оформленном восклицательным знаком.

Каждый тип периферийных междометных единиц входит в свой онтологический класс единиц, находящийся за пределами междометий, в котором, безусловно, имеется свое ядро и периферия. В результате анализа произведений современной прозы можно сделать вывод, что на периферии класса междометий находятся междометные единицы: звукоподражательные, бранные, императивные, аппеллятивные, дискурсивные и этикетные (рисунок).

Ядро и периферия класса междометий:

1 – первичные эмотивные междометия;

2 – междометные единицы: а) бранные, б) звукоподражательные, в) этикетные,

г) дискурсивные, д) императивные, е) аппеллятивные, ж) вторичные междометия

Наличие в системе французского языка этих типов междометных единиц, полученных в результате пересечения периферии их онтологических классов с периферией междометий, гарантирует возможность перехода единиц ядерных разрядов этих классов, не пересекающихся с междометиями, в тип соответствующих междометных единиц на речевом уровне коммуникации в определенных ситуациях общения.

Таким образом, специфика класса междометий – его разнообразие, неоднозначность и многоаспектность – имеет свое обоснование. Междометие – это языковая единица, призванная выражать потребность непосредственного

проявления внутреннего мира говорящего субъекта (мыслительных способностей, эмоциональных, психических чувств). В связи с этим исключается необходимость единого подхода к классификации этих единиц. В статье за основу анализа междометий берется его ядро – первичные эмотивные междометия как спонтанные проявления эмоций человека. Предложенный подход представляет собой отграничение от эмотивных междометий периферийных типов междометных единиц, которые включаются в общий класс междометий.

Вместе с тем эмотивные междометия используются не только в изолированной синтаксической позиции (восклицание, предложение), но и с другими знаками препинания. Чтобы выявить эту специфику междометий французского языка, необходимо их дальнейшее исследование в позициях, связанных с категорией членов предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Rémy Porquier, M. Mots-phrases, phrasillons, locutions-énoncés: aux frontières de la grammaire et du lexique en français langue étrangère / M. Rémy Porquier // Langue française. – 2001. – № 131. – P. 106–123.*
2. *Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 831 с.*
3. *Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая ; пер. с англ. А.Д. Шмелева ; под ред. Т.В. Булыгиной. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 776 с.*
4. *Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом; сб. неизд. текстов, подготовленный под рук. и с предисл. Р. Валена. – М. : URSS : ЛКИ, 2007. – 221 с.*
5. *Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер ; пер. с фр. ; редкол. : Г.В. Степанов (пред.) [и др.] ; вступ. ст. и общ. ред. В.Г. Гака. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.*
6. *Кустова, Е.Ю. Интеракциональная типология французских интеръективов / Е.Ю. Кустова // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2009. – № 1. – С. 82–87*
7. *Benveniste, E. Problèmes de linguistique générale / E. Benveniste. – P. : Gallimard, 1974. – 288 p.*
8. *Формановская, Н.И. Русский речевой этикет: лингвистические и методические аспекты / Н.И. Формановская. – Изд. 4-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 160 с.*
9. *Dostie, G. Présentation. Les marqueurs discursifs. Sens et variation / G. Dostie, Cl. D. Pusch // Langue française. – 2007– № 154. – P. 3–12.*

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

НВ – *Bazin, H. Vipère au poing / H. Bazin. – Paris : Bernard Grasset, 1948. – 254 p.*
N de B – *Buron, N. de Chéri, tu m'écoutes? Alors répète ce que je viens de dire! / N. de Buron. – Paris : Pocket, 2006. – 236 p.*

AG – *Gavalda, A. Ensemble, c'est tout / A. Gavalda. – Paris : Éd. J'ai lu, le dilettante, 2004. – 574 p.*

КР – *Pancol, K. La valse lente des tortues / K. Pancol. – Paris : Ed. Albin Michel, 2008. – 753 p.*

А-МР – *Pol, A.-M. Coloc d'enfer / A.-M. Pol. – Paris : Éd. Flammarion, 2009. – 81 p.*

In the given article an attempt to identify the structure of the French language interjections by comparing them with similar linguistic formations has been made. The main principles for the differentiation were three category criterions: semantic, morphological and syntactical. Taking into consideration the grammatical and lexical units the researcher managed to define the border line of interjections as a separate class: only emotive interjections were identified as the center of this class.

Поступила в редакцию 12.03.12

Ю.А. Толстых

КЛАССИФИКАЦИЯ ВИДОВ РЕКУРРЕНТНОЙ НОМИНАЦИИ

Объектом исследования в данной статье является рекуррентное именование референтов текста, обеспечивающее объективацию соответствующих концептов. Разработана классификационная схема оппозитивных видов рекуррентной номинации по четырем аспектам (парадигматическому, синтагматическому, функционально-прагматическому и референциальному). Предложенная классификация смогла обеспечить многоаспектный анализ текстовых фрагментов художественного дискурса и осуществить на их материале семантико-стилистическую интерпретацию единиц, реализующих номинацию в ее оппозитивных видах. Тем самым как многообразная специфика реализаций, так и общее свойство рекуррентной номинации – варьирование художественных смыслов в авторской концепции действительности.

Исследование рекуррентного именования, обеспечивающего в тексте вариативную характеристику референта как основу объективации соответствующего концепта, позволило разработать классификационную схему номинации (рис. 1). В ее основу положена дифференциация по четырем главным аспектам – парадигматическому (структура наименований), синтагматическому (взаимное расположение в реализации), функционально-прагматическому (отношение именуемого к объекту и цель включения в текст), референциальному (вид ко/референции), каждый из которых воплощает принцип оппозиций. Разработка варианта классификации заключала в себе индуктивно-дедуктивный подход, т.е., с одной стороны, учет имеющихся опытов лингвистов (В.Г. Гака, В.Н. Теляя, Н.Д. Арутюновой, Г.В. Кол-

шанского, Д. Фивегера, Р. Харвега, К. Бринкера и др.), с другой стороны, анализ эмпирического материала. Предложенная классификация видов рекуррентной номинации (РН) смогла обеспечить проведение исследования, посвященного раскрытию на обширном материале художественных текстов как многообразной специфики реализаций, так и общего свойства рекуррентной номинации.

Парадигматический аспект предстает в двух планах его формирования – лексико-семантическом и морфолого-синтаксическом.

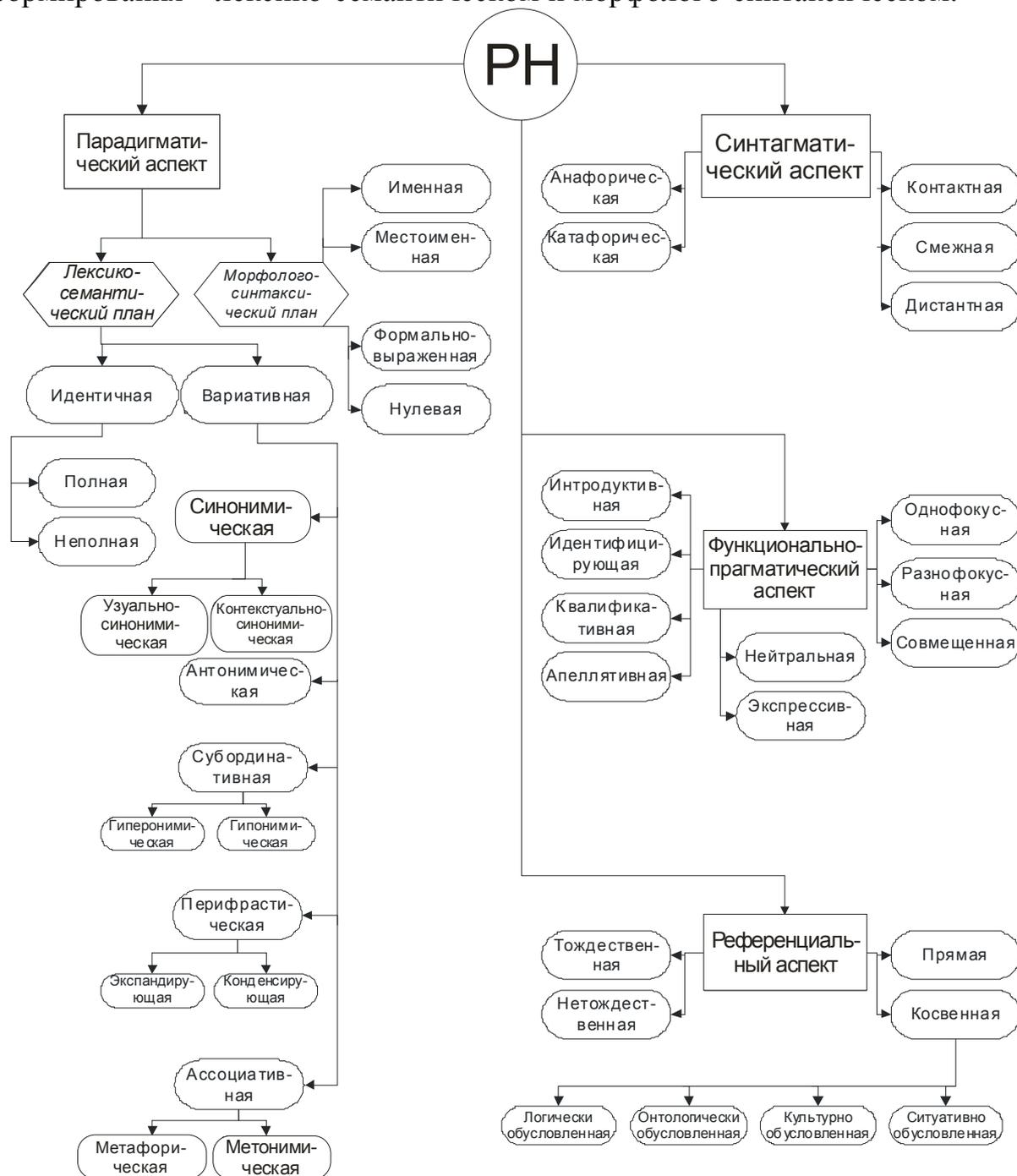

Рис. 1. Классификация видов рекуррентной номинации (РН)

В рамках лексико-семантического плана доминирует оппозиция идентичная РН ↔ вариативная РН. В первом случае референт воспроизводится тем же именем, что и в первом его обозначении, т.е. используется лекси-

ческий повтор. Во втором случае вариативная номинация или ряд номинаций уже отличаются от первого имени, реализуя не лексический, а семантический повтор. При идентичной рекуррентной номинации имеют место полная и неполная номинации. Последняя в немалой степени связана со спецификой немецкого языка – тенденцией к употреблению сложных слов. В рекуррентии такие слова нередко выступают не как полноформленные, а лишь как основы эндоцентрических детерминативных композитов (*ein greiser Schuhputzer – der Putzer* ‘седой чистильщик сапог – чистильщик’). Также в реализации неполного вида рекуррентии участвуют аббревиатуры, лексемные сокращения и т.д. (*Bodo Bengelmann – Bodo, der Zoologische Garten – der Zoo* ‘Бодо Бенгельманн – Бодо, зоологический сад – зоопарк’).

В вариативной рекуррентной номинации между разными обозначениями референта устанавливаются семантические связи, могущие быть отношениями тождества, противоположности, включения, пересечения, экспликации. Отношение тождества выражается узуально-синонимическими и окказионально-синонимическими номинациями. Отношение противоположности (эксклюзивности) передается контрастирующей (антонимической) рекуррентной номинацией. Отношение включения сигнализируется субординативными рекуррентными именованями, в составе которых реализуются гипонимическая РН с видородовой зависимостью, гиперонимическая РН с родовидовой зависимостью. Отношение пересечения реализуется за счет ассоциативных номинаций, особенно часто метафорических и метонимических. Отношение экспликации, т.е. конкретизации через пояснение, проявляется в перифрастической РН с двумя подвидами – конденсирующей (свернутая передача смысла другого выражения) и экспандирующей (описательная, распространенная передача смысла).

Вариативная рекуррентная номинация по самой своей природе выстраивает многомерную информацию о референте, чем предопределяет необходимую информационную полноту для воплощения соответствующего концепта в текстовом фрагменте. Нижеприводимый текстовый фрагмент, построенный на отношении включения (гиперо-гипонимии), раскрывает подобную реализацию:

Dabei ist die Natur zu beiden Seiten schon lange da; Seen ziehen vorbei, Wälder mit grünem Unterholz, Wälder, die nicht gekämmt sind, sondern wuchern, und dann wieder offene Felder ohne ein einziges Haus, eine Augenweide, ja, es ist genau das Paradies; nur eben: man fährt vorbei [Frisch, S. 50].

Главный референт *die Natur* ‘природа’ первично введен в своем общем словарном значении. Далее его представляют вариативные имена с более частными значениями: *Seen* ‘озера’, *Wälder mit grünem Unterholz* ‘леса с зеленой порослью’, *Wälder, die nicht gekämmt sind, sondern wuchern* ‘леса, непрореженные, буйно разросшиеся’, *offene Felder ohne ein einziges Haus* ‘открытые поля без единой постройки’. И на основе совокупности значений этих имен вместе с их определительными элементами объективируется концепт «природа», по сути, рисуемая автором поэтическая картина природы.

В нее входит метафорический образ *das Paradies* ‘рай’ вместе с возвышенной позитивной оценкой в абстрактном существительном *eine Augenweide* ‘загляденье’.

Морфолого-синтаксический план первого аспекта представлен оппозициями формально выраженная РН ↔ нулевая (эллиптическая) РН и именная РН ↔ местоименная (прономинальная) РН. Дифференцирующим признаком первой оппозиции является отсутствие эксплицированного номинативного репрезентанта при его имплицитном наличии в контексте. Разграничению членов второй оппозиции служит то, какой частью речи выражаются рекуррентные номинации – именем существительным как автосемантическим словом или местоимением как синсемантическим словом, употребленным в привязке к существительному.

Синтагматический аспект манифестируют оппозиции анафорическая РН ↔ катафорическая РН и контактная РН ↔ смежная РН ↔ дистантная РН. Общемаркирующим признаком первой оппозиции является направленность связей в текстовом развертывании – левосторонняя с ориентацией на предшествующее обозначение или правосторонняя с ориентацией на последующее обозначение. Вторая оппозиция вытекает из взаиморасположения номинаций: именуемые единицы следуют непосредственно друг за другом (контактная РН); разделены несколькими словами или предложением (смежная РН); отделены друг от друга рядом предложений, абзацем, главой и т.д. (дистантная РН). Главная специфика установленных оппозиций заключается в их особой роли для смыслообразования – «растяжения» смысла. Суть «растяжения» заключается в том, что в текстовом фрагменте прочерчивается линия единого смыслового стержня, на которую нанизываются частные смыслы, разнообразя ее оттенками коннотаций. За счет этого формируется многоплановость характеристики референта, а значит, и полнота информации для воплощения соответствующего концепта. Рассматриваемые оппозиции отчетливо выполняют задачу сцепления (когезии и когеренции) текста как целостного структурного и коммуникативно-смыслового образования. Сказанное раскрывает следующий фрагмент:

Vom vierten Stock aus konnte man, wann immer man wollte, sogar während der Vorstellung, die Lichtgalerie betreten. Mit diesem Begriff meint man Gerüste, die im Viereck direkt über der Bühne hängen und etliche Scheinwerfer, Flaschenzüge, Winden, Dekorationsaufhänger und ähnliches beherbergen [Krausser, S. 26].

Фрагмент содержит рекуррентно выстроенную номинацию с анафорической направленностью: собирательное имя *Gerüste* ‘предметы снаряжения’ эксплицируется в последующем за счет своих деталей *Scheinwerfer, Flaschenzüge, Winden, Dekorationsaufhänger und ähnliches* ‘прожектора, полиспасты, лебедки, устройства для подвешивания декораций и т.п.’. Этот гиперо-гипонимический комплекс обозначения, обращенный к референту в предшествующей смежной номинации *Lichtgalerie* ‘световая галерея’, формирует основу вербализации концепта-фрейма. Бесспорно при этом, что ре-

куррентно появляющиеся номинации обеспечивают связность текстового фрагмента как на семантическом, так и на структурно-композиционном уровнях.

Функционально-прагматический аспект представлен в оппозициях: 1) интродуктивная ↔ идентифицирующая ↔ квалификативная ↔ апеллятивная номинации; 2) нейтральная РН ↔ экспрессивная РН; 3) однофокусная РН ↔ разнофокусная РН ↔ совмещенная РН. Критерием различения членов первой оппозиции являются логико-коммуникативные функции, выполняемые в текстопостроении: функция интродукции (введение референта), функция идентификации (его утверждение), функция квалификации (придание референту различных характеризующих признаков). Члены второй оппозиции различаются наличием/отсутствием выразительности, эмоциональности, экспрессивно-стилевых окрасок. Третья оппозиция имеет в качестве различия зависимость от именуемого субъекта: имена могут даваться одним говорящим (однофокусная РН), разными лицами (разнофокусная РН) или совместно (совмещенная РН). Двумя последними оппозитивными видами номинации и порождается полифония с палитрой оценок и оттенков отношения к референту, входящих в оценочную часть структуры соответствующего концепта.

Все виды номинации в разной степени пересекаются в анализируемом текстовом материале, но особенно характерна стертость граней между членами оппозиции интродуктивная – идентифицирующая – квалификативная РН, к которой, согласно материалу выборки, примыкает еще и апеллятивная РН. Даже при интродуктивном представлении референта его обозначение может быть одновременно и идентифицирующим, и квалификативным, т.е. это могут быть не единичные имена, а дескрипции, четко передающие оценочность, образность, эмоциональность, «запланированные» автором изначально. Главная же стилистико-прагматическая функция квалификативных рекуррентных номинаций проявляется в создании портрета лица в художественном тексте: различные характеристики должны пробуждать, по интенции автора, определенную реакцию адресата, стимулируя его к «дорисовке портрета» в заданном направлении. Такого рода реализация раскрывается на примере следующего фрагмента:

Ich lauschte der alten, blinden Frau, die damals noch über uns wohnte ... Sie sei früher Primaballerina am Staatsballett gewesen, erzählte mir die Hausmeisterin. Eine schlanke dunkle Schönheit, nicht mehr wiederzuentdecken in der dicken kleinen Person mit schneeweißen, schlecht geschnittenen Haaren, die ich tagsüber oft auf ihrem Balkon auf und ab gehen sah [Dörrie, S. 15].

Интродуктивной номинацией, взаимодействующей с идентификацией и квалификацией, служит в данном фрагменте дескрипция *die alte, blinde Frau, die damals noch über uns wohnte* ‘пожилая слепая женщина, которая тогда еще жила над нами’. Далее референт идентифицируется личным местоимением *sie* ‘она’, а к концу фрагмента описываемому облику увядшей женщины противопоставляется ее прежний вид, отражаемый в квалифицирующем рекур-

рентном именовании – дескрипции с позитивной оценкой *eine schlanke dunkle Schönheit* ‘стройная темноволосая красавица’. Завершающим звеном в создании портрета лица на данном жизненном этапе выступает развернутая дескрипция, в состав которой входят сниженно оценочные определения *die dicke kleine Person mit schneeweißen, schlecht geschnittenen Haaren* ‘толстая особа маленького роста с абсолютно седыми, плохо подстриженными волосами’. Фрагмент текста строится на основе контраста – антонимического отношения между двумя возрастными состояниями изображаемого лица. Это отношение инкорпорировано в речевую полифонию фрагмента, которую образуют речь повествователя (автора) и речь другого говорящего лица (*die Hausmeisterin* ‘управдом’). Для адресата здесь важны перцептивные признаки, относящиеся к внешнему портрету лица. Они формируют базовую часть концепта, целостное воплощение которого зиждется на смысловом содержании всего текстового фрагмента.

Референциальному аспекту присущи оппозиции: тождественная РН ↔ нетождественная РН и эксплицитная (прямая) РН ↔ имплицитная (косвенная) РН. В случае тождественной РН одни и те же имена сопровождаются одинаковыми служебными детерминативами (артикли, числительное, местоименное прилагательное), в случае нетождественной РН – детерминативы различны. Этим устанавливается связь с характером референции по категории определенность/неопределенность.

Оппозиция эксплицитная (прямая) РН ↔ имплицитная (косвенная) РН включает в себе разграничение прямой и косвенной кореференции, в которой реализуются отношения различной степени кореферентности – от бесспорной однореферентности до разнореферентности. Но во всех случаях получает развитие семантическая изотопия с ее конструктивной ролью в обеспечении когерентности текста. Имплицитная РН воплощает комплекс отношений семантической смежности по логическому, онтологическому, культурному, ситуативному признакам, что и фиксируется во многих проанализированных фрагментах, один из которых приводится ниже:

Das große Maulener Hochzeits-Schauspiel lief in fünf Akten ab. Der erste Akt bestand aus der Trauung. ... Als Trauzeugen fungierten für den Bräutigam der staunenswert nüchterne Schnapsbrenner Kaminski - und für die Braut Kaminskis Tochter Lydia [Kirst, S. 270–271].

В данном контексте референт «свадьба», интродуктивно представляемый образной перифразой *das große Maulener Hochzeits-Schauspiel* ‘большой свадебный спектакль’, предполагает в ментальной сфере многокомпонентный концепт-фрейм, фактически «пакет информации, включающий знания о стереотипной ситуации» [1, с. 36]. Имплицитно внутри фрейма «свадьба» заданы такие вершинные узлы, как «жених», «невеста», «гости», «свидетели», «церемония» и т.д., чем и мотивируется появление косвенных рекуррентных номинаций *die Trauung* ‘бракосочетание’, *Trauzeugen* ‘свидетели’, *der Bräutigam* ‘жених’, *die Braut* ‘невеста’. Не обладая полнотой кореференции, номинации, однако, осуществляют связь в тексте на основании

семантической смежности, воплощая собой «набор» культурно обусловленных отношений, и составляют базовую часть концепта «свадьба».

Таким образом, разработанная классификационная схема позволила провести многоаспектный анализ текстовых фрагментов художественного дискурса и охватить весь диапазон участия рекуррентной номинации в текстообразовании. Осуществление в ходе анализа семантико-стилистической интерпретации оппозитивных видов номинативных единиц, участвующих в формировании номинативных полей референтов и в вербализации соответствующих концептов, способствовало, в свою очередь, раскрытию как многообразной специфики реализаций, так и общего свойства изучаемого явления, а именно: варьирования посредством рекуррентной номинации художественных смыслов в авторской концепции действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болдырев, Н.Н.* Когнитивная семантика : Курс лекций по английской филологии: учеб. пособие для студ. вузов / Н.Н. Болдырев – 2-е изд., стереотип. – Тамбов : ТГУ, 2001. – 122 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Frisch, M. Ausflug / M. Frisch // Wort und Sinn : Lesebuch für den Deutschunterricht / (Hrsg.) K.-E. Jeismann, G. Muthmann. – Paderborn, 1971. – S. 50–52.

Krausser, H. Kuppelgeschoß / H. Krausser // Wenn der Kater kommt : Neues Erzählen – 38 deutschsprachige Autorinnen und Autoren / (Hrsg.) M. Hielscher. – 1. Aufl. – Köln, 1996. – S. 24–31.

Dörrie, D. Palast der Mühen / D. Dörrie // Samsara : Erzählungen. – Zürich, 1998. – S. 9–29.

Kirst, H.H. Das Fest aller Feste oder : Ehe die Welt finster wird, strahlt die Sonne besonders hell / H.H. Kirst // Das Sommerlesebuch : Geschichten für die langen Sonnentage. – München, 1996. – S. 269–278.

The object of the article research is recurrent nomination of the text referents which provide the objectification of corresponding concepts. The classification of appositive kinds of recurrent nomination according to four aspects was worked out (paradigmatic, syntagmatic, functional-pragmatic and referential). It could supply a multiple-aspect analysis of text fragments that represent a belles lettres discourse and discover on their material both a diverse specific character of realizations and general characteristic of recurrent nomination.

Поступила в редакцию 28.03.12

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

И.А. Измestьева

К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ <e> В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье обосновывается правомерность более широкого, чем принято в традиционной лингвистике, подхода к интерпретации истории гласных [e] и [ь]. Предлагается учитывать не только роль твердости-мягкости последующего согласного, проявляющуюся в современном русском языке, но и влияние гласного следующего слога. Итогом анализа является вывод о необходимости расширения хронологических рамок рассматриваемого процесса и констатация его многосторонней связи с другими процессами в истории русского (славянского) вокализма и консонантизма.

Звуковое изменение [e>'o] – хорошо изученное явление русской исторической фонетики, освещенное в трудах В.А. Богородицкого, А.А. Потебни, А.И. Соболевского, В.Н. Сидорова, А.А. Шахматова, И.В. Ягича и др. Восточнославянский переход неначального [e] в ['o] традиционно объясняется механизмом уподобления гласного [e] последующему лабиовеляризованному согласному [несь>н'ос], под влиянием такого согласного [e] передвинулся из переднего ряда назад и лабиализовался. Воздействие согласного на предшествующий гласный могло быть продуктивным в период после падения еров, когда закон открытого слога был нарушен и в закрытых слогах возникла возможность влияния согласного на гласный, так как оба звука оказались в пределах одного слога. Историки языка связывают переход [e] в ['o] с твердостью-мягкостью следующего согласного, ориентируясь на более поздние отношения в системе языка. По этой причине положение о лабиализованности твердых согласных как необходимом условии изменения [e] в ['o] является основным.

Однако если учитывать некоторые важные моменты, которые определяются характером синтагматических отношений звуковых единиц древнерусского языка эпохи преобразования еров, и особенно до падения [ь] и [ѣ], то тогда ряд вопросов перехода [e>'o] окажется дискуссионным: каковы причины эволюции [ь], [ѣ] и других гласных, связанных с ними причинно-следственными отношениями, какова хронология вокалических процессов, что собой представляет механизм изменения гласных и др. Поэтому нельзя обойти вниманием гипотезу, которая рассматривает проблему [e>'o] с точки зрения межслогового уподобления гласных. Впервые эта идея была высказана А.Х. Востоковым. В 1808 году в грамматических примечаниях к книге И.М. Борна «Краткое руководство к российской словесности» ученый выводит зависимость произношения [e] от ударения и от последующего мягкого или твердого слога [1, с. 355]. Впоследствии А.А. Шахматов, устанавливая синтагматические условия изменения, принимает точку зрения Ф.Ф. Фортунатова о том, что обще славянское e звучало как o в положении

не перед слогом с гласной переднего ряда, и описывает общеславянский переход [e>ö] как результат диссимилиации. Диссимилиационный процесс мог задерживаться «присутствием гласной переднего ряда в следующем слоге» [2, с. 8], хотя для общерусского языка переход [e] в [ö] понимался им как «результат ассимиляционного процесса нелабиализованной гласной переднего ряда в направлении к следующей лабиализованной согласной» [2, с. 134]. Характеризуя умлаут как разновидность гармонии гласных – сингармонизм, Е.Д. Поливанов критикует предложенное Шахматовым объяснение механизма действия [e>ö] для периода после падения еров и настаивает на том, что «этот переход можно рассматривать лишь как умлаут язычной работы (*d* в *m'ed*, *s* в *lies* – твердые потому, что за ними шло ъ, и они сообщают характерный для «твердых» уклад предшествующему гласному), но не как губной умлаут» [3, с. 120–121]. И.Г. Добродомов развивает взгляды Поливанова и предлагает в процессе [e>'o] видеть заместительное продление и лабиализацию гласного [e] под влиянием исчезающего [ъ] последующего слога. При этом учитывается параллельный процесс развития нового ятя (ѣ) из [e] перед выпавшим [ъ] в говорах, легших в основу украинского языка [4, с. 172–181]. В настоящее время вопрос о причинах перехода продолжает волновать ученых. Так, Ю. Кудрявцев считает, что в данном процессе сыграла свою роль межслоговая регрессивная аккомодация, действовавшая в период распада праславянского языка вплоть до падения редуцированных и фонологизации лабиализованности [5, с. 82].

Попробуем высказать ряд соображений о проблеме перехода [e] в ['o] в рамках гипотезы межслогового уподобления гласных. Теоретические положения опираются на тщательное изучение некоторых элементов вокализма и консонантизма русского языка, что не исключает возможности нового объяснения старых фактов, на материалы исследований русских говоров С.С. Высотского, Л.Л. Касаткина, Р.Ф. Касаткиной, Л.Э. Калнынь, В.В. Колесова и др., а также на фундаментальные исследования по истории русского языка.

Вышеизложенное дает повод представить проблему [e>'o] следующим образом. Если рассматривать изменение [e] в ['o] как результат воздействия твердого согласного на гласный [e], то остается неясным, что в этом процессе оказывается существенным: 1) приобретение гласным [e] лабиализации или 2) передвижение его в задний ряд, поскольку параметры гласного и согласного несоизмеримы. Если же изменение [e] в ['o] происходило под влиянием велярной огласовки следующего слога, то тогда необходимо говорить о смещении гласного в задний ряд, то есть о межслоговой регрессивной ассимиляции гласных по ряду. Лабиализация этого гласного возникает вторично, как следствие его передвижения в заднюю зону, где в русском языке гласный имеет обязательную лабиализацию: [*медь*>*м'одь*>*м'от*, *жена*>*ж'она*>*жона*].

Действие межслоговой ассимиляции как бы расшатывает закон слогового сингармонизма, так как на уподобление согласного и гласного внутри одного слога начинает оказывать влияние качество соседних слогов. В меж-

слоговом уподоблении принимают участие не только гласные, но и согласные элементы велярных (или палатальных) слогов, обеспечивая действие целого лабиовелярного (или палатального) комплекса.

Общий признак твердых слогов определяется соседством твердого согласного с любым гласным заднего ряда, безразлично лабиализованным или нелабиализованным, а также самой артикуляцией губных и заднеязычных согласных. Заднерядность, как и лабиализованность, понижает тональность, создавая таким образом контраст переднерядности. Лабиовелярный слог вызывает передвижку предшествующего гласного [e] в задний ряд [медь>м'одь], придавая палатальному слогу (с исконно мягким или вторично смягченным согласным) лабиализующую тональность.

Если непередняя-передняя зона образования гласного зависит от качества соседнего согласного, то наличие-отсутствие лабиализации не связано с качеством этого согласного, то есть и после твердого (то, ту), и после мягкого (т'о, т'у) был возможен лабиализованный гласный. В.В. Иванов указывает, что сочетания т'е – то, т'ь – ть оказываются более ослабленными, чем, например, сочетания т'и – ты, так как признак наличия-отсутствия лабиализации не зависит от мягкости предшествующего согласного, но зависит, как представляется, от заднего (велярного) характера гласного [б]. А это значит, что в результате тембрового выравнивания слогов в слове по лабиализованности передняя зона образования [e] в качестве конститутивного признака в данных слогах сохраняется, но возникает сочетание мягкого согласного с аллофоном задней зоны образования. В фонологическом аспекте [ö] понимается только как непередний аллофон <e> – фонемы передней зоны образования. Противоположным лабиовелярности выступает палатальный комплекс. Этот признак мягких слогов определяет в свою очередь действие палатальной тональности, вызывая напряжение гласного [e] предшествующего слога.

Как влияет описанный механизм действия на развитие [ь]? Считается, что фонетический процесс перехода [e] в [ʔo] охватил не только этимологический [e], но и [e] из [ь]: [ньсь>н'есь>н'ос, льнь>л'ень>л'он, слзь>сл'езь>сл'оз] на том основании, что изменение [e] в [ʔo] в восточнославянских языках происходило после утраты редуцированных в слабой позиции: [ньса>пса, льна>л'на] и вокализации их в гласные полного образования в сильной позиции: [ньстрый>н'естрый>н'острый, жьлтый>ж'елтый>ж'олтый]. Хотя А.А. Шахматов отметил иную промежуточную ступень [ь>ÿ]: «ь переходил в ÿ за j <...> и за смягченными согласными, когда за ним не следовал слог с гласной переднего ряда. Примеры: naj ÿ ть, ср. сербск. najam, великор. наём; роç ÿ ть, ср. великор. почот...» [2, с. 16]. В общеславянском праязыке ь изменялось в ÿ (лабиализованное ь), в общерусском праязыке до перехода полумягких в мягкие, как считал А.А. Шахматов, ÿ переходил в ь: тѣщÿ къ > тѣщъкъ [2, с. 119].

Конечно, вопрос о фонетических стадиях изменения <ь> в определенной степени предположителен, хотя появление [o] из [ÿ] вполне вероятно, так как [e] и [ь] находились в одинаковых условиях перед велярными сло-

гами и редуцированные подчинялись механизму межслового уподобления (например, **bělъ-jь > *b'ělъ-jь*, **p'ъ-jь > p'jь*). Можно допустить, что переход в заднюю зону для [b] и [e] был одновременным процессом и имел схожие рефлексы [b̥] и [ö]. На аллофонном уровне гласные и <e>, примыкая к последующему веларному слогу, изменяют артикуляцию пока не на всем участке звучания, а в пределах своих аллофонов [b̥] и [ö]. Позиционно обусловленная вариативность реализации данных фонем происходит скрыто, и лишь впоследствии, после утраты редуцированных, начинает осознаваться, как и сам факт фонемного перехода <e> в <'o>.

Таким образом, установка рассматривать [e, b>'o] с точки зрения межслового уподобления увеличивает хронологические рамки изменения, есть основания относить зарождение переходов [e] в [ö], [b] в [b̥] на аллофонном уровне к периоду после вторичного смягчения согласных и до преобразования редуцированных.

По существу тезис о межслоговой регрессивной ассимиляции гласных не противоречит идее А.А. Шахматова о диссимиляции *ĉe>ĉö*. Ученый предположил расподобление звуков, обусловленное качеством последующего слога, мы же рассматриваем это скорее как ассимиляцию гласных звуков соседних слогов, как одну из вероятных первопричин перехода [b], [e] в ['o]. Ассимиляция, будучи одним из наиболее распространенных видов комбинаторных изменений звуков, есть процесс, в результате которого увеличивается фонетическое сходство подверженных ей звуков. Аллофонные изменения звуков являются, как правило, результатом того или иного вида ассимиляции, взаимодействия звуков в синтагматической цепи. С точки зрения синхронной фонологии, при ассимиляции по какому-либо признаку уподобляется фонема, в которой данный признак не является различительным [7, с. 66–79]. Одним из основных положений исторической фонологии является связь звуковых изменений с изменениями фонетических характеристик аллофонов [8, с. 239–244].

В период после смягчения полумягких согласных и до падения редуцированных <e> и <o>, и <ь> сохраняют дифференциальный признак передняя-непередняя зоны образования и поэтому не могут в равной мере находиться после мягких (исконно мягких и вторично смягченных) согласных, осуществляется только фонетическое варьирование по избыточным признакам. Хотя дефонологизация признака зоны образования уже началась для [ä] (из юса малого) и [a] исконного, в результате чего <ä> утрачивается как особая фонема (фонологически, фонетически же – нет) и совпадает с [a] исконным: [e>ä>'a]: [**rēdъ>*r'ädъ>*r'adъ*]. Если сближение двух гласных фонем <ä> и <a>, получив развитие до смягчения полумягких, завершилось конвергенцией в период вторичного смягчения согласных, то процесс конвергенции для и <e> с <o> исконным был еще впереди. Условия для слияния оформятся лишь в период падения редуцированных.

Итак, до падения редуцированных в древнерусском языке и <e> были представлены несколькими модификациями различного тембра, обусловленными тенденцией к межсловому уподоблению, которая и дает расхождение между аллофонами фонем и <e> с непалатальным исходом

(перед велярными слогами): [м'одъ, н' ъ съ] и с палатальным исходом (перед палатальными слогами): [м'эд'э] [н'эс'ий]. Для <ь> отмечается еще один рефлекс [ø]: [пса, л'на].

Дивергентно-конвергентные изменения древнерусских <ь> и <е> были обусловлены процессом дефонологизации признака зоны образования гласных, когда в результате падения редуцированных и развития противопоставления согласных по твердости-мягкости признак ряда отходит на второй план, новое противопоставление передних и непередних гласных строится по признаку лабиализованности-нелабиализованности, а признак ряда превращается в переменный признак некогда функционально важных морфем: [несль>н'осль>н'ос, л'ьнь>л' ъ нь>л'он]. Изменение понимается не просто как приспособление артикуляции гласного к последующему слогу, который представлял собой целый лабиовелярный комплекс, а как переход из одной зоны образования в другую с приобретением дополнительного дифференциального признака. Внешне для дивергенции и конвергенции имеются одинаковые условия: положение [ь] и [е] перед велярным или палатальным слогом, но по существу различие состоит в том, какой признак принимает участие в изменении. Дивергенция – появление аллофонов [e>ö], [ь>ь̣] – связывается с избыточным признаком лабиализованности, конвергенция (слияние новых фонем с уже имеющимся в системе [o]) определена также признаком лабиализованности, но уже в качестве дифференциального релевантного. «Различие определяется системой фонем: если признак перехода является релевантным – изменение фонемное, если нет – аллофонное» [9, с. 112]. Значит, на этапе дивергенции [ö] и [ь̣] сами по себе не используются в смысловозначительной функции, не осознаются как отличные от гласных <е> и <ь> и не находят отражение на письме, но в результате конвергенции близкие друг другу аллофоны сливаются в гласном [o]: [ь>ь̣>'o, ь>o, e>ö>'o].

После фонологического слияния нового [o] со старым [o], фонологизации отношений по твердости-мягкости <o> получает возможность употребляться как после твердых, так и после мягких согласных: [во]л – [в'о]л, [скло]н – [кл'о]н, [во]з – [в'о]з. Происходит перераспределение аллофонов от одной фонемы к другой, [ö] и [ь̣] теряют фонетическую обусловленность последующим лабиовелярным слогом и сливаются с фонемой <o>. Процесс конвергенции сопровождается переводением фонетически обусловленного перехода [e] в [o] в другие позиции морфологическим путем и устранением существующей позиционной обусловленности: [м'од]д – [м'од']е вместо [м'эд']е, не[с'ом] – не[с'от']е вместо не[с'эт']е. Так развитие межслогового уподобления ведет к нарушению внутрислогового уподобления согласного и гласного: [ж'ена>ж'она], [сестра>с'остра], [с'ело>с'оло].

Бывшие аллофоны получают возможность самостоятельно выступать в смысловозначительной функции. Обнаруженные А.И. Соболевским примеры *приемшому, стоящомъ* (в Триоди Моисея Киянина XIV–XV вв.) показывают, что первоначально употребление буквы *o* отмечается после исконно мягких согласных *ж, щ, ч, ц*: *скажомъ, блажонъ, хытрьцом, разделившомся, мужомъ, звездочтьцомъ* (Слово Ипполита об анти-

христе XII в.), так как для отражения перехода после других согласных не существовало графических средств. В более поздних памятниках буква *o* появляется после всех мягких согласных: *дньот* (Новгр. Ев. 1270), *Елеоны* (Новгр. Ев. 1362), *блюдо сереброно* (моск. духовная в кн. Ив. Ивановича), *за моромъ, рубловъ* (двинские грамоты второй половины XIV в.) [10, с. 52–58], хотя мягкость согласного в последних трех примерах не передается.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борн, И.М.* Краткое руководство к русской словесности / И.М. Борн. – СПб., 1808; цит. по: Русская грамматика Александра Востокова. – СПб., 1831. – Вып. 1. – 408 с.
2. *Шахматов, А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка / А.А. Шахматов. // Энциклопедия славянской филологии. – Пг., 1915. – Вып. 1. – Ч. 2. – 369 с.
3. *Поливанов, Е.Д.* Причины происхождения умлаута / Е.Д. Поливанов // Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А.Э. Шмидта / Е.Д. Поливанов. – Ташкент, 1923. – С. 120–123.
4. *Добродомов, И.Г.* О переходах *e* в *o* в русском языке / И.Г. Добродомов // Проблемы общего и русского языкознания / И.Г. Добродомов. – М. : Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1972. – С. 172–181.
5. *Кудрявцев, Ю.* Очерки по русской исторической фонологии и морфологии / Ю. Кудрявцев. – Тарту, 1996. – 157 с.
6. *Иванов, В.В.* Историческая фонология русского языка (Развитие фонологической системы древнерусского языка в X–XII вв.) / В.В. Иванов. – М. : Просвещение, 1968. – 128 с.
7. *Стеблин-Каменский, М.И.* К теории звуковых изменений / М.И. Стеблин-Каменский // Вопросы языкознания. – 1966. – № 2. – С. 66–79.
8. *Зиндер, Л.Р.* Общая фонетика / Л.Р. Зиндер. – М. : Высшая школа, 1979. – 312 с.
9. *Колесов, В.В.* Динамическая модель и изменение фонем / В.В. Колесов // Фонология. – Тамбов, 1982. – С. 53–121.
10. *Соболевский, А.И.* Лекции по истории русского языка / А.И. Соболевский. – Киев, 1888. – 216 с.

The article grounds the rightfulness of a wider (in comparison, with the traditional linguistics) approach to the process interpretation of changing the etymological *e* and *ь* into *o*. We suggest taking into consideration not only the role of hardness-softness of the following consonant, which is traced in the modern Russian language, but also the influence of a vowel in the following syllable. The result of the analysis is the conclusion about the necessity to expand the chronological frames of the question under consideration and to establish its many-sided links with other processes in the history of Russian (Slavonic) vowel and consonant systems.

Поступила в редакцию 13.02.12

МЕТАФОРИКА ЛЖИ В РУССКОМ МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ

В статье рассматривается метафорическая концептуализация лжи в русском молодежном сленге. Показано, что в сленге, также как и в русском кодифицированном языке, правда и ложь представлены через систему оппозиций. Наиболее репрезентативными являются дихотомии, в которых правда противостоит лжи как прямое кривому, правое левому, простое сложному, светлое темному, норма повышению температуры. Ряд сленговых глаголов совмещают обозначение лжи и обмана с указанием на агрессивное и навязчивое воздействие на сознание адресата.

На современном этапе сленг уже не является обособленным языковым образованием, используемым исключительно при общении представителей маргинальных групп, как это было, например, в пору расцвета движения стиляг или чуть позже хиппи в СССР в 50-х – 70-х годах прошлого века. Как отмечают исследователи, русский общенародный язык с готовностью принимает в свой лексический состав разного рода жаргонизмы – от слов и выражений воровского арго до жаргонных обозначений узкоспециальных терминов бизнеса и компьютерных технологий [1, с. 17]. Этот процесс, начавшийся на волне кардинальных изменений в обществе, инспирированных перестройкой, продолжается и поныне. В настоящее время имеет смысл говорить даже об “общем сленге” русского языка [1, с. 100]. По наблюдению В.И. Розиной, “им владеют (по крайней мере, пассивно) многие образованные носители русского литературного языка и <...> он с достаточно высокой частотностью встречается в языке средств массовой информации, через которые и распространяется” [1, с. 100–101].

Наиболее активными поставщиками новых слов и значений в общий сленг являются две подсистемы субстандарта – т.н. блатная феня (*беспредел, понятия, отморозок, кидать...*) и молодежный сленг, т.е. слова и фразеологизмы, которые используются в речи молодежи (*кайф, тусовка, фишка, заценить, торчат...*). Если столь частые заимствования из воровского арго объясняются прошлой историей (тюремно-лагерный жаргон ГУЛАГа вошел даже в речь интеллигенции), то популярность молодежного сленга основана скорее на импорте западных ценностей. Очевидно, что молодежь в современных индустриальных обществах Запада представляет собой прослойку общества, которая, пользуясь выражением французского социолога П. Бурдьё, обладает наибольшим символическим капиталом. Быть молодым не просто модно. Постоянным рефреном массовой культуры является требование быть молодым всегда, вне зависимости от возраста. Соответственно, с особенностями речи молодежи начинает ассоциироваться феномен т.н. “скрываемого престижа” (*covert prestige*) [2, р. 85–86], который заключается в том, что люди старшего возраста, осуждая порчу литературного языка молодыми людьми, все же не отказывают себе в удовольствии тут и там ввернуть молодежное словечко в свою речь.

К важности изучения сленга принадлежит то, что с лингвистической точки зрения эта часть общенародного языка представляет собой что-то вроде естественного научного эксперимента, проводимого в реальном времени. Сленг является как бы своеобразной полевой лабораторией языка, в которой опробуются новые значения и смыслы. Все языковые процессы в сленге гораздо более быстротечны, и в сравнении с бытованием литературного языка изменения в сленге проходят как при ускоренной перемотке. К тому же, даже если признать, что почти всю жаргонную лексику сметет как шелуху метла времени, вполне вероятно, что через концептуальные метафоры что-то от сленга останется в речи. Так, по замечанию норвежских исследователей, “[s]ome, at least, of the many innovations in teenage talk <...> work their way into the standard language” “[п]о крайней мере, некоторые из многих инноваций речи подростков <...> входят затем в кодифицированный язык” (перевод наш. – А.К.) [3, р. X]. И дело даже не в том, что какое-то жаргонное слово может стать вполне приемлемым словом литературного языка в будущем. Строго говоря, конкретная лексическая единица не столь важна, как сам механизм семантических изменений, приведших к новому значению старого слова. Подобный механизм может активно задействоваться языком даже в отсутствии или быстром устаревании некоторых из его манифестаций.

Сленговое слово или фразеологизм никогда не появляются словно из ниоткуда. Все подобные лексемы так или иначе мотивированы и обнаруживают связи с общеизвестными словами литературного языка либо словами других национальных языков. Иногда такие связи опосредованы другими субстандартами. Так, молодежный сленг, например, активно заимствует слова и выражения из арго замкнутых групп – той же блатной фени, жаргонов музыкантов, компьютерных программистов, футбольных фанатов и т.д.

Пополнение словарного запаса сленга посредством заимствований из кодифицированного языка или других субстандартов происходит через механизм семантической деривации, т.е. использования слов и выражений в новых переносных значениях.

Направление развития новых значений обычно, но не всегда, следует типичной модели. Сначала литературное слово начинает употребляться в переносном смысле среди членов какой-либо ограниченной группы людей. Достаточно быстро такое переносное значение становится прямым в жаргоне этой группы (метафора стирается). Практически все сленговые слова представляют собой такого рода стертые метафоры, поскольку на поверку оказываются хорошо знакомыми словами литературного языка, употребляемыми в новом значении.

Рассмотрение подобного метафорического переосмысления слов литературного языка является частью изучения т.н. наивного сознания говорящих на этом языке. В данной работе будет рассмотрена только часть такого обыденного мирозерцания на примере лексической системы, используемой в речи ограниченной по возрастному признаку группы русскоговорящих, а именно молодежи. Анализ имеет целью показать, с помощью каких метафорических конструкторов осмысливается конкретный феномен действи-

тельности, в данном случае феномен лжи. Материал работы отбирался посредством сплошной выборки из словарей В.С. Елистратова “Толковый словарь русского сленга” [4], Т.Г. Никитиной “Молодежный сленг: толковый словарь” [5], И. Юганова и Ф. Югановой “Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90-х годов)” [6].

Ложь выбрана отнюдь не случайно. Если судить исключительно по количеству сленговых слов и выражений, обозначающих осуществление этого речеповеденческого акта, то в представлении молодежи он, безусловно, получает главенствующее положение. В количественном отношении семиофразеологическое поле “лжи” в сленге на порядок превосходит аналогичное поле в кодифицированном языке – одиннадцать глаголов и глагольных выражений в литературном языке [7, с. 212–213] против примерно ста пятидесяти глаголов и глагольных словосочетаний в сленге [8]. По количеству лексем группа “ложь” также с большим отрывом лидирует в системе речевых актов молодежного сленга. Не считая второй по количественной представленности группы “осуждения, упреки и оскорбления”, слов и выражений в группе “ложь” больше, чем в двадцати остальных группах речевых актов вместе взятых [8].

Ложь естественным образом осмысливается как противопоставленная правде. Именно правда является немаркированным членом этой оппозиции и ложь концептуализируется как некое отклонение от нее. По аналогии с противопоставлением правды и лжи, метафоры, в которых они явлены, также антонимически противопоставлены. В русском молодежном сленге можно выделить несколько групп таких метафор, находящихся в отношении взаимного отрицания.

Представление правды и лжи в системе метафорических дихотомий

Прямое vs. кривое. Не только в сленге, но и в общенародном языке правда ассоциируется с прямоотой. Прямотуше является синонимом честности, а прямой ответ – это ответ искренний. Ложь, напротив, в наивном сознании роднится с обиньяками и увертками, а также движением вкруговую и в обход.

Эта оппозиция является очень древней, и ее можно обнаружить уже в мифопоэтических представлениях – см., например, противопоставление Правды и Кривды в “Голубиной книге”. Причем следует отметить, что это противопоставление “прямоты” как истинного, правильного и хорошего “кривизне” как ложному, неправильному и плохому, свойственно не только русской культуре [9, с. 53].

Присутствие дихотомии “прямое vs. кривое” в сленге является одним из фактов, в которых ярко проявляется парадоксальная природа сленга. Сленг одновременно представляет собой язык в его наиболее молодом и наиболее древнем воплощении. С одной стороны, это ультрасовременный, мимолетный, ориентированный на ближайшее окружение и время язык. С другой стороны, в нем функционируют метафоры, свойственные еще дописьменному народному творчеству, а также зафиксированы наиболее древние представления о мире (примитивизм, анимизм, магическая функция

языка). О наличии сходных архаических представлений в воровском аргосм. классическую работу Д.С. Лихачева “Черты первобытного примитивизма воровской речи” [10].

В качестве примера действия данной метафоры можно указать глагол *гнуть*, который в сленге используется в значении ‘лгать, рассказывать что-л. вымышленное, вводить в заблуждение’ [5, с. 149]. Этот же глагол может описывать не только речь, но и поведение вообще. Одно из его значений – ‘притворяться кем-л., симулировать что-л.’ [там же]. Выражение *гнуть из себя* означает ‘важничать, зазнаваться’ [там же], т.е. указывает на попытки создать ложное впечатление о себе. Выражения *гнуть дугу, околицу, околесицу, объездом* используются в значении ‘с помощью многословия обходить главное, лгать через умолчание’ [4, с. 88].

Глагол *фигурять* означает ‘хитрить, ловчить, обманывать’ [4, с. 434]. Ср. просторечное *вихлять* ‘уклончиво говорить или поступать; хитрить’ [11, с. 401].

Для выражения значений ‘лгать, обманывать’ в сленге активно используется круговая метафора. Особенно продуктивен глагол *крутить*. Образованный по нестандартной словообразовательной модели глагол *крутануть* имеет значение ‘обмануть, обхитрить; выманить что-л. у кого-л.; не выполнить обещанного’ [4, с. 192]. *Раскрутить* значит ‘обмануть при совершении сделки’; *расрут/ка* обозначает ‘уговоры, обман, попытка убедить кого-л. сделать что-л.’ [4, с. 348]. *Закручивать* (также *закручивать мозги*) имеет значение ‘запутывать, сбивать с толку; привирать’ [4, с. 139]. В значении ‘лгать, обманывать, вводить в заблуждение’ также используются фразеологизмы *крутить бейцалки, крутить динамо/у, крутить луну, крутить уши. Вертануть* означает ‘обмануть, обвести вокруг пальца’ [4, с. 60; 5, с. 102].

В молодежном сленге также высоко продуктивна приставка *о(бъ)-*, которая выступает в роли своего рода скрытой морфемной метафоры. Процесс семантической деривации в данном случае проходит две ступени. Во-первых, изначально приставка *о-* употребляется с глаголами для указания на движение вокруг и в обход предметов, например *обойти, объехать* и т.д. Во-вторых, поскольку с такого рода движением ассоциируются определенные переносные значения, в том числе значения обмана, мошенничества и лжи, то приставка *о-* может уже сама по себе выступать как носитель названных значений при употреблении с некоторыми глагольными основами [12, с. 108]. Следующие глаголы, употребляемые в переносном смысле для указания на ложь и обман, являются тому подтверждением: *обуть* [6, с. 151; 4, с. 259], *обдирать* [6, с. 253], *обжухивать, облажать* [6, с. 254], *обмишуривать* [6, с. 255], *обстричь, обчекрыживать, обштопывать, обшустрить* [6, с. 259].

Правое vs. левое. К еще одному топологическому метафорическому противопоставлению, также имеющему очень древнюю историю, принадлежит оппозиция “правый vs. левый”. Прилагательное *левый* имеет явные отрицательные коннотации. Так, *левая* вещь – это вещь поддельная, или как выражаются на сленге же, не “фирмовая”, не “родная”. Т.е., другими словами, это вещь, которая лжет о своем происхождении. Вообще, левый

означает как ‘имеющий сомнительное происхождение; неофициальный, побочный’, так и ‘плохой, некачественный, вызывающий неодобрение’ [5, с. 410; 6, с. 121]. *Левые отмазки* означают ‘ложные оправдания’. *Левым базаром* называются ‘отговорки, оправдания, попытки отвлечь внимание от сути дела’ [4, с. 200]. В значении ‘обманывать’ используется фразеологизм *звать левак/а* [5, с. 409].

Простое, безыскусное vs. сложное, вычурное. Эпитетами правды часто служат прилагательные “безыскусная”, “голая” и “неприкрашенная”. С другой стороны, ложь предстает как нечто сложное, запутанное, вычурное.

В сленге к глаголам этой группы принадлежит *паутинить* ‘давать ложную информацию, темнить, запутывать’ [5, с. 583], который своей внутренней формой показывает, что ложь предстает как процесс, схожий с плетением паутины пауком. Ср. разговорное использование глагола *оплетать* в переносном значении ‘опутывать хитростями, уловками; обманывать’ [13, с. 910]. Значение ‘лгать, обманывать’ имеет и глагол *плести*, а также выражение *плести кружева* [4, с. 295]. Глагол *плести*, впрочем, широко используется в таком же значении не только в сленге, но и в просторечии – ср. однокоренное имя существительное *сплетни*. См. также *каверза* ‘интрига’ и *каверзня* ‘ложь, сплетня’, восходящее к *верзти* ‘вязать, плести’ [14, с. 153].

На вычурность лжи и приукрашивание фактов также указывает фразеологический оборот *нести хохлому* [5, с. 938].

Светлое, явленное, открытое vs. темное, мутное, скрытое. Также как и в просторечии, в сленге со значением ‘лгать, скрывать что-л.’ используется глагол *темнить*. Синонимичный *темнеть* глагол *морочить*, восходящий к существительным *морок*, *мрак* [14, с. 658], используется в устойчивых выражениях *морочить помидоры* и *морочить пятки*.

Глагол *чернушничать* означает ‘лгать, обманывать; подличать’ [4, с. 463]. Выражения *звать, лепить, садить чернуху* используются синонимично общеупотребительным *наговаривать, клеветать*. Фразеологизм *чернуху раскидывать* используется в значении ‘врать, рассказывать небылицы’ [6, с. 244].

Еще один глагол, в основу которого положено цветообозначение, – глагол *синить*. Он может использоваться в значениях ‘оскорблять, упрекать, наговаривать на кого-либо’ (личное наблюдение. – А.К.). В данном случае развитие значения произошло от сленгового же *синить* со значением ‘пить спиртные напитки’, поскольку состояние опьянения ассоциируется с потерей контроля за тем, что говорит выпивший.

Штриховаться означает ‘темнить, говорить неправду, замечать следы’ [4, с. 486; 5, с. 998]. Глагол *(за)мутить* значит ‘обмануть’ [5, с. 259]; *пуржить* – ‘нести чушь, болтать, лгать’ [4, с. 338; 5, с. 689]; выражение *пургу нести* – ‘говорить глупости, болтать лишнее, лгать’ [4, с. 338; 5, с. 689], ср. фразеологизм *пускать пыль в глаза*. См. также характерные фразеологизмы с существительным *мозг(и)*: *брахманудрить/канифолить/пудрить мозг(и)*.

Норма vs. повышение температуры. Все предыдущие оппозиции были вполне обычны и естественны. Они характерны не только для сленга, но и для кодифицированного языка. К тому же, они не замыкаются рамками только русскоязычной культуры и имеют очень широкое географическое распространение. В русском стандарте и жаргонах, однако, существует достаточно необычная ассоциация обмана и лжи с жарой, огнем, высокой температурой. Весьма странно, что в таком относительно холодном климате температура выше нормы получает отрицательную оценку – см., например, существительные *горе*, родственное глаголу *гореть* [15, с. 440], и *печаль*, производное от глагола *печь* [16, с. 254].

Нагрывать в сленге значит ‘обмануть’ [4, с. 234; 5, с. 494], *нажечь* – ‘обмануть, обвести, обхитрить’ [4, с. 235; 5, с. 496]. Глагол *парить* используется в значениях ‘обманывать, стараться обхитрить’ [4, с. 279; 5, с. 578], также как и выражения *парить бабу в красных кедах*, *парить репу/мозги*.

Значения ‘обманывать, мухлевать, жульничать’ также имеет глагол *жухать*, образованный от просторечного и арготического *жоx* ‘вахлак, плут, карманник’ [4, с. 129; 5, с. 230]. М. Фасмер отмечает, что слово *жоx*, по-видимому, связано с *жгу*, *жечь*, приводя в качестве обоснования глагол *обжигать* ‘обманывать, обсчитывать’ и существительное *выжига* ‘плут, мошенник’ [14, с. 62].

Ложь, совмещенная с речевой агрессией. Метафора лжи и обмана как вторжения в сознание собеседника. Специфическим для сленга является представление лжи и обмана как насильственного проникновения в сознание адресата. В этом случае в задачи говорящего входит сломить естественные барьеры недоверчивости и заставить собеседника поверить ложной информации. Если в случае представления лжи и обмана через метафору кружного пути активно использовалась приставка *о-*, то здесь на проникновение внутрь указывает приставка *в-*. Глагол *втирать* означает ‘лгать, обманывать, рассказывать заведомо нелепые вещи’ [4, с. 75] – ср. просторечный фразеологический оборот *втирать очки*. *Втравливать* значит ‘лгать, обманывать, убеждая, внушая’ [4, с. 75]; *втулять* – ‘рассказать что-л. неправдоподобное; дать ложную информацию, рассказать что-л. для отвлечения внимания’ [5, с. 124]. На совмещенность с речевой агрессией явно указывает глагол *вклеивать*, который помимо значения ‘обманывать’ [4, с. 64] также употребляется в значениях ‘ударить, побить’ и ‘отругать, наказать’ [4, с. 45].

К глаголам этой группы, предполагающим навязчивое воздействие на сознание адресата, также относится весьма популярный в молодежной среде глагол *грузить* ‘обманывать, лгать, фантазировать, пытаться запутать; быть тяжелым для восприятия, понимания, производить тяжелое впечатление; сложно выражать мысль, мудрить’ [4, с. 95; 5, с. 164].

Представления, положенные в основу значения глаголов данной группы, напоминают скорее техники пропагандистских воздействий и того, что называется “промыванием мозгов”. В сленге со значением ‘лгать’ даже присутствует переосмысление этой метафоры – фразеологизм *полоскать*

мозги. Как следствие, совершенно естественно, что глагол *мозгоклюйствовать*, наряду со значениями ‘приставать, докучать, донимать; внушать’, также имеет значение ‘лгать’ [4, с. 222]. В таком же смысле употребляются и многочисленные устойчивые выражения с существительным *мозг(и)*: *барать/жбанить/закручивать/компоствировать/* (см. также выше примеры в группе “свет vs. темнота”).

Вообще же, концептуализация лжи как своего рода атаки на сознание адресата достаточно удивительна, поскольку обычно лжец старается избегать открытой конфронтации, если только его, что называется, не припрут к стенке. Люди, которые лгут, стремятся скорее спрятаться за своими словами, самоустраниться. Вот почему одним из надежных лингвистических маркеров лжи в речи является снижение частотности личного местоимения *я* и других указаний на самого говорящего [17, р. 666, 670]. На ложь авторское право не распространяется. Скорее напротив, люди всячески отрекаются от обвинений во лжи. Агрессивность пропаганды здесь не является возражением, поскольку любая главенствующая идеология эффективно обезличивает своих апологетов, позволяя им спрятаться за анонимными расхожими формулировками.

Учитывая все вышесказанное, можно сделать следующие выводы. В сленге, так же как и в кодифицированном языке, правда и ложь представлены через систему оппозиций. Правда идет напрямик, ложь отклоняется от прямого пути, виляет. Правда проста, в то время как ложь сложна, запутанна. Правда открыта, ложь скрытна, утаивается. Правда вызывает представление о свете, ясности, ложь родственна темноте и замутненности.

В русском кодифицированном языке и субстандартах также отмечается ассоциация лжи с повышением температуры, жарой и огнем. Помимо этого, в сленге также присутствуют глаголы, в семантике которых обозначение лжи и обмана совмещено с указанием на речевую агрессию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 712 с.
2. *Chambers, J.K. Dialectology* / J.K. Chambers, P. Trudgill // 2nd ed. – Cambridge University Press, 1998. – 201 p.
3. *Stenström, A.-B. Trends in teenage talk: corpus compilation, analysis and findings* / A.-B. Stenström, G. Andersen, I.K. Hasund / *Studies in Corpus Linguistics*. – Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins B.V, 2002. – V. 8. – 228 p.
4. *Елистратов, В.С. Толковый словарь русского сленга* / В.С. Елистратов. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 672 с.
5. *Никитина, Т.Г. Молодежный сленг : толковый словарь: около 20 000 слов и фразеологизмов* / Т.Г. Никитина. – М. : АСТ : Астрель, 2009. – 1102 с.
6. *Юганов, И. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90-х годов)* / И. Юганов, Ф. Юганова ; под ред. А.Н. Баранова. – М. : Метатекст, 1997. – 304 с.

7. Гловинская, Н.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов / Н.Я. Гловинская // Русский язык и его функционирование: коммуникативно-прагматический аспект. – М. : Наука, 1993. – С. 158–218.
8. Кузин, А.Н. Распределение метакоммуникативных глаголов, обозначающих разновидности речевых актов, в русском литературном языке и русском молодежном сленге: количественный аспект / А.Н. Кузин // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета. Минск, МГЛУ, 27–28 апр. 2011 г. : в 5 ч. / отв. ред. Н.П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 2011. – Ч. 2 – С. 106–109.
9. Топорова, Т.В. Древнегерманские представления о праве и правде / Т.В. Топорова // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. – М.: Наука, 1995. – С. 52–55.
10. Лихачев, Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи / Д.С. Лихачев // Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона : Речевой и графический портрет советской тюрьмы. М. : Края Москвы, 1992. – С. 354–398.
11. БАС – Словарь современного русского литературного языка : в 18 т. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1951. – Т. II. В. – 1393 с.
12. Кузин, А.Н. Развитие переносных значений у глаголов с приставкой *о-* на основе вторичной мотивированности / А.Н. Кузин // Вестник МГЛУ. Сер. 1. – 2011. – № 6 (55). – С. 102–110.
13. БАС – Словарь современного русского литературного языка : в 18 т. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1959. – Т. VIII. О. – 1840 с.
14. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986. – Т. II (Е – Муж). – 672 с.
15. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986. – Т. I (А – Д). – 576 с.
16. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. III (Муза – Сят). – 832 с.
17. Newman, M.L. Lying Words: Predicting Deception From Linguistic Styles / M.L. Newman, J.W. Pennebaker, D.S. Berry, J.M. Richards // Personality and Social Psychology Bulletin. – Vol. 29, No. 5, May 2003. – P. 665–675.

The article examines the conceptual representation of lying through metaphors in contemporary Russian youth slang.

Поступила в редакцию 09.02.12

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

С.Ю. Кравченко

ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА
КАК ОБЪЕКТА МОДЕЛИРОВАНИЯ
С ЦЕЛЬЮ АВТОМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА

В статье рассматривается лингвистическая специфика японских текстов с целью их последующей автоматической обработки. Прежде всего обращается внимание на особенности японской письменности вообще, использующей иероглифы и несколько различных видов письменных знаков. Отмечается такая лексическая специфика японских текстов, как отсутствие пробелов между словами предложений. В описании специфики лексико-грамматических особенностей японских текстов подчеркивается агглютинативный характер японского языка. Важной особенностью японских текстов является специфичный порядок расположения слов в предложении. Семантическая организация японских слов и словосочетаний во многом зависит от того факта, что в японском языке используются иероглифы.

Как объект моделирования японский язык рассматривается во многих научных исследованиях, посвященных автоматической обработке текстов [1; 2; 3; 4]. Существует ряд существенных особенностей этого языка, отличающих его от других языков. Такие особенности проявляются практически на всех уровнях языковой системы – графемном, лексическом, лексико-грамматическом, синтаксическом и семантико-синтаксическом. Их учет является необходимым условием для эффективного решения задач автоматической обработки японских текстов.

Специфичной *особенностью японской письменности* является тот факт, что она состоит из трех основных частей – кандзи (иероглифов, заимствованных из Китая) и двух слоговых азбук – каны, созданных в Японии на основе кандзи – катаканы и хираганы. Большинство слов записываются иероглифами: числительные, существительные, глаголы, прилагательные, наречия, некоторые местоимения. Служебные части речи преимущественно записываются хираганой. Катакана употребляется главным образом для записи иностранных имен и вообще иностранных заимствований, кроме заимствований из китайского и частично корейского языков. Хирагана используется в основном для записи суффиксов слов. Некоторые слова японского происхождения, не имеющие иероглифического написания, также записываются хираганой. Кроме того, существует группа слов, имеющих иероглифическое написание, но традиционно записываемых хираганой: *おいしい* (ОИСИЙ: – *вкусный*, в иероглифах – *美味しい*), *ありがとう* (АРИГАТО: – *спасибо*, в иероглифах – *有難う*). Смешанное написание из чередующихся иероглифов и каны без пробелов является нормой современного японского письма [5].

Наиболее заметным отличием японского языка на *лексическом уровне* от таких языков, как английский или русский, является отсутствие пробелов в предложениях, а точнее, пробелов, используемых для разграничения слов:

E-OIL は、廃食用油が原料のバイオ・ディーゼル燃料。

Пробелы в японском языке обычно служат для разделения более крупных элементов текста, чем слова, таких, как например, (под)заголовков и собственно текст. Для однозначного указания границ слов (как правило, слов неазиатского происхождения), а также для разделения иностранных инициалов (например, для отделения имени от фамилии) могут использоваться специальные символы, например, ・ (точка посередине). Так, в приведенном выше примере записано словосочетание *バイオ・ディーゼル燃料* (био-дизельное топливо).

Проблеме границ слова в японском языке посвящено достаточно много работ, при этом мнения исследователей расходятся. Дело в том, что в силу агглютинативной природы японского языка границы между частями речи могут быть весьма размыты. На данный момент существует несколько подходов к выделению границ и классов японских слов, среди которых – традиционный японский [6], западный «морфемный» [7], западный «словарный» [8], советские и постсоветские подходы [9; 10; 11; 12]. В работе R. Otaguro отмечается, что практически все современные теории слова в японском языке можно разделить на два типа – морфемные и словарные [13]. Однако данная классификация всего лишь предлагает описание лексико-грамматического строя японского языка с точки зрения различных (морфологического и лексического) уровней языковой системы. Так, например, глагол *生かされている* (ИКАСАРЭТЭИРУ) может представляться как форма глагола *生かす* (ИКАСУ – *оживлять, сохранять в живом виде*) в пассивном залоге в длительном виде (образованном при помощи вспомогательного глагола *いる* (ИРУ – *быть*), или как совокупность морфем, образующих группу глагола, где

- 生か* – ИКА – корень (основа) глагола;
- さ* – СА – окончание основы глагола;
- れ* – РЭ – суффикс пассивного залога;
- て* – ТЭ – суффикс деепричастия;
- い* – И – корень вспомогательного глагола;
- る* – РУ – окончание основы вспомогательного глагола.

В соответствии с выбранной теорией границы слов могут быть представлены по-разному.

Много спорных ситуаций возникает при делении сложных слов на составные компоненты. В качестве факторов, определяющих выбор способа деления сложных слов, могут выступать такие лингвистические показатели, как этимология японских слов, их словообразовательные свойства или семантические характеристики:

- 高速道* (КО:СОКУДО:) –
 - *高速道* – *шоссе*, или
 - *高速道* – *высокоскоростная дорога*;
 - *高速道* – *дорога с высокой скоростью*;

南アメリカ人 (МИНАМИ АМЕРИКА ДЗИН) –

– 南アメリカ人 – южноамериканец, или

– 南アメリカ人 – житель (выходец) Южной Америки и т.д.

Еще одной лексической особенностью японского языка является возможность записи слов в короткой форме (как правило, в составе сложных слов), например:

東工大 (ТО:КО:ДАЙ – Токийский технологический институт),

где

東 (ТО:) = 東京 – ТО:КЁ: – Токио;

工 (КО:) = 工業 – КО:ГЁ: – промышленность, индустрия, технология;

大 (ДАЙ) = 大学 – ДАЙГАКУ – университет, институт.

Отличительные характеристики японского языка на лексико-грамматическом уровне являются прямым следствием его агглютинативной природы. Так, в центре слова обычно находится некоторый смысловый элемент (корень или независимое слово), на который по цепочке «нанизываются» лексико-грамматические и семантические форманты (аффиксы или зависимые слова), определяющие не только его грамматическое значение, но и относящие его к той или иной части речи:

赤い – АКАИ – красный (И – суффикс начальной формы прилагательного);

赤み – АКАМИ – краснота (МИ – субстантивирующий суффикс);

運命 – УНМЭЙ – судьба (корень);

運命的 – УНМЭЙТЭКИ – судьбоносный (ТЭКИ – суффикс прилагательного);

運命的に – УНМЭЙТЭКИНИ – судьбоносно, пророчески (НИ – суффикс наречия).

Японский язык также обладает обширной системой специальных суффиксов, вспомогательных глаголов и служебных слов, которые используются для выражения многочисленных видовых форм и наклонений глаголов и прилагательных, например:

描く (КАКУ – писать, рисовать, чертить):

– 描いている (КАЙТЭИРУ – длительная форма);

– 描いてしまう (КАЙТЭСИМАУ – совершенный вид, законченность действия);

– 描きたい (КАИТАЙ – желательное наклонение);

– 描いてほしい (КАЙТЭХОСИЙ – желательное наклонение (по отношению к собеседнику));

– 描ければ (КАКЭРЭБА – условное наклонение);

– 描いたら (КАЙТАРА – условное наклонение);

– 描こう (КАКО – приглашение);

– 描くべき (КАКУБЭКИ – долженствовательное наклонение);

– 描きたて (КАКИТАТЭ – форма деепричастия для обозначения недавно завершившегося действия) и т.д.

Из базовых грамматических характеристик японского языка можно назвать отсутствие категории рода, слабую выраженность категории числа (только у некоторых существительных) и наличие 12 поверхностных падежей (именительный тематический, именительный рематический, именительный общий (бессуфиксальный, или звательный), родительный, дательный, винительный, направительный, творительный, совместный, исходный, исходно-сравнительный и предельный), каждый из которых выражается специальным послелогом. Японские прилагательные обычно делят на два типа – спрягаемые и неспрягаемые. Система спряжения прилагательных включает формы и наклонения, совпадающие с глагольными. Глаголы и деепричастия не различаются по лицу, числу и роду. Категория времени ограничивается 2 значениями – прошедшее и настоящее-будущее время. Согласование между существительными, прилагательными, глаголами и другими частями речи по числу, роду, лицам и падежам отсутствует.

Релевантные для проблемы автоматического анализа текста *синтаксические особенности японского языка* выражаются в таких явлениях, как использование падежных показателей и послелогов для синтаксического связывания, специфический порядок слов в предложении (зависимости от подчиненного к главному слову всегда направлены слева направо и при этом не пересекаются), имплицитность подлежащего и сказуемого [3].

Падежные показатели, которые применяются для синтаксического связывания, следуют непосредственно за словами, к которым они относятся:

私は本を読んでいる – ВАТАСИ ВА ХОН О ЁНДЭИРУ – я читаю книгу,

где

私 – ВАТАСИ – я;

は – ВА – показатель именительного тематического падежа;

本 – ХОН – книга;

を – О – показатель винительного падежа;

読んでいる – ЁНДЭИРУ – глагол *читать* в длительном виде.

Падежные показатели могут отсутствовать, например, в сложных словах или в случае использования бессуфиксального (звательного) падежа.

Порядок слов в предложениях японского языка – фиксированный. Если в английском языке типичное повествовательное предложение соответствует структуре типа «подлежащее – сказуемое – дополнения» (или субъект – акция – объект), то японским предложениям (как повествовательным, так и вопросительным) свойственна структура типа «подлежащее – дополнения – сказуемое» (субъект – объект – акция):

Учитель читает книгу –

先生は 本を 読んでいます。

СЭНСЭЙ ВА ХОН О ЁНДЭИМАС

учитель книгу читает

Для слов и словосочетаний, распространенных группой сказуемого, применяется структура типа «группа сказуемого – определяемое слово», где группа сказуемого соответствует структуре, описанной выше («подлежащее – дополнения – сказуемое»), в отличие от, например, английского

языка, где применяется структура «именная группа – группа сказуемого». Отсутствие относительных местоимений в японском языке увеличивает неоднозначность синтаксической связи между определяемым и определением:

Дом, в котором жил учитель –
先生が 住んでいた 家
СЭНСЭЙ ГА СУНДЭЙТА ИЭ
учитель жил дом

Явление имплицитности также проявляется в частом отсутствии подлежащего, выраженного личным местоимением, в предикатных группах. Японскому письменному языку также свойственно опущение некоторых глаголов, таких как *である* (ДЭАРУ – *быть, являться*), что выражается в виде именного сказуемого или сказуемого, выраженного прилагательным, например:

この本は面白い [である]
КОНО ХОН ВА ОМОСИРОЙ [ДЭ АРУ].
Эта книга – [есть] интересная.

98年期の売上高が4000万円 [である]

КЮ:ДЗЮ:ХАТИ НЭНКИ НО УРИАГЭДАКА ГА ЁН СЭН МАН ЭН [ДЭ АРУ].

Сумма продаж за 98 год – [равна] 40,000,000 иен.

研究の末、1993年、廃食油を原料としたVDF (Vegetable Diesel Fuel) の開発に成功 [した].

В результате научных исследований в 1993 году открытие растительного дизельного горючего, в основе которого лежат остатки использованного пищевого масла, увенчалось успехом, где вместо глагола *成功する* (СЭЙКО:СУРУ – *удаваться, быть успешным*) в прошедшем времени используется существительное *成功* (СЭЙКО: – *успех*).

Семантические особенности японского языка находят отражение, прежде всего, в японской письменности – иероглифике. Большинство иероглифов в японском языке несет определенную смысловую нагрузку вне зависимости от их лексико-грамматической роли. При этом они могут использоваться как самостоятельно (в виде корневых морфем) в качестве существительных, прилагательных, глаголов и других частей речи, так и в роли «кирпичей» для образования сложных слов или неологизмов.

Смысл морфем или слов, состоящих из нескольких иероглифов, не всегда является результатом сложения значений их составных компонентов, однако зачастую (особенно в словах-неологизмах) обладает их семантическими свойствами:

у существительных:

– 望遠鏡 – БО:ЭНКЁ: – *телескоп*, где 望遠 – БО:ЭН – *смотреть вдаль*, 鏡 – КЁ: – *зеркало*, где, в свою очередь, 望 – БО: – *желание, желать*, 遠 – ЭН – *далекий, даль*;

– 白血病 – ХАККЭЦУБЁ: – *лейкемия*, где 白 – ХАКУ – *белый*, 血 – КЭЦУ – *кровь*, 病 – БЁ: – *болезнь*;

у глаголов:

– 振り合う – ФУРИАУ – *соприкасаться*, где 振り – ФУРИ – *махать, размахивать* с окончанием основы РИ, 合う – АУ – *подходить, совпадать*;

– 読み出す – ЁМИДАСУ – *считывать данные (обычно с электронного носителя информации с тем, чтобы показать их пользователю)*, где 読み – ЁМИ – *читать* с окончанием основы МИ, 出す – *выставлять, выпускать, выдавать*.

Особую роль в японском словообразовании имеют семантические суффиксы (化, 性, 者, 器 и т.д.). Присоединяясь к корневым морфемам, семантические суффиксы придают им специфический оттенок (например, указывают на действие или свойство):

アクティブ化 – АКУТИБУКА – *активизация*,

где

アクティブ – АКУТИБУ – *активный* (от англ. *active*);

化 – КА – семантический суффикс, придающий значение действия.

Семантико-синтаксические связи между участниками/элементами текстовых ситуаций выражаются так же, как и во многих других языках – через грамматические формы, поверхностные падежи, частицы и послелогии. Особое место в данной подсистеме японского языка занимает тематический падеж, который употребляется для выделения некоторого элемента текстовой ситуации, но при этом никак не указывает на его роль в данной ситуации, что свидетельствует о его высокой семантической многозначности. Например, в предложении:

2000年はお婆さんがいなくなった

НИСЭННЭН ВА ОБАСАН ГА ИНАКУНАТТА.

В 2000 году умерла моя бабушка.

словосочетание *2000 год* обозначено тематическим падежом, указывающим на обстоятельство времени. В примере же:

お婆さんは2000年にいなくなった

ОБАСАН ВА НИСЭННЭН НИ ИНАКУНАТТА.

Моя бабушка умерла в 2000 году.

словосочетание *моя бабушка* обозначено тематическим падежом, указывающим на «субъекта» (подлежащее) в данной ситуации.

Еще одной отличительной особенностью японского языка является широкое применение устойчивых словосочетаний для придания различных семантических оттенков:

学校に行くかもしれない – ГАККО: НИ ИКУ КАМОСИРЭНАЙ,
возможно, что я пойду в школу

学校 – ГАККО: – *школа*;

に – НИ – показатель направительного падежа;

行く – ИКУ – *идти*;

かもしれない – КАМОСИРЭНАЙ – *возможно*, устойчивое словосочетание, состоящие из か (КА – частица), も (МО – частица), しれない (СИРЭНАЙ – глагол 知る (СИРУ – *знать*) в отрицательной форме потенциальном залоге).

То же самое можно сказать о предикатных группах, значения которых зачастую выражаются не только через глаголы и прилагательные, но и через аналитические построения, например:

必要がある – ХИЦЁ: ГА АРУ – *нуждаться* (досл.: *иметь необходимость, нужду*),

где

必要 – ХИЦУЁ: – *необходимость, необходимый*;

が

– ГА – показатель именительного рематического падежа;

ある

– АРУ – *иметь, обладать*;

気になる

– КИНИНАРУ – *беспокоиться (о чем-либо)*,

где

気

– КИ – (*прям. и перен.*) *атмосфера, дух*;

に

– НИ – показатель направительного падежа;

なる

– НАРУ – *становиться*.

Как видно из вышесказанного, японский язык обладает некоторыми уникальными характеристиками по сравнению с другими широко распространенными языками, которые необходимо учитывать в процессе разработки языковой модели для систем автоматического анализа текстов. К наиболее существенным из них следует отнести такие характеристики, как:

1) использование одновременно нескольких видов письменности в текстах – катакана, хирагана, кандзи и ромадзи;

2) отсутствие пробелов или других формальных показателей для обозначения границ японских слов;

3) использование обширной системы аффиксов, служебных слов и вспомогательных глаголов для передачи лексико-грамматических значений слов и семантических оттенков текстовых ситуаций;

4) строго фиксированный порядок слов в предложении;

5) имплицитность (отсутствие относительных местоимений, а также широко распространенное явление импликации глаголов и личных местоимений);

6) аналитический характер семантической организации слов и словосочетаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Модина, Л.С.* Принципы анализа японских текстов при моделировании японской лексико-морфологической системы / Л.С. Модина, З.М. Шаляпина // Труды международного семинара ДИАЛОГ '96 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – М. : Наука, 1996. – С. 169–174.

2. *Костыркин, А.В.* Экспериментальный комплекс ЯРАП для исследований по японско-русскому автоматическому переводу / А.В. Костыркин, М.И. Канович, Л.С. Модина [и др.]. – М. : Изд. вост. лит., 2008. – 146 с.

3. *Sadao, Kurohashi*. KN Parser : Japanese Dependency / Kurohashi Sadao, Nagao Makoto // Proceedings of the Workshop on Sharable Natural Language Resources, 1994. – P. 284–306.
4. *Tetsuji, Nakagawa*. Multilingual Word Segmentation and Part-of-Speech Tagging: a Machine Learning Approach Incorporating Diverse Features: Doctorial Dissertation / Nakagawa Tetsuji. – Nara Institute of Science and Technology, 2006. – 36 p.
5. *Старостин, С.А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка / С.А. Старостин. – М. : Наука, 1991. – 298 с.
6. *Shibatani, M.* The Languages of Japan / M. Shibatani. – Cambridge Univ. Press, 1990. – 178 p.
7. *Rickmeyer, J.* Japanische Morphosyntax / J. Rickmeyer. – Heidelberg : Groos, 1995. – 124 p.
8. *Martin, S.* A Reference Grammar of Japanese / S. Martin. – New Haven : Yale Univ. Press, 1975. – 106 p.
9. *Ефимова, С.К.* Лексикология японского языка: электронный учебник на сайте ЯГУ / С.К. Ефимова, Е.С. Руфова. – ЯГУ, 2005. – 96 с.
10. *Лаврентьев, Б.П.* Практическая грамматика японского языка / Б.П. Лаврентьев. – М. : Живой язык, 2002. – 351 с.
11. *Алпатов, В.М.* Структура грамматических единиц в современном японском языке / В.М. Алпатов. – М. : Наука, 1979. – 149 с.
12. *Пашковский, А.А.* Слово в японском языке / А.А. Пашковский. – М. : Изд. вост. лит., 2006. – 208 с.
13. *Otoguro, Ryo*. Surface-Oriented Morphological Network / Ryo Otoguro. – Waseda, 2010. – 162 p.

The article reviews the specifics of the Japanese language related to the problem of modeling of the text content and its automatic analysis. Attention is drawn to those elements of the language system, which can influence the choice of the analysis method and the organisation of the automatic text analysis system.

Поступила в редакцию 06.02.12

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В.А. Радзіеўская

ГІБРЫДНАЯ ІДЭНТЫЧНАСЦЬ У РАМАНЕ Л.М. СІЛКА «АБРАД»

Артыкул прысвечаны разгляду мастацкага ўвасаблення гібрыднай ідэнтычнасці ў рамана амерыканскай пісьменніцы індзейскага паходжання Л.М. Сілка «Абрад». Пошук ідэнтычнасці (і перш за ўсё, этнічнай) з'яўляецца адным з асноўных матываў, якія характарызуюць адметнасць сучаснай індзейска-амерыканскай літаратуры. На прыкладах вобразаў герояў рамана ў артыкуле даследуюцца прыведзеныя пісьменніцай варыянты сучаснай індзейскай ідэнтычнасці – монаэтнічнасць, крыптаэтнічнасць, нулявая ідэнтычнасць і поліэтнічнасць. На аснове асаблівасцяў вобразнай сюжэтнай сістэмы і кампазіцыі рамана (спалучэнні вершаванай і праязачнай формы) робіцца выснова пра з'яўленне новага варыянта ідэнтычнасці індзейца – гібрыднай ідэнтычнасці, якая ў большай ступені адпавядае сітуацыі мультыкультуралізму і дапамагае спалучыць культурны і індывідуальны аспекты ідэнтычнасці асобы.

У сучаснай амерыкана-індзейскай літаратуры (з 60–70-х гадоў ХХ ст.) вялікую цікавасць выклікае феномен культурнага памежжа, які часта звязваецца з распрацоўкай паняцця гібрыднай ідэнтычнасці. Адметнасць сацыяльна-культурнай сітуацыі ЗША, а менавіта суіснаванне і ўзаемадзейненні некалькіх этнасаў у межах адной дзяржавы прывялі да выпрацоўкі «ўстойлівых прамежкавых або медыятыўных форм культурнага ўзаемадзеяння, якія <...> называюць гібрыднымі, памежнымі, што ўнутрана і ў найбольш поўнай форме адпавядаюць постмадэрнісцкай адчувальнасці» [1, с. 9]. Этнічная ідэнтычнасць, з'яўляючыся базісам ідэнтычнасці чалавека [3] і культурнай асновай соцыуму [2, с. 42], ёсць катэгорыя рухомая, на ўсведамленне якой уплываюць глабальныя змены ў сацыяльна-палітычнай сферы і гетэрагеннасць этнічнага наваколля [3]. Такая рухомасць, множнасць, якую можна апісаць у паняццях гібрыднасці і сінкрэтызму, фармуе асобны дыкурс – посткультурны (postcultural), дзе асноўная ўвага звернута на міжкультурныя дачыненні, а літаратура разглядаецца з улікам рознага кшталту ўплываў – палітычных, культурных, псіхалагічных, што характарызуюць сучасную сацыяльна-культурную сітуацыю ў свеце [1, с. 7]. Такая сучасная культурная сітуацыя, на думку Хомі Бгабхі (Homi Bhabha), адрозніваецца рухомасцю межаў, пастаянным перасэнсаваннем традыцый, артыкуляцыяй культуры на памежжы канкурэнтных дыскурсаў [4, с. 9]. Гібрыдная форма свядомасці, якая ў сваім складзе спалучае культурныя коды дзвюх або больш традыцый і якую Глорыя Ансальдуа (Gloria Anzaldua) называе «mestizaje», адрозніваецца ад простага канстатацыі адметнасці і ўзаемавыключэння дзвюх або больш культур. Фармуецца новы тып мыслення і ўспрыняцця свету – шматнакіраваны (divergent thinking) (у адрозненне ад аднакіраванага (convergent thinking), які ў большай ступені характарызуе заходнюю цывілізацыю), што прыводзіць да культурнай

перспективы, якая «хутчэй уключае ў сябе, чым з сябе выключае» [5, с. 79]. Чалавек з новай гібрыднай свядомасцю аб'ядноўвае ў сабе здабыткі некалькіх культурных традыцый, не механічна іх спалучаючы, але сінтэзуючы іх у адметную з'яву, якая дапамагае яму перагледзець традыцыю, гісторыю, каштоўнасці і сфармаваць адпаведнае сучаснай сітуацыі светаўспрыняцце, каб «пераўтварыць маленькае «Я» ў поўнаўтварасную «Самасць» [5, с. 79]. Адпаведным чынам, гістарычныя, сацыяльныя, палітычныя, культурныя працэсы ў ЗША ад пачатку заснавання амерыканскай дзяржавы ўплывалі і ў сучаснай глабальнай сітуацыі мультыкультуралізму працягваюць уплываць на фармаванне этнічнай самасвядомасці індзейцаў, якая прымала розныя формы: манаэтнічная ідэнтычнасць (са сваёй групай – індзейскай ці з чужой дамінантнай – англа-саксонскай (крыптаэтнічнасць), шматэтнічная (з дзвюма і больш групамі – напрыклад, мексіканскай, групай свайго племені і англа-саксонскай), маргінальная (немагчымасць адчуць поўную прыналежнасць да якой-небудзь этнічнай групы), адсутнасць этнічнай ідэнтычнасці (нулявая ідэнтычнасць).

У той жа час варта адзначыць адметнасць індзейскай літаратуры сярод этнічных літаратур ЗША. Этнічна-культурная асаблівасць індзейцаў заключаецца ў тым, што яны – карэнныя жыхары амерыканскага кантынента, культура якіх была вымушаная спыніць сваё развіццё падчас татальнай каланізацыі і асіміляцыі з боку еўрапейцаў. Індзейскае адраджэнне дапамагло індзейскім аўтарам выявіць і акрэсліць сваю культурную спадчыну, якая, па сутнасці, засталася ў дакаланізацыйным выглядзе, што ў творах сучаснай індзейскай літаратуры выяўляецца праз зместавы і фармальны зварот да фальклору і вусна-паэтычнай традыцыі. Менавіта таму ў творчасці сучасных амерыканскіх пісьменнікаў індзейскага паходжання (Л.М. Сілкі (L.M. Silko), Д. Макнікл (D. McNickle), Д. Уэлч (J. Welch), Н.С. Мамадэй (N. S. Momaday), К.Л. Эрдрыч (K.L. Erdrich), П.Г. Алэн (P.G. Allen), Л. Хоган (L. Hogan), Дж. Вайзенар (G. Vizenor), Т. Кінг (T. King), С. Ортыз (S. Ortiz) і інш.) вялікая ўвага надаецца разгляду ўзаемадачыннення культурных традыцый у межах свядомасці асобнага чалавека, носьбіта сінкрэтычнага светаўспрыняцця.

Аб'ектам дадзенага артыкула з'яўляецца раман сучаснай амерыканскай пісьменніцы індзейскага паходжання Леслі Мармон Сілкі (Leslie Marmon Silko, 1948) «Абрад» (Ceremony, 1977), прадметам – мастацкае ўвасабленне гібрыднай ідэнтычнасці ў рамане «Абрад» (Ceremony, 1977).

Леслі Мармон Сілкі, з'яўляючыся носьбітам індзейскай культуры племені лагуна пуэбла, мексіканскай і амерыканскай культур, спалучае розныя культурныя коды ў літаратурнай творчасці і асобную ўвагу надае тэме гібрыднай ідэнтычнасці.

У рамане «Абрад» Л.М. Сілкі будзе сюжэт вакол гісторыі Таё, чалавека змешанай крыві (mix-blood), які вяртаецца з Другой сусветнай вайны ў рэзервацыю і пакутуе ад псіхалагічных наступстваў перажытага. Аднавіць псіхічную раўнавагу яму дапамагае праходжанне праз абрад, які ладзіць шаман-напаўкроўка Бетані. Зместавы ўзровень рамана абумоўлівае яго

фармальны план: твор пабудаваны ў адпаведнасці з этапамі і сімволікай абрада. Спалучаючы вершаваную частку рамана, прысвечаную пераказу легендаў індзейскага племені лагуна пуэбла, з празаічнай, якая ўтрымлівае сюжэтную лінію пратаганіста Таё, з дапамогай прыёма расповеду Л.М. Сілка ўключае чытача ў інтэлектуальна-эмацыйны ўдзел у абрадзе аднаўлення гармоніі. Разглядаючы праз свядомасць галоўнага героя складнікі ідэнтычнасці асобы, вяртанне цэласнасці якой з’яўляецца галоўнай тэмай рамана, пісьменніца надае асаблівую ўвагу пошукам этнічнай ідэнтычнасці сучаснага індзейца.

Л.М. Сілка часта звяртаецца да вобразаў напаўкровак – людзей змешанай этнічнай прыналежнасці, носьбітаў дзвюх ці больш культурных традыцый, якія поўнасцю не абмяжоўваюцца ні адной з іх (напрыклад, Таё, Бетані, маці Бетані). Такія героі, з аднаго боку, пакутуюць ад таго, што яны змешанай крыві і не ўспрымаюцца ні сваякамі, ні сябрамі як паўна-вартасныя індзейцы, а з другога – разумеюць, што ні адна з гэтых культурных традыцый не дае адказы на праблемныя пытанні асобы ва ўмовах фармавання новага светаўспрыняцця. Разважаючы аб этнічнай ідэнтыфікацыі сучаснага індзейца, Л.М. Сілка разглядае яе магчымыя варыянты: *монаэтнічнасць (індзейская), крыптаэтнічнасць або нулявая ідэнтычнасць, гібрыднасць*.

1. *Монаэтнічнасць (індзейская)* – самаідэнтыфікацыя выключна з этнічна-культурнай традыцыяй продкаў, прадстаўленая ў вобразах шамана Куоша, бабулі Таё, дзядзькі Ісаі.

Прадстаўнікі з індзейскай монаэтнічнасцю – героі сталага веку, чыё жыццё ўжо прайшло, прычым у адрозных ад сучаснасці ўмовах. Выклікаючы павагу ў маладога пакалення як носьбіты традыцыі (Ісая навучае Таё і Рокі паляваць у адпаведнасці з вераваннямі племені), яны не могуць дапамагчы герою ў змененай сітуацыі. Вельмі яркімі і паказальнымі з’яўляюцца два сюжэтныя хады рамана, якія вызначаюць накірунак сюжэта і выяўляюць немагчымасць поўнага вяртання да старой традыцыі. Першы адбываецца з Таё, калі на вайне ў твары забітага в’етнамскага жаўнера ён бачыць свайго дзядзьку Ісаю. Старая індзейская традыцыя «адмірае» ў свядомасці Таё, вяртанне да яе нязменнага і першапачатковага выгляду падаецца немагчымым, а новае яшчэ не сфармавалася, таму герой пакутуе ад унутранага хаосу, ад сваёй «адсутнасці» (знаходзячыся ў вайсковым шпіталі, ён адчувае сябе «ценом»). Другі сюжэтны ход выяўляецца ў тым, што старажытны індзейскі абрад шамана Куоша не дапамагае Таё, які не толькі вярнуўся з вайны з псіхалагічнай траўмай (бо абрад заўсёды дапамагаў продкам, гісторыя якіх па большай частцы складалася з узброеных канфліктаў), але не можа знайсці сябе ў новым свеце, што прымушае яго шукаць нешта іншае, новае, адрознае (ён і знаходзіць гэта ў «змененым» абрадзе шамана напаўкроўкі Бетані).

Немагчымасць поўнага атаясамлення сябе з культурнай традыцыяй продкаў падводзіць героя да адчування «маргінальнасці», якая, паводле М. Тластанавай, з’яўляецца найбольш важнай кропкай судакранання

постмадэрнісцкай адчувальнасці і сучаснай полікультурнай канцэпцыі ў якасці «прадукта каштоўнаснай і нарматыўнай амбівалентнасці, неадпаведнасці норме, не звязанай у дадзеным выпадку толькі з культурнай геаграфіяй» [1, с. 127] і ў аснове якой ляжаць такія сутнасныя з’явы як «праблематыка ідэнтычнасці і ўзаемасувязі асабістага і культурнага пачаткаў» [1, с. 167]. З моманту ўсведамлення памежнасці або па-за-межнасці і пачынаецца пошук ідэнтычнасці.

2. **Крыптаэтнічнасць** – самаідэнтыфікацыя з чужой культурай, якая раскрываецца праз вобразы герояў Рокі, Эма, Харлі.

Культурна-асіміляцыйная палітыка ЗША ў дачыненні да індзейцаў часам прыводзіла да таго, што нават «чыстакроўныя» індзейцы ці індзейцы змешанай крыві ўспрымалі сябе перш за ўсё як амерыканцы, адрозныя па колеры скуры, але роўныя ў статусе, правах і абавязках з белымі. У выніку адбывалася накладанне паняццяў нацыянальнасці (амерыканскай) і этнічнасці (індзейскай, англа-саксонскай): індзейцы не толькі і не столькі атаясамлівалі сябе з англа-саксонскай культурай, колькі наогул страчвалі сваю этнічную ідэнтычнасць, замяняючы яе на амерыканскую нацыянальнасць (нулявая ідэнтычнасць). Так, Рокі, Эма, Харлі ў шэрагах амерыканскага войска з натхнёнасцю і гонарам за амерыканскую нацыю і ў надзеі на прызнанне сябе роўнымі белым трапілі на В’етнамскую вайну. Паказальна, што апісаны пасляваенны лёс тых, хто здолеў вярнуцца дахаты, зусім адрозніваўся ад абяцанняў вайсковага начальства напярэдадні вайны – павага была толькі да індзейцаў у форме амерыканскіх жаўнераў; калі ж форму знялі, то вярнулася пагарда і дыскрымінацыя. Л.М. Сілка выкарыстоўвае цікавы сюжэтны ход – героі з нулявой ідэнтычнасцю або крыптаэтнічнасцю паміраюць, што падкрэслівае думку пра немагчымасць поўнай асіміляцыі (melting pot) у культуру белага насельніцтва, а канчатковае адмаўленне ад традыцыі продкаў (нулявая ідэнтычнасць) прыводзіць да смерці або адсутнасці будучыні (цётка Таё, ухваляючы крыптаэтнічнасць сына Рокі, у выніку страчвае яго – ён памірае). Крыптаэтнічнасць жа як такая выклікае смех нават у саміх індзейцаў, чыя этнічнасць перш за ўсё праяўляецца ў расавых характарыстыках. Так, сябры Таё (Эма, Харлі, Лірой) распавядаюць вясёлую гісторыю пра дачыненні з белымі дзяўчатамі, з якімі яны выдавалі сябе за італьянцаў.

Такім чынам, Л.М. Сілка паказвае, што шлях «крыптаэтнічнасці» сучаснаму індзейцу Таё не падыходзіць, бо перш за ўсё расавыя характарыстыкі ніколі не дазваляць яму «ўліцца» ў этнас белага чалавека, які да таго ж не ўспрымаецца як свой у дачыненні да звычаяў, традыцый, культуры, філасофіі (вядзенне жорсткай вайны на Філіпінах, паляванне на ільва паліцэйскімі, усталяванне рэзервацый і межаў для карэннага насельніцтва, грэблівае стаўленне да ветэранаў вайны індзейскага паходжання і інш.). Не падаецца магчымай замена этнічнай ідэнтычнасці на нацыянальнасць («нулявая ідэнтычнасць»), якая прыводзіць, з аднаго боку, да страты цэласнасці свайго вобразу, а з другога – да страты сувязяў з любой культурай [3]. Нездарма Таё ўвесь час пакутуе ад жадання забіць Эма, які праз страту

этнічнай ідэнтычнасці мае вялікія праблемы са сваёй ідэнтычнасцю ў цэлым: ён вельмі грэбліва ставіцца як да белых жанчын, так і да палонных і забітых ім афіцэраў, зубы якіх ён носіць як трафей, так і да братоў-індзейцаў, годнасць якіх увесь час абражае.

3. Гібрыдная ідэнтычнасць – «mestizaje», своеасаблівае спалучэнне культурных кодаў дзвюх ці больш культур і фармаванне на іх аснове новай ідэнтычнасці, што выяўляецца на прыкладзе вобразаў Таё, шамана Бетані.

У рамане Таё ўсведамляе сваю «памежнасць», адзначаючы: «Я – напаяў-кроўка. Я першы скажу гэта. Я прадстаўляю абодвы бакі»¹ [6, с. 42]. Ён бачыць новы шлях развіцця: не англа-саксонскі, але і не вузка традыцыйны індзейскі. Час і ўмовы жыцця змяняюцца, вымагаючы ад чалавека фармаванне новых анталагічных і эпістэмалагічных падыходаў да сябе і свету, таму не могуць не змяняцца погляды на традыцыю. Менавіта людзі з памежнай, сінкрэтычнай свядомасцю з'яўляюцца больш адчувальнымі да зменаў, бо змены закранаюць адзін з сутнасных складнікаў іх ідэнтычнасці – этнічнасць. Начная Лебедзь, гераіня рамана, кажа Таё: «Індзейцы, мексіканцы, белыя – большасць людзей баяцца зменаў. Яны думаюць, што, калі іх дзеці маюць такія самы колер скуры, такія самы колер вачэй, то нічога не зменіцца <...> гэта дазваляе ім не думаць пра тое, што адбываецца ў іх унутры» [6, с. 100]. Традыцыйныя старажытныя метады шамана Куоша не могуць дапамагчы Таё аднавіць духоўную раўнавагу, цэласнасць «Я-вобраза», таму ён звяртаецца да шамана Бетані, які спалучае традыцыйныя і сучасныя метады лекавання, паколькі са з'яўленнем белых свет фізічна і духоўна змяніўся, а гармонія – катэгорыя няўстойлівая, якую ўвесь час трэба падтрымліваць. У вобразе шамана «новага тыпу» Бетані Таё бачыць сувязь часу – старажытнага (вопратка, месца жыхарства, архітэктура дома (хоган), легенды племені, індзейская мова) і новага (газеты, тэлефонныя даведнікі, гісторыі з уласнага досведу, гісторыі змагання Джэроніма з белымі, англійская мова). Л.М. Сілка далёкая ад крайняга трайбалізму і ад аднакіраванага абвінавачання белай расы ва ўсіх бедах карэннага насельніцтва. Указваючы на недапушчальныя дзеянні з боку прадстаўнікоў англа-саксонскага этнасу ў фізічным, эканамічным, палітычным, культурным вынішчэнні індзейцаў, пісьменніца не здымае віны і з саміх індзейцаў, якія праз уласную духоўную слабасць дапусцілі гэта. Скразной лініяй праз увесь раман праходзіць легенда пра злых індзейскіх чараўнікоў (увасабленне сілаў зла), якія прыдумалі еўрапейцаў і з іх дапамогай пачалі барацьбу з духоўнасцю чалавецтва і сіламі добра. Белае насельніцтва выступае, такім чынам, не крыніцай, але толькі інструментам злых сілаў, якія дзейнічаюць як супраць індзейцаў, так і супраць белых. Ад лакальнага этнічнага канфлікту індзейскага і белага насельніцтва ЗША Л.М. Сілка выходзіць на ўніверсальны ўзровень разумення і прызнання неабходнасці мірнага і эфектыўнага суіснавання розных этнасаў, культур, ідэнтычнасцяў.

¹ Тут і далей пераклад мой – В.Р.

У аднаўленні сувязі мінулага і сучаснага, ва ўсведамленні сувязі ўсяго значнага, што адбылося ў жыцці Таё, яго народа, чалавецтва, і палягае вяртанне цэласнасці ўспрыняцця сябе і свету. І ў гэтай сувязі трэба бачыць важнае. Абрад пачынаецца з таго моманту, калі Таё і Бетані адначасова распавядаюць сутнасныя гісторыі кожны са свайго жыцця, калі сучаснасць звязваецца са старажытнасцю (легенда пра хлопчыка-мядзведзя, пра старадаўняе чараўніцтва сілаў зла) і будучыняй (прадказанні Бетані, што Таё будуць перашкаджаць завяршыць абрад). Падчас такога трызнення Таё разумее, што яго хвароба – гэта «частка чагосьці большага, а лекі знойдуцца толькі праз аднаўленне чагосьці вялікага, праз узаемасувязь усяго з усім» [6, с. 126].

Гібрыднасць вобраза Таё падкрэсліваецца праз асаблівы сімвалізм колеру яго вачэй – пераходнага ад вельмі цёмнага індзейскага да светлага еўрапейскага [6, с. 99]. Такую ж самую адметнасць мае яшчэ адна гераіня рамана – бабуля шамана Бетані, якая сталася каталізатарам змен у старажытных індзейскіх абрадах. Праз светла-карычневы колер вачэй герояў яшчэ раз падкрэсліваецца з’ява гібрыдызацыі, прысутнасці дзвюх розных культур у адным чалавеку, які глядзіць на свет па-іншаму. Асацыяцыя двух герояў – Таё і бабулі Бетані – таксама невыпадковая, таму што абое з’яўляюцца вестунамі новага тыпу погляду на свет, новай гібрыднай свядомасці, новай культуры – неаднабаковай, але сучаснай дывергентнай.

Спалучэнне традыцыйна-старажытнага і сучаснага, што мае вынікам гібрыднасць ідэнтычнасці, выяўляецца праз суаднесенасць герояў з багамі ці культурнымі героямі. Так, Таё атаясамліваецца з культурным героем Калібры з вершаванай часткі рамана – абодва змагаюцца з сіламі зла і аднаўляюць гармонію ў сабе і свеце. Гераіня Ts’eh, якая дапамагае Таё ў праходжанні абрада, асацыіруецца з багіняй A’too’ooh.

Гібрыдызацыя выяўляецца ў форме рамана – у спалучэнні двух наратываў: вершаванай часткі, у якой распавядаюцца легенды дагістарычных часоў індзейскага племені лагуна пуэбла (міф першастварэння, легенда пра ўзнікненне гісторыі і абрадаў, апавед пра культурных герояў Муху і Калібры, якія вяртаюць аблогі на Зямлю), і празаічнай часткі, у якой развіваецца лінія героя Таё. Такое спалучэнне празаічнага і вершаванага тэксту дапамагае на фармальным узроўні аб’яднаць дзве літаратурныя традыцыі – у межах жанра рэалістычнага рамана прысутнічаюць адметнасці прыёмаў індзейскага твораскладання: прыём расповеду (storytelling), нелінейнасць апаведу, паліфанізм.

Такім чынам, Л.М. Сілка бярэ этнічную ідэнтычнасць за аснову «Я-вобраза» асобы і дае яе магчымыя варыянты (монаэтнічнасць (Ісая, бабуля Таё, Куош), крыптаэтнічнасць (Рокі, цётка Таё), нулявая ідэнтычнасць (Харлі, Эма, Лірой), гібрыдная або поліэтнічнасць (Таё, Бетані)) у культурна-сацыяльнай сітуацыі ЗША ў перыяд напісання свайго твора. Пісьменніца прыходзіць да высновы, што найбольш адпаведнай формай этнічнасці ва ўмовах індзейскага адраджэння, сітуацыі мультыкультуралізму і глабалізму,

перагляду эпістэмалагічнай парадыгмы з'яўляецца новая – гібрыдная – ідэнтычнасць, якая робіцца асновай фармавання цэласнай ідэнтычнасці індзейца ў амерыканскім грамадстве і сучасным свеце. Такая ідэнтычнасць (герой Таё) дазваляе спалучыць традыцыі продкаў з сучасным светаадчуваннем для дасягнення цэласнасці свайго «Я», якое дазваляе суіснаваць у межах адной свядомасці культурнага і асабістага пачаткаў, не страціць сутнаснае этнічнае і ў той жа час не растварыцца ў ім ці ў сучаснасці, адчуць «трансфармацыю, якую неабходна перажыць, каб аднавіць сваю цэласнасць і стаць людзьмі, якіх памятала Маці-Зямля» [6, с. 170]. На фармальным узроўні рамана гэтая ідэя выяўляецца ў спалучэнні праявічай часткі, прысвечанай адлюстраванню персанальнага пачатку, а таксама ўмовам існавання ў межах навізанай англа-саксонскай або іспанскай культуры, і вершаванай часткі, якая прадстаўляе індзейскую традыцыю; у атаясамленні герояў сучаснасці са старажытнымі культурнымі героямі і багамі; у сімволіцы колеру (вачэй галоўных герояў).

ЛІТАРАТУРА

1. *Тлостанова, М.В.* Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века / М.В. Тлостанова. – М. : Наследие, 2000. – 396 с.
2. *Широкогоров, С.М.* Этнографические исследования : Этнос. Исследования принципов изменения этнических и этнографических явлений / С.М. Широкогоров ; отв. ред. А.М. Кузнецов, А.М. Решетов : в 2 кн. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – Книга вторая. – 148 с.
3. *Стефаненко, Т.Г.* Социально-психологические аспекты изучения этнической идентичности / Т.Г. Стефаненко // Флогистон: Психология из первых рук [Электронный ресурс]. – 1999. – Режим доступа : <http://flogiston.ru/articles/social/ethnic.html>. – Дата доступа : 10.09.2011.
4. *Bhabha, Homi K.* The Location of Culture / Homi K. Bhabha. – London ; N.Y. : Routledge, 2008. – 448 p.
5. *Anzaldua, Gloria.* Towards A New Consciousness / G. Anzaldua // Borderlands : the new mestiza = La frontera. – Aunt Lure Book Company, San Francisco, 1987. – P. 78–91.
6. *Silko, L.M.* Ceremony / L.M. Silko. – N.Y. : Penguin Books, 1986. – 262 p.

The article deals with the motif of hybrid identity in L.M. Silko's novel «Ceremony» and its influence on the imagery and the composition of the novel. Different types of ethnic identity – mono-ethnic, crypto-ethnic, multi-ethnic and zero ethnicity – are considered the base of the novel's imagery. The conclusion is made about the emergence of a new type of ethnicity – a hybrid one – that is embodied in the novel's composition through the combination of prose and verse and is proved to be the most correspondent in today's socio-cultural situation.

Поступила в редакцию 26.01.12

НАШИ АВТОРЫ

Астапкина Екатерина Сергеевна – аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ. Тел. 222-33-66.

Бахшиева Фидан Сурат гызы – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Бакинского славянского университета. Тел. (99412) 440-27-70.

Борчук Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка (немецкий) МГЛУ. Тел. 294-79-82.

Гаврилова Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода № 1 МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Гладко Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Тел. 288-25-71.

Гребень Татьяна Николаевна – магистрант кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Изместьева Ирина Алексеевна – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Тольяттинского государственного университета. Тел. (8482) 53-91-42.

Казанкова Екатерина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков БГУ. Тел. 284-00-20.

Колбаско Елена Петровна – аспирант кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Конашенко Екатерина Ивановна – аспирант кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Кравченко Сергей Юрьевич – сотрудник иностранного ЧПУП «Инвеншн Машин». Электронная почта: info@imb.invention-machine.com

Кузин Александр Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры современных технологий перевода МГЛУ. Тел. 294-75-74.

Мышалова Инна Павловна – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.

Радиевская Виктория Антоновна – аспирант кафедры зарубежной литературы БГУ. Тел. 227-12-94.

Рубанюк Надежда Викторовна – преподаватель кафедры иностранных языков с методикой преподавания Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина. Тел. (0162) 21-63-93.

Силков Сергей Васильевич – гл. специалист по информационной безопасности предприятия «Новаком». Тел. 328-33-05.

Символокова Татьяна Васильевна – аспирант кафедры лексикологии испанского языка МГЛУ. Тел. 284-81-16.

Сокольчик Надежда Владимировна – аспирант кафедры грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.

Толстых Юлия Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики и истории немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Шаповаленко Дмитрий Николаевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода № 2 МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Шевцова Алеся Константиновна – аспирант кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№2 (57), 2012

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *А.М. Горлатов*

Редакторы: *Л.М. Малинина, А.И. Гуторова*

Ст. корректор *С.О. Иванова*

Корректор *Л.И. Печенникова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 06.04.12. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Ризография. Усл. печ. л. 9,07. Уч.-изд. л. 10,56. Тираж 100 экз. Заказ 16.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования “Минский государственный лингвистический университет”. ЛИ №02330/0548503 от 16.06.2009 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172